УРАНИЯ
на 1826 год

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

УРАНИЯ

КАРМАННАЯ КНИЖКА на 1826 год для ЛЮБИТЕЛЬНИЦ и ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Издание подготовили
Т. М. ГОЛЬЦ и А. Л. ГРИШУНИН

Москва «Наука» 1998

УДК 820/89
ББК 84(0)5
У 68

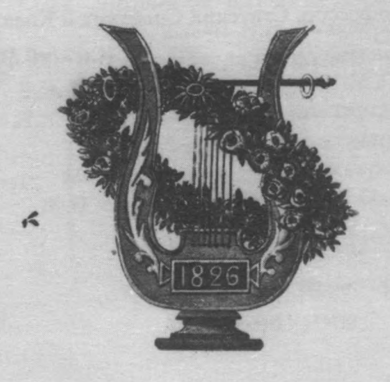
Ответственный редактор
А.Л. ГРИШУНИН

ТП-98-П-№ 301а
ISBN 5-02-011677-7

Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании, до выпуска из Типографии, представлены были в Цензурный Комитет: один экземпляр сей книги для Цензурного Комитета, другой для Департамента Министерства Народного Просвещения, два экземпляра для Императорской Публичной библиотеки и один для Императорской Академии Наук. Москва, ноября 26 дня 1825 года. Сию рукопись рассматривал Ординарный Профессор, Статский Советник и Кавалер

Алексей Мерзляков.

УРАНІЯ.

Издан. М. Погодинымъ.

МОСКВА.

Обложка альманаха "Урания"

ГИМН ЗЕВСУ[1]

Клеанта[2]

О Ты, под разными всечтимый именами[3],
Единый, той же, сый!.. Верховный Бог-Отец! –
Всего созданного начало и конец! –
Простерший над землей, над морем, небесами
Власть чуждую границ и чуждую времен; –
И силой Промысла, безмерность предержащей,
Своей Гармонии творящей
Предавший Хаос ветхий в плен! –

Великий Зевс! – какой из праха ум дерзает
К непостижимому возвыситься, к Тебе? –
Одно смирение в младенческой мольбе,
Как благовоние кадила, возлетает
К владыке всякого добра и бытия!..
Благий! – О, кто Тебя в бесчисленных исчислит?..
Что дышит, что живет, что мыслит,
Все: дух и жизнь, и мысль Твоя! –

Да будет же во мне мысль, чувство и дыханье –
Тебе настроенный хваления орган! –
Тобой одушевлен, я в гимн Тебе избран!
Да будет жизнь моя святое созерцанье
Могущества, любви, премудрости благой:
Я землю призову, я вознесусь до неба,
Низыду в глубины Эреба[4];
Внедрюсь в себя, чтоб жить Тобой!..

Какая бездна дел и бездна поучений
Является в нощи испытливым очам! –
Се! в миллионах звезд сияющий Твой храм! –
Как сановитые жрецы среди служений,
Как неба ратники во пламенных строях,
Вкруг трона Твоего блистают солнцев лики!..
И Ты единый, Ты великий
Вселенной светишь в их лучах!..

Се! – утро белые завесы разделяет –
И в море благ грядет Твой ангел мощный,
День; –
Природа вся ему торжеств и славы сень! –
Он правых радует; он дерзостных смиряет!..
Внезапу меркнет свет, чело в огнях горит;
Багряна мантия свивается клубами;
Обремененный туч горами,
Бушует в бурях и гремит! –

Твой день, Твоя есть нощь; Твои дробящи
громы! –
Как в мысли робкой злых, в сих бурях – Твой
глагол;
Таинственно везде судящий Твой престол! –
Сколь грозно дивен Ты, во пламени несомый!
Течешь, и смутен мир во славе и красах!
Трепещуща Земля, как воск в горниле, тает! –
Благоговенье воспаряет
Над ней в молитвенных росах!

Дух всеобъемлющий, всесущий,
вседержащий! –
На высях, в глубинах, средь суши и пучин,
В тысячелетиях, равно как в миг един,
В громадах, в персти нам невидимой –
творящий! –

Та царствуешь во век, Владыка, Царь и Бог!..
И твердь, и океан, и преисподней сени,
И область выспренних селений:
Все дивных дел Твоих чертог.

Так! мудрость, доброта, души высокой сила, –
Твои дела! Зевес! – порок создал не Ты!
Порок, плод смертного безумной слепоты!
Он сам себе болезнь, и тягость, и могила! –
Раб жалостный страстей, игралище сует,
Он морю бурному ладью свою вверяет!..
Бог все Собою исполняет;
Бог в сердце злобных не живет.

Но что же пред Тобой порочные с пороком?..
Зло самое Себе Ты освящаешь в дань! –
Хвалой Себе творишь хулителя гортань! –
Ты съемлешь чистый плод на поле бед
жестоком,
И данное Тобой не тратится зерно! –
Так – грусть с отрадою, добро с вредом сливая,
С красой нестройность сопрягая,
Везде благое зришь одно! –

Везде един закон, – предвечное зерцало
Для сердца чистого, для мудрой простоты:
Закон любви святой, свободы, правоты! –
Он благ, он ясен, он законов всех начало,
Он истины язык для всех племен, веков,
Как чувство Божества, в сердцах
напечатленной; –
Как солнце видимой вселенной,
Духовных солнце он миров!..

Почто отринули стезю сию простую,
К которой искони природа нас вела? –
Потребность утучнясь, страстям нас предала;

С предметами одна меняет страсть другую!..
Там воин буйственный, мечтая о венцах,
О царствах, о златой триумфа колеснице,
Сквозь огнь, в крови, с мечем в деснице,
По грудам трупов сеет страх!..

Корысти алчныя служитель изможденный
Все в жертву ей несет, что здесь от Бога есть:
Отчизну и родство, благую совесть, честь,
И память, гроба дар – единый цвет
нетленный! –
Там неба сын!.. Увы! беспечный и слепой
На лоне роскоши, сластей телесных ядом
Мертвит и облекает адом
Бессмертну душу – образ Твой...

Восстань, отмщений Бог! Ты ратуяй громами,
Ты воздвигающий грозу, и мрак, и брань! –
Восстань, щедрот Отец! – Ты разверзаяй длань –
И пресыщающий вся благости дарами! –
О Боже, просвети неведенье людей!..
Карай порок и злость, сожги их заблужденья
Огнем, которым все творенья
Светятся в области Твоей! –

Да став причастники божественного света,
Как стадо избранно, как преданная рать,
Со дерзновением сподобимся вещать
Мы право Твоего бессмертного завета! –
Завет Твой возгремит устами верных чад, –
И море даст им путь, и горы склонят главы,
И камень возвратит гул славы,
И бездны глас их повторят!..

Но истинной хвалой дела Ему благия!
Но дань угодная – невинных дар сердец!
Воскресни, воцарись в сынах Своих Отец!
Раскройтесь вечности обители святыя!
Совокупитеся с землею небеса! –
Составьте круг един и смертные, и боги!..
Восторг! – Зрю светлые чертоги –
И – несказанны чудеса!..

Мерзляков.

К ФАНТАЗИИ

Не ты ли в утренних прозрачных облаках,
В вечернем розовом сиянье,
Иль в шопоте листов, иль месяца в лучах,
Фантазия! с собой готовишь мне свиданье?..

В каком же образе явишься предо мной,
Чтоб вновь душа моя тебя узнала,
Чтоб грудь сочувствием к тебе затрепетала
И съединился мир небесный и земной!

Не в виде ли подруги отлетевшей
Ты прежней радостью повеять хочешь мне?
Но нет! в душе моей, к восторгам охладевшей,
Я помню прежнее в каком-то тяжком сне!

Иль утаивши лик под тонким покрывалом,
Второй любовию ты юноше манишь?
Увы! кто плачет о *бывалом,*
Ты счастьем *будущим* того не обольстишь!

И что за счастие? – Я при начале пира
Весь кубок жизни истощил:
Я все дары Судьбы в единый миг вместил;
Не вновь же требовать надежд своих от мира!

Мих. Дмитриев.

ГРУСТЬ НА ПИРУ

Что ты замолк и сидишь одиноко?
Дума лежит на угрюмом челе!..
Видишь – бокалы с вином на столе!
Полно же мыслью носиться далеко!
Стукнем бокал о бокал и запьем
Мрачную думу веселым вином!..

– "Нет! други, если б и самая Геба[1]
С светлой улыбкой младого чела
Нектару в дружний бокал налила, –
Верьте: и самий напиток бы неба
Прежней веселости мне не отдал...
Прочь от меня налитой мне бокал!"

Друг! у тебя навернулися слезы;
Что твое сердце сдавило тоской?
Здесь, пред друзьями, всю тайну открой, –
Горьки ль потери, судьбы ли угрозы,
Иль отравившая душу любовь?
Сдерни, сорви с нас сомнений покров.

"Други! видали ль вы в древней дуброве
Громом нежданным разбитую ель?
Зрели ль, когда, набежавший на мель,
Бренный челнок сокрушался в основе?
Легкие веслы и руль пополам...
Это ваш друг, обреченный слезам.

Долго не знал я на свете приюту,
Долго носила земля сироту,
Долго я в сердце носил пустоту...
Раз в незабвенную жизни минуту –
Раз я увидел созданье одно:
В нем было небо мое вмещено.

Русые кудри вилися струею,
Ластились к шее лилеи белей,
Зыбью ложились на перлы грудей;
Очи – играли моею душею –
Очи, чернее осенних ночей,
Майской у ней улыбались зарей.

С ней я зимой вечерами делился,
Ею одной – и дышал я и жил,
С нею блаженство потоками пил,
С ней... но довольно! я с ней... разлучился!..
Что еще слушать? я все досказал...
Дайте скорей налитой мне бокал."

Раич.

МОЙ ИДЕАЛ

Люблю не огнь твоих очей,
Не розы свежее дыханье,
Не звуки сладостных речей,
Не юных персей волнованье.
Люблю я то в твоих очах,
Что в них огнем любви пылает;
Люблю я то в твоих речах,
Что их живит, одушевляет.
"Люблю" ты молвишь, чуть дыша,
Любовь горит в твоем дыханьи,
Трепещет вся твоя душа
При томном персей трепетаньи.
Душа в улыбке неземной,
Душа в движеньях, в разговоре,
Душа в понятном светлом взоре:
Ты любишь, ты живешь душой!
Тебя одну я понимаю,
Ты душу поняла мою:
В тебе не прелесть обожаю,
Нет! душу я люблю твою.

Шевырев.

К ЛАИСЕ

Из Парни[1]

Только час полночи
Тихо прозвучит,
И ревницев очи
Сон обременит, –
Тенью незаметной
В уголок приветной
Я прокрадусь твой,
И спадут запоры
Тихо предо мной.
Ты откроешь взоры
Томные от сна,
Улыбнешься нежно
И рукою снежной
Обовьешь меня.
Миг очарованья!
Я твое дыханье,
Страстный, буду пить!
Но, мой друг стыдливый,
Сбрось покров ревнивый!
Чтоб милее быть,
В тайное свиданье,
В тишине ночной,
Будь всегда со мной
В легком одеянье
Грации младой.

Ознобишин.

НАДПИСИ К ПОРТРЕТУ

1

Смотря на лик сего героя
Кто не прочтет на лбу: *свободен от постоя*[1].

2

Видали ль в лицах вы дурачество на свете? –
Так вот вам копия с Возкова[2] самого.
Ах, глуп он до того,
Что кажется на сем портрете
Для знающих его людей
Он все-таки немножно поумней.

Соловьев.

2 — 121

НИЩИЙ

Повесть

Вы знаете, друзья мои, старинную, любимую мою привычку шататься в народе, присматриваться к лицам и образам добрых наших сограждан[1*], прислушиваться[2*] к речам их и поговоркам в различные времена их быту, веселые и грустные, когда душа их выходит наружу[3*], когда, – выражусь их пословицею, – у них что на уме, то и на языке. – Вы поверить не можете, с каким удовольствием провожаю я, например, какого-нибудь архангелогородца, приехавшего в Москву с семгою, на колокольню Ивана Великого, показываю ему оттуда Москву белокаменную, рассказываю о сорока сороках московских церквей, об славном удальце, который в коронацию расставлял[4*] на кресте плошки[1], и проч. и проч. – На всех гуляньях, под качелями, на горках, в Марьиной роще[2], я всегда бываю в толпе народной, вступаю в разговор со всяким встречным, смеюсь, балагурю и каждый раз возвращаюсь домой с новыми мыслями о свойствах, хороших и дурных, благословенного народа русского. – Таким образом легко мне было познакомиться и с героем моей повести. – Теперь слушайте:

Часто проходил я Покровкою. На углу, подле церкви Воскресения в Барашах[3], встречался я всегда с нищим, который с первого почти взгляда привлек мое внимание; – но, не знаю почему, при всех моих филантропических видах, я всегда довольствовался подаянием ему нескольких копеек, когда у меня случались они в кармане, и проходил мимо, оправдывая пословицу[5*]: сытый голодного не разумеет.

Наружность его однако ж оставила во мне впечатление глубокое[6*]. Мой нищий был росту среднего; волосы черные с частою проседью покрывали его голову; из-под густых навислых бровей видны были глаза, когда-то яркие; покрытый морщинами лоб, обтянутое лицо[7*] с впалыми щеками, доказывали ясно, что век прожить – не поле перейдти, что[8*] сей земной труженик[9*] приближается наконец к концу своего земного странствования[10*]. – Одежда его состояла в смуром армяке, из-под которого видны были инде лоскуты нагольного тулупа, в шапке, когда-то плисовой, теперь вытертой, бесцветной, с меховым околышем, которую держал он подмышкою, наконец в сапогах, с кое-где прорванными голенищами, и толстой веревке, коею был подпоясан. – Он стоял, прислонясь спиною к углу и опираясь на суковатую палку. – Физиогномия его никогда не изменялась, никого из проходящих не просил он о подаянии ему милостыни, никого не сопровождал молящими глазами. – Это придавало ему вид какого-то благородства: казалось, *он стоял на своем месте*[11*].

Недавно пошел я прогуливаться... только что прочитав объявление о моей книге какого-то рецензента, который не хотел или не умел признать ее достоинства. Мне было очень досадно, и, разумеется, хотелось найдти товарища в досаде. – Нищий стоял на углу. – Я подхожу к нему и начинаю разговор:

– Ты, старинушко, кажется, несходишь отсюда?

– Здесь мое жилье, – промолвил он тихо, оглянувшись на меня, и снова опустил свою голову.

– Довольно ли подают тебе, не нуждаешься ли ты в чем?

– Бог дает день, Бог дает и пищу.

– Сколько лет тебе?

– Идет на шестой десяток.

– Однако ж по виду ты кажешься гораздо старше.

Верно много горя пришлось тебе измыкать на своем веку?

Нищий вздохнул, как бы невольно[12*], и кулаком утер слезы, навернувшиеся у него на глазах. – Мне не хотелось беспокоить его на первый раз своими вопросами и возбудить в нем недоверчивость. – Я подал ему обыкновенную милостыню и пошел мыкать свое маленькое горе[13*].

Между тем старик возбудил во мне желание познакомиться с ним покороче[14*]. Всякий раз, проходя мимо его, начал я с ним кланяться, подавал ему что-нибудь, сопровождая свое подаяние ласковым видом, ласковым словом... и заметил наконец, что он чувствует ко мне благорасположение. – О святое участие! Какой целебный бальзам проливаешь ты на страждущую грудь несчастливца!

Таким образом, по прошествии некоторого времени, я осмелился спросить у него о подробностях его жизни.

– Ах, барин, – отвечал он, – я запечатал было свое горе, – зачем заставляешь ты меня вскрыть его опять? – Но ты добрый человек: у меня всегда бывает теплее на сердце, когда посмотрю на тебя... изволь, я расскажу тебе...

– Пойдем же ко мне теперь, друг мой. – Я живу отсюда недалеко. Мы поужинаем вместе, чем Бог послал, и после ты расскажешь мне свои похождения.

Старик согласился. Мы отправились, и вот что рассказывал он мне[15*] после ужина:

– Я родился в крестьянстве, в Орловской губернии, за Мценском[16*]. – Отец мой[17*] был зажиточен: хлеба у нас стояли всегда скирды непочатые, закромы полны, покосов, скотины, одежи всего вдоволь. Семья у нас была большая, но мы жили согласно, и нам во всем спорилось. – Отец мой любил меня: я был у него, как порох в глазе. Когда подрос я, меня отдали к сельскому дьячку на выучку. Грамота мне далася и полюбилася, и в год

стал я читать и писать[18*]. – Воротясь домой из ученья, принялся за работу[19*] – косил, пахал, боронил, сеял, и таким образом возмужал[20*] наконец совсем. В деревне своей был я один из первых[21*] молодцев, на работе ли, на гулянье ли[22*], всегда впереди. Песню ли спеть, проплясать ли в хороводе, побегать ли в горелки, рассказать ли быль или сказку какую, пошутить ли с красными девушками на посиделках, – на все было взять меня, и они говаривали, что красивее, удалее Егора не отыщешь во всем околотке. – Мне минуло двадцать лет. Батюшка сказал, что пора уже посадить меня на тягло[4], пора женить доброго молодца. – Мне и самому стало уже об этом смышляться: часто заглядывался я на Старостину Алексашу, часто бегали у меня мурашки по сердцу, когда, ходив вместе по ягоды, по грибы, за орехами, оставался я наедине с нею. Дивеса происходили со мною. Ни слова, бывало, не вымолвишь, шатаешься как шальной, только что взглянешь иногда украдкою – взглядывала иногда и она, и краснела, а у меня и пуще горело ретивое. – Алексаша была девка кровь с молоком, – ростом почти с вас, барин, – глаза голубые на выкате, – щеки алые, как маков цвет, – волосы русые, в длинные косы заплетенные, спускались с плеч, – белогрудая, полноликая... Как бывало нарядится она в красный кумачной сарафан[23*], как бывало распустит переплетенные лентами косы, как бывало повернет плечами в пышных полотняных рукавах, так поневоле призадумаешься. А какая была она добрая, какая приветливая: никто не отходил от ее окошка без подаяния – или хлеба ломоть, или кусок пирога, или слово доброе, подаст бывало всякому бедному. Никто у нас в деревне не мог на нее пожаловаться. – Словом сказать тебе, барин, по сердцу пришла мне Алексаша. Я начал ласкаться к ней: в лес ли пойдет она в воскресный день по ягоды с подругами – я как тут; в хоровод ли выйдет поплясать – поспел и туда, и всегда находил случай сказать ей что-

нибудь ласковое, приятное: – из города никогда не ворочался без гостинца: либо ленту, либо повязку, что-нибудь принесу моему другу. – И она полюбила меня, – я заметил это; всегда, бывало, на ней моя запонка, моя лента всегда в косе развевается; никогда не проходил я мимо их дома без того, чтоб она меня не увидала[24*] из своей светлицы и не сказала мне: здравствуй, добрый молодец! – Ах, здравствуй, красная девица!" –

Слезы полились градом из глаз моего нищего при сих словах. – Он замолчал: мысли изображались у него на лице[25*]: воспоминание об утраченном счастии теснилось, кажется, в скорбную его душу... ему хотелось пожить еще, подумать тою благодатною жизнию, которая доставалась в удел ему[26*].

Мне было жаль выкликнуть его из этого мира воображения, который один остается в утешение для несчастных, и я молчал, смотря на него с состраданием.

Наконец он опомнился и начал продолжать свою повесть:

– Все наши деревенские спознали про любовь мою: товарищи начали говорить мне, что зевать нечего, что должно поговорить с Алексашею, да и сказать родителям, чтоб они начинали свататься. Я решился сделать по-ихнему[27*]. Это было пред первым Спасом[5], – малина давно уже поспела. Обыкновенно по праздникам хаживали мы, парни и девки, из деревни ватагою человек в двадцать в лес по ягоды, – пошли как-то и тогда. Я не покидал Алексаши. Слово за слово, мы заговорились с нею и отстали от своей гурьбы... никого не слыхать было около нас. Время было жаркое, полуденное, ветерок затих, – ни травка, ни листик не шевелились, только инде под кустиками[28*] провевала прохлада. Усталые, мы сели на траву. Солнце пекло нас, как будто огнем обливая[29*], а на сердце[30*] у меня был огонь еще горячее; я насилу переводил дыхание, сдерживал себя и молчал... Алексаша также молча разбирала малину, и

украдкою взглянула на меня такими глазами, такими глазами, что я почти вышел из себя и, исступленный, бросясь к ней на шею, воскликнул: милый друг мой! любишь ли ты ме... – Ау! ау! ау! ау! – послышалось в стороне. Алексаша тотчас вскочила, но ответ ее был уже на устах моих: она поцеловала меня горячо, горячо. – Знал и я счастие на сем свете! – Мы скоро пристали к своим, а возвратясь домой, я тотчас пошел к батюшке и матушке. – "Благословите меня, родные. Я нашел свою суженую". Старики расспросили меня и согласились. Начали свататься с старостою и старостихою. Дело шло хорошо. Положили и время, в кое играть свадьбу. Алексаше начали готовить приданое. Сельские девушки сбирались уже к ней и пели свадебные песни. Батюшка достроивал мне новую избу. Съездили уже мы[31*] в поезд к невесте[6] с дружками[32*], подружками, с дядьками и поддядьками. Алексаша по нашему обычаю сидела в своей избе накрытая длинным полотенцем в кругу своих подруг, которые пели величальные песни, сидела наклонившись и никуда не глядела. Подле нее посадили лучшую девушку[33*] из нашей деревни[34*]. Как скоро я вошел в избу, ко мне подвели их обеих и велели узнавать невесту. Я узнал ее, и дружка заставил нас поцеловаться, невестины родители благословили нас. Тут начали дариться и велели нам сесть за девичий стол, а поезжие[7] сели за большой стол. Батюшка и матушка угощали их своим привезенным вином и хлебом. Когда первый стол был кончен, тогда невестины отец и мать посадили нареченного зятя за большой стол со всем поездом и начали угощать их уже своими припасами. Только что мы распировались, только что начало говориться вольнее, – шасть в избу барский дворецкий, и сказывает, что барин вслед за ним будет на короткое время в деревню по каким-то делам и остановится у старосты... Меня как мороз по коже подрал, лишь только я услышал об нем. Все взволновались, засуетились – начали думать, ме-

рекать – как быть, что делать, и наконец решились отложить свадьбу до отъезда баринова[35*]. – Гости разошлись – барин и в самом деле тотчас приехал. На другой день поутру сбегал я[36*] к Алексаше и поговорил с нею в огороде. Он видел ее. Пред вечером я побывал опять у ней, моей любушки. Она была грустна, хотя и старалась утешить меня. Я не слыхал ее утешенья: тоска-свинец упала мне на сердце[37*], вещее предвещало оно беду неминучую. Тяжело было мне, когда я простился с нею. Дома места сыскать я не мог[38*]... метался туда и сюда. Матушка подумала, что меня схватила огневка[8]. Кое-как промаячил я ночь, которая показалась мне целою зимою... На другой день, чем свет, бегу я[39*] к старостиной избе – по задворку, под плетнем, лежали два барские лакея, и я нечаянно услышал их речь... поминают имя Алексаши, барина. Я остановился, стал слушать – что же услышал я, Царю мой небесный! – и теперь еще мутится в глазах моих... Злодей! он... Ах, Алексаша!

Нищий замолчал снова. Эта минута живо представилась его воображению, он весь дрожал, глаза его сверкали. Насилу мог я успокоить его.

– Я упал без памяти, – стал продолжать он тихим голосом, – не помню, много ли, мало ли времени лежал я на том месте. Помню только, что опамятовался я к своему горю в нашей избе[40*]. Матушка вспрыскивала меня Богоявленскою водою[9]. Я опамятовался, но память у меня была не прежняя: я помнил только то, что у меня есть на свете злодей, кровный, лютый, – всего прочего как будто и не было, – или лучше, весь свет казался мне[41*] моим злодеем. Ничего не мог я различить: все в голове моей было вверх дном... но нечаянно попался мне на глаза нож. Его я различил, его узнал я с радостию, почувствовал, что такого друга мне надо, схватил и побежал благим матом к старостиной избе... взбегаю... все пусто... спешу в светлицу алексашину... нет никого... Я сел на кровать ее и озарился вокруг себя. На половице

видны были какие-то пятна... В бешенстве стал я скоблить их своим ножем[42*]. В это время вошел ко мне батюшка, который поспешал вслед за мною, подумав, что я хочу сделать что-нибудь над собой. Он рассказал мне, что старосту с женою барин переселил в другую дальнюю вотчину, Алексашу же взял с собою. Я слушал и скоблил...

Куда уехал он? – спросил я наконец дрожащим голосом.

– В Курскую вотчину.

Ты не спрячешься от меня в курской своей вотчине, – подумал я, и вместе с батюшкою пошел тихими шагами к своей избе. Дяди, тетки, братья старались развеселить меня... Я веселился только, смотря на свой нож, думая, как я всажу его под сердце своему злодею, как скажу ему, что Алексаша была моею невестою. – Между тем смышлял я вырваться поскорее из нашей деревни. Это было трудно, потому что все домашние за мною присматривали. Наконец выбрал время. На заре, когда все еще у нас спали, из мужиков же никого не было дома, – я встал, снарядился в дорогу, попробовал свой нож, отточил его на камне, сходил на погост, помолился Спасу да Святому Миколе, и пустился в путь по Курской дороге. Идти мне было весело, как будто на пированье какое. На третий день увидел я нашу деревню. Там был у нас сват с матерней стороны. Я к нему – будто зашел повидаться из ближнего города, куда приехал за товаром, – между тем выспрашиваю о господине. Он здесь, – отвечал мне сват, и рассказал, когда и куда выходит он со двора, когда бывает на работе. Мы поужинали вместе, и на другой день, перед рассветом расстались... Я стал шататься все в околотке[43*], высматривал места, улучал время, и наконец рассудил[44*], что лучше всего расправиться[45*] можно с его милостью[46*] из-под мостика над оврагом, по которому проходил он всегда на поле. – Спрятался, дожидаюсь, как ворон крови... идет он с

двоими... Заворочалось у меня сердце! Только что сошел он с горки и ступил на мостик, я, как волк, выскочил с другой стороны прямо к нему навстречу и закатил нож... но второпях попал не туда, куда надо, а в руку. Хотел было закатить еще раз[47*], и не успел... меня схватили. – Ах, Господи! и теперь вспомнить не могу того времени: что было тогда со мною? – Сердце в куски разрывалось, как будто у меня отнимали опять мою Алексашу. Нет, мне было еще тяжелее. За это меня... но что было, то прошло; так тому и быть.

– Что же случилось с тобою после?

– После чрез сколько-то времени отдали меня в солдаты. Я был в каком-то забытьи, не чувствовал, не думал ничего. На другой год полк наш выступил в поход[10] – мы шли мимо народов иноплеменных, на нас не похожих, через многие страны чужие, по высоким горам, переправлялись через широкие реки, глубокие пропасти, и пришли наконец в... как бишь называют эту страну – там всегда бывает очень тепло, на небе всегда ясно, воздух такой легкий...

– Италия?

– Да, да, Италия. Туда приехал к нам генерал наш Суворов[11] и началась война. Кровь, на первом сражении мною увиденная, возбудила во мне жизнь. Я почувствовал в себе какое-то движение, и полюбил сечу[48*]. Всегда дрался я как отчаянный, и заслужил похвалу от начальников. Меня представили Суворову как отличного солдата: на мне было ран двадцать на груди, на руках, на лице. – Помилуй Бог, какой красавец! – сказал он, целуя меня в лоб. И поверишь ли, барин, несмотря на мою тоску-змею, я находил еще какую-то отраду в службе с нашим батюшкою Суворовым. Мне бывало весело смотреть, как он на коне ездит по рядам и кричит нам: ребятушки! вперед – с нами Бог! – так и рвалась душа и рука за ним. После был я под туркою, под шведом, а наконец в Грузии[12]. Выслужив 25 лет, получил отставку

и пошел на свою родину, но не дошел – верст за сорок так стало мне тошно, тяжело, так возобновилось в памяти все былое, прошедшее, что я не мог идти далее, воротился, и в ближайшем городе принанялся к попу в батраки. Работал лет пять, пока во мне были силы, но я выбился из сил, и есть мне было нечего. Руки поднять на себя я не мог[42*]: мне натолковали сызмаленька, какой это страшный грех, – к тому же я ослабел и телом и духом. Я решился идти в Москву и питаться милостынею. На святой Руси с голоду не умирают, говорит пословица. Не легко мне было однако ж привыкать и к новому своему ремеслу. Много, – знаете вы теперь, ваше благородие, – перенес я на своем веку, но бывало, когда какой-нибудь богач[50*] пройдет мимо меня и ледяным голосом[51*] на смиренную мою молитву скажет: "Бог даст", – тогда я чувствовал новую болезнь, как будто оставалось еще в моем сердце здоровое местечко, которое только сим постылым отказом уязвлялось. После же мне от того не было уже больно, напротив – мне казалось, что я становился богатее, когда кто-нибудь не подавал мне ничего, и беднее, когда я получал милостыню. Теперь же все равно.

– И неужели ты, – спросил я его, – идя в Москву почти мимо своей родины, опять не зашел к своим родителям?

– У меня заржавело сердце, ваше благородие: я не мог им обрадоваться, может быть и на их ласку мне было бы скушно[52*] смотреть: зачем же было тревожить их своим явлением. К тому же я у них давно в поминанье[13].

– А об Алексаше осведомлялся ты?

– Об Алексаше я спрашивал. Она зачахла и умерла года через два после моего приключения. Барин бросил ее задолго еще перед смертью.

Мы говорили несколько времени о походах Суворовских; было далеко уже заполночь.

Я уложил своего гостя, и сам лег спать, думая о барине[53*]...

Какие грозные сны[54*] виделись мне, друзья мои! я вам расскажу их после[55*].

На другой день рано поутру проснулся гость мой и собрался в дорогу.

– Послушай, старинушко[56*], – сказал я ему, – не хочешь ли ты жить у меня? ты будешь сыт, обут, одет...

– Нет, ваше благородие, спасибо за ласку; я привык к своему состоянию, – отвечал он мне и отправился, опираясь на свою клюку.

Погодин.

Д.В. ДАВЫДОВУ[1]

(1816 года)

Давыдов! где ты? что ты?[2] с роду
Таких проказ я не видал;
Год канул вслед другому году...
Или перенимая моду
Певцов конфект и опахал,
И причесав для них в угоду
Жеманной музе мадригал,
Скажу: Май два раза природу
Зеленым бархатом постлал,
И разогрел дыханьем воду,
И вечных Граций[3] хороводу
Резвиться в рощах заказал, –
С тех пор, как от тебя ни строчки,
Ни двоеточия, ни точки,
Хоть насмех я не получал.
Чем мне почесть твое забвенье?
Теряюсь я в недоуменье.
Иль, как мундирный идеал,
Под ношей тучных эполетов,
Ты вместо речи и ответов
Плечом да шпорой говоришь,
И лучшего пера не знаешь,
Как то, которым щеголяешь
И гордо с шляпы шевелишь? –
Иль дружба, может быть, в отставке, –
Отбитая сестрой своей,
Сидит печально на прилавке
У непризнательных дверей.
И для отсутственных друзей

Помина нет в походной ставке
Непостоянных усачей?
Ты наслаждайся с новой гостью,
Но берегись, чтоб наконец,
Платя за хлеб-соль сердца злостью,
Не захозяйничал жилец. –
Иль, может быть, мудрец угрюмый,
На светлое свое чело
Ты, розам радостей назло,
Навел бразды спесивой думы;
Оценщик строгий строгих благ,
Страшась любви и дружбы ныне,
От двух сердечных побродяг
Ты держишь сердце в карантине.
Чем не пошутит хитрый враг?
Уж верить ли моим гаданьям?
Сказав *прости* очарованьям,
Назло пленительных грехов,
И упоительным мечтаньям
Весны, веселий и стихов,
Любви призыву ты не внемлешь,
Но в клире нравственных певцов
Перо Хераскова приемлешь[4],
И мысленно заране дремлешь
В Академических венках!
В твоем камине на кострах
Пылают: красоты угодник –
Роскошной Душеньки певец[5],
Теоса мудрый греховодник[6]
И соблазнительный мудрец –
Наставник счастия Гораций[7];
И окаянного Парни[8],
Поклонника единых Граций,
Которому и ты сродни
(Сказал не в гнев, а мимоходом),

Уж не заставишь в оны дни
Ожить под русским переводом.
Постясь и чувством и умом,
Не знаешь прежних мясоедов,
Ни шумных дружеских обедов,
Ни тайных ужинов вдвоем,
Где с полночи до ранней зори
Веселье бодро спорит с сном,
Теперь живой *memento mori*!*
Мороча и себя и нас,
Не испугавшись Молиера,
Играешь ролю лицемера[9];
Иль может... но на этот раз
Моим поклепам и догадкам
И стихотворческим нападкам
Пора мне положить конец.
Лихого Бурцова знакомец[10],
Тройного хмеля будь питомец –
Вина и песен и любви,
Или, мудрец тяжеловесный,
Свой стих веселый протрезви
Водою нравственности пресной, –
До этого мне дела нет:
Рядись как хочешь на досуге, –
Но мне на голос дай ответ,
И помня о старинном друге,
Ты будь Денисом прежних лет!

К⟨нязь⟩ Вяземский.

* Помни о смерти! (*лат.*).

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ В КРУГУ ДРУЗЕЙ

1

Здесь – в кругу незримых Граций,
Под наклонами акаций,
Здесь чарующим вином
Грусть разлуки мы запьем!

2

На земле щедротой неба
Три блаженства нам дано:
Песни – дар бесценный Феба[1],
Прелесть – девы и вино...

3

Что в награде нам другой?..
Будем петь, пока поется[2],
Будем пить, пока нам пьется,
И любить, пока в нас бьется
Сердце жизнью молодой.

4

Други! кубки налиты,
И шампанское, играя,
Гонит пену выше края...
Погребем в них суеты...

5

У весны на новоселье,
В несмущаемом веселье,
Сладко кубки осушать,
Сладко дружбою дышать.

6

Кто б кружок друзей согласной
Песнью цитры[3] сладкогласной
В мир волшебный перенес? –
Кто бы звонкими струнами
Пробудил эфир над нами
И растрогал нас до слез?

7

Песни – радость наших дней –
Вам сей кубок, Аониды[4]!
В кубках, други, нам ясней
Видны будущего виды...

8

Мы не пьем, как предки пили.
Дар Ленея[5] – дар святой;
Мы его не посрамили,
Мы не ходим в ряд с толпой.

9

Кубки праздные стоят,
Мысли носятся далеко...
Вы в грядущем видов ряд
С целью видите высокой.

10

Пробудитесь от мечты!
Кубки снова налиты,
И шампанское, играя,
Гонит пену выше края. –
Так играет наша кровь,
Как зажжет ее любовь...

11

В дань любви сей кубок пенный!
В память милых приведем!
Кто любовью упоенный
Не был на небе седьмом?

12

Вакху в честь сей кубок, други!
С ним пленительны досуги. –
Он забвенье в сердце льет
И печали и забот.

13

Трем блаженствам мы отпили,
Про четвертое забыли, –
Кубок в кубок стукнем враз,
Дружбе в дань, в заветный час.

14

У весны на новоселье[6],
В несмущаемом веселье,
Сладко кубки осушать,
Сладко дружбою дышать.

Раич.

К НИСЕ

Ниса, Ниса, Бог с тобою!
Ты презрела дружний глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.

Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, –
Наших чувств тебе знать мало:
Ниса, Ниса, Бог с тобой!

Ф. Тютчев.

ГИМН ВЕНЕРЕ[1]

Гомера

Всечтимую, златовенчанную, прелесть-богиню,
Венеру прославим, которую жертвами первый,
Сын моря, Кипр счастливый встретил, когда
благолепно
Зефиры[2] ее провождали торжественной бездны
Чрез волны, в роскошнейшей неге играющей пены.
Здесь приняли радость, власы преплетающи
златом,
Служебные Горы* и в ризы бессмертны одели;
На лепой главе возложили они диадему
Из камней бесценных; пронзенным воскраиям уха
Привесили серги драгие, чудесность искусства;
Вкруг шеи прелестной небрежно на белые перси
Ласкаясь простерлось монисто златое, которым
Они украшалися сами, когда восходили
В беседы блаженныя неба, в родительский терем!
Свершив облаченье,... коль есть красоте
облаченье!..
В собранье бессмертных ведут хитроскромную
деву!
Восторг удивленья! – все встали, сретают, лобзают,
Все об руку с нею... а паче волнуются боги
Младые: всех очи, всех души – кипящи желанья!
Все Прелесть-невесту супругой иметь восхотели!..
Красуйся, ты, – черные брови, ты – сладкие речи, –
Богиня!.. Подай мне победу в кругу песнопевцев!
Ты нектаром уст чародейных исполни мой голос!
Пока я дышу, не умолкнут тебе песнопенья!

Мерзляков.

---

* Девы, богини часов, или времени.

ГИМН МАРСУ

Гомера

Могущих вождь, Арей[1],
В гремящей колеснице,
Златоблестящим шлемом
Венчанный, сечей бог! –
Великий щитоносец,
В доспехах меди рдяной,
Хранитель крепкий стен,
Носящий в сильных дланях
Решительную гибель,
Питающий в душе
Горн гнева негасимый, –
Ты вечного Олимпа[2]
Твердыня и оплот,
Метатель копий смертных,
Отец победы светлой,
Защитник правоты,
Враг лести и коварства,
Вождь правых, ужас злобных,
Всех подвигов глава! –
Путь огненный свершая
В седьмице звезд горящих*,
Где бурные кони
На третьем своде неба,
Нам в трепетную радость,
Твой шар кровавый мчат: –
Услыши моление смертных, помощник,
внушающий смелы

* То есть, как планета в числе седми планет, которые известны были древним.

Юности благорожденной порывы! –
Ты славою дел расширяющий тесные жизни
пределы! –
Счастия в быстры приливы, отливы
Дарующий мужество сердцу крушимому, чтобы
возмог я
Бедствий наветы с главы незазорной
Прогнать сам собою; – чтоб более, ратник юдольный,
возмог я
С собственной слабостью, страстью упорной
Бороться; – всегда бы сражался с коварными мыслей
мечтами,
Гнева слепого с неистовством вредным,
Которое делит меня и с собой, и с умом, и с друзьями,
Самонадеянья с помыслом бедным! –
Могущий! подай ты мне смелость, неложныя доблести
крепость,
Твердо держаться законов отчизны,
Да презрю я, сильный, тиранов угрозы, фортуны
свирепость,
Гордых холодность и злых укоризны!..

Мерзляков.

ПИСЬМО М.В. ЛОМОНОСОВА К И.И. ШУВАЛОВУ[1]

Милостивый Государь
Иван Иванович!

Никто в жизни меня больше не изобидил, как Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сего дня к себе. Я думал, может быть какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым[2]! то есть сделай смех и позор. Свяжись с таким человеком, от коего все бегают и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмичество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта[3] и Миллера[4] для того только бранит, что не печатают его сочинений; а не ради общей пользы. Я забываю все его озлобления, и мстить не хочу ни коим образом, и Бог мне не дал злобного сердца. Только дружиться и обходиться с ним ни коим образом не могу, испытав чрез многие случаи, а зная, каково в крапиву... Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание; только вас уверяю, что в последний раз. И ежели, не смотря на мое усердие, будете гневаться; я полагаюсь на помощь Всевышнего, Который мне был в жизни защитник, и никогда не оставил, когда я пролил перед Ним слезы в моей справедливости. Выше Высокопревосходительство, имея ныне случай служить Отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мне с ним не знаться. Будь он человек знающий и искусный, пускай делает пользу Отечеству, я по моему

малому таланту так же готов стараться. А с таким человеком обхождения иметь не могу и не хочу, который все протчие знания позорит, которых и духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, Который мне дал смысл, пока разве отнимет[5]. Господин Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его Бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя[6] привыкли сидеть дома, и не желают с комедиянтами[7] обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы в единодушии. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить в новую дурную атмосферу. Ежели вам любезно распространение наук в России; ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти; постарайтесь о скором исполнении моих справедливых для пользы Отечества прошениях, а о примирении меня с Сумароковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от вас справедливого ответа с древним высокопочитанием пребываю

Вашего Высокопревосходительства униженный
и покорный слуга

Михайло Ломоносов.

1761 года
Генваря 19 дня.

ПИСЬМО КНЯЗЯ Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО[1] К МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ ПЛАТОНУ*[2]

Преосвященнейший Владыко
Милостивый мой Архипастырь!

Много благодарен за письмы Ваши. Что ж не отвечал прежде, в том извинить меня изволишь. Ты ведаешь и недосуг мой и душу мою, мой любезнейший отец! Угодно было Всемогущему Богу возвышать меня так, как мне в ум не приходило. Я крепко уповаю, что Он со мною и днесь и впредь будет, и даст мне силу служить Его Святой Церкви. Сие правило началось во мне с младенчества и кончится с жизнию. Аще Бог по нас, кто на ны[4]. Приезжай, батюшка, к нам и верь, что я непоколебим.

Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь
покорный слуга
Потемкин.

* Письмо, по уверению И.М. Снегирева[3], доставившего мне оное, относится к году смерти князя Потемкина. *П.*

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА К КНЯЗЮ Г.А. ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ

Светлейший князь,
Григорий Александрович!

Милостивый Государь, благодетель мой!

Радостная весть о взятии Очакова[1] сюда достигла еще декабря 18 дня. Весь царствующий град казался подвигшымся от радости. Притекли мы в первенствующий храм и, преклонив колена, приносили Верховному Господу Сил благодарения искреннего жертву: потом достойно воспрославляли мужественного победителя и благоразумно им управляемое воинство. Я по особенной духа моего к вашей Светлости привязанности почитал за долг не медля принести Вашей Светлости поздравление; но по отдаленности не был известен о точном места вашего пребывании. Вчера, о счастие для меня восхитительное! удостоился я получить от самыя торжествующыя десницы дражайшее начертание, с обстоятельным славныя победы извещением. Всеусерднейше за сие благодаря, поздравляю Вашу Светлость с сею славною победою. Подлинно Бог вас не оставлял никогда и не оставляет. И сей знаменитыя победы, столь скоро и с столь малою тратою полученныя, случай ясным тому есть доказательством. Прошедший год толикою имя ваше вознес славою: желаю и молю, и молить не престану Вышнего, да и настоящий год главу вашу совершенно увенчает. Я тому верую: ибо ведаю и благоразумие, и мужество, и веру вашу к Богу. Ему

препоручая дражайшую жизнь вашу и вся ваши дела, с моим высокопочитанием и душевною преданностию пребываю

Вашея Светлости
Милостивого Государя благодетеля моего
усерднейший богомолец и покорнейший слуга

Платон Митрополит Московский.

1789 Генваря 11 дня.
М о с к в а.

1.

Я есмь.

Да будетъ! былъ глаголъ творящій
Средь бездны ничтожества ночныхъ:
Изъ праха смерти свѣтъ живящій
Отвѣтствуетъ на гласъ, — и въ мигъ,
Изъ волнъ ожившаго эѳира,
Прекрасныя свѣтила міра,
По гласу времени летятъ.
Стихіи жизнію кипятъ;
Хоръ тварей звуками нѣмыми
Отвѣтъ Творящему воздалъ;
Но человѣкъ возсталъ предъ ними
И первымъ словомъ отвѣщалъ:
Я есмь! — и въ сей глаголъ единый, совершенный,
Слился нестройный тварей хоръ,
И гласъ Гармоніи былъ отзывъ во вселенной,
И примиренъ стихій раздоръ,
И звукъ всесильнаго глагола

Страница белового автографа
стихотворения С.П. Шевырева "Я есмь". РГАЛИ

Я ЕСМЬ[1]

Да будет! – был глагол творящий
Средь бездн ничтожества немых:
Из мрака смерти – свет живящий
Ответствует на глас – и в миг
Из волн ожившего эфира
Согласные светила мира,
По гласу времени летят,
Стихии жизнию кипят,
Хор тварей звуками немыми
Ответ Творящему воздал;
Но человек восстал над ними
И первым словом отвещал:
Я есмь! – и в сей глагол единый,
совершенный
Слился нестройный тварей хор
И глас гармонии был отзыв во вселенной
И примирен стихий раздор.
И звук всесильного глагола
Достиг до горняго престола,
Отколе глас творящий был:
Ответу внял от века сущий
И в нем познал свой глас могущий
И рекшего благословил.

Мир бысть – прошли века, но в каждое
мгновенье
Да будет! – оглашает свет,
И человек за все творенье
Дает творящему ответ.
Быстрей, чем мысль в своем паренье,
Века ответ его передают векам:
Так на крылах грозы ужасной
Несется гром далекогласный

По неизмерным небесам
От облаков ко облакам.
Сим гласом жизни и свободы
Наук воздвигнут светлый храм,
Открыты тайны в нем природы
И светит истина очам.
Там мудрость малый сонм предводит
Любимцев избранных ея
И по ступеням бытия
К началу вечному возводит.
Сим гласом в роковой борьбе
Муж доблести исполнен жаром,
Соперник мстительной судьбе,
Ответствует ее ударам.
Судьба безщадная разит
И силе смертной изумилась;
Над жертвой смерть остановилась;
Гремит косой и глас гремит.
Ни звук времен его не заглушит.
Великих нет, но подвиги их живы!
Над мраком воспарил их дух,
И славы дальные отзывы
Потомства поражают слух.

Сим гласом держится святая прав свобода!
Я есмь! – гремит в устах народа
Перед престолами Царей,
И чтут Цари в законе строгом
Сей глас благословенный Богом.
В раздорах Царств, на поле прей
Велик и силен и возвышен,
Во звуке гневного оружия он слышен!
Стеклись два воинства: где глас в сердцах сильней,
Одушевлен любовью раздается,
Победа там несется!

Но выше он гремит, согласнее, звучней,
В порывах творческого чувства,
Им создан древний мир искусства –
И с неба красота в лучах
Пред взором Гения явилась
И в звуках, образах, словах
Чудесной силой оживилась.
Как в миг созданья вечный Бог
Узрел себя в миророжденьи,
Так смертный человек возмог
Познать себя в своем твореньи.

*

Греми сильней, о мощный глас!
И ныне и в веках грядущих
Звучи дотоле, как слиясь
Со звуками миров, в ничтожество
падущих,
Ты возгремишь в последний раз.

Шевырев.

ЕЛЕГИЯ

Не огорчай меня сомненьем
И ложью правды не зови:
Пожертвуй мне хоть снисхожденьем,
Когда не стою я любви!
Слова – для сердца звук ничтожный,
Язык очей – я мог забыть;
Но для тебя опять возможно
Меня в минуту научить!
Тебе опасно заблуждаться:
Ты слишком свой хранишь покой!
А мне позволь хоть ошибаться,
Чтобы я мог дышать тобой!

Мих. Дмитриев.

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

Сон

Спишь ли, Ценофила,
Милое созданье?
О, когда бы мог я
В легкое виденье,
Для очей прелестных
Ныне превратиться.
Я б оставил крылья,
И никто б из светлых,
Лучших снов Зевеса,
Близко Ценофилы
Не дерзнул носиться.

Венок

Тебе венок сей из лилей,
Блестящих снежной белизною,
Киприда[1], приношу с усердною мольбою:
Тронь сердце Делии моей.
Увы! жестокая любовью презирает,
И даже те цветы с досадой обрывает,
Которые один, в безмолвии ночей,
Я тайно рассыпал вблизи ее дверей.

Весна

Хлад зимы сокрылся,
Расцвели долины,
С юною весною
Пробудился зефир,
Легкими крылами
Веет ароматы
С лилий и ясминов.

Всех цветов прелестней
Мне моя Корина,
На устах прекрасной
Я срываю розы.
И, счастливец – смертный,
В радостных восторгах
Жизнь позабываю.

Ознобишин.

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

Хладен, светел
День проснулся –
Ранний петел[1]
Встрепенулся –
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей,
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други, –
И вслед за могучим
Ударим грозой!..

Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит – перун[2] вседробящий –
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи. –

За ним, за ним – в ряды врагов
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов –
Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся –
Ранний петел
Встрепенулся –
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но, вас, обновленных прохладою сна, –
Кровавыя битвы подымет волна!..
Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

Тютчев.

К АГАТОНУ[1]

(Из Матиссона[2])

Все дни твои светлы, как майское утро!
Там в миртовой роще, где резвый Амур
Психею[3] лобзает, – увенчан цветами,
Ты Грациям жертвы приносишь младым.

Как Пестума[4] розы цветущий венок твой
Чело осеняет; но Геба пройдет!
Цветы ее с резвой весной умирают
Задолго до тихого запада дней.

Все вянет! – венец Аполлона бессмертен!
Бери же смелее цветущий тот лавр,
Который столь нежно взлелеяла Муза
И ныне с улыбкой тебе подает.

Как древле над урной печальной Орфея[5],
Так некогда, друг мой, под сенью древес
Застонет над гробом твоим Филомела[6]
И песнею нежной твой прах оживит.

Шевырев.

К***

Посылая тетрадь стихов

В борьбе с тяжелою судьбой
Я только пел мои печали,
Души холодною тоской
Стихи холодные дышали.
Когда б в то время знал я вас,
Равно страдала бы, Темира,
Душа моя, – но во сто раз
Была бы пламеннее лира.

Баратынский.

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕР И НОЧЬ

Кто из нас, друзья мои, не погружался в море минувших столетий? Кто из нас не ускорял полета времени и не мечтал о будущем? Эти два чувства, верные спутники человека в жизни, составляют источник и вместе предмет всех его мыслей. Что нам настоящее? Оно ежеминутно пред нами исчезает, разрушая все надежды, на нем основанные. Между тем мысль о разрушении, об уничтожении, так противоречит всем нашим чувствам, так убийственна для врожденной в нас любви к существованию, к устройству, что мы хоть памятью стараемся оживить былое, вызываем из гроба тех героев человечества, в коих более отразилось чувство жизни и силы, и с горестию собирая прах их, рассеянный крылами времени, образуем новый мир и обещаем ему – бессмертие. С этим миром бессмертия, с этим лучшим из наших упований сливаем мы все понятия о будущем. Этой мысли посвящаем всю жизнь, в ней видим свою цель и награду. Что может быть утешительнее для поэта, который к ней направляет беспредельный полет свой? Что назидательнее для мыслителя, который в ней открывает желание бесконечного, всеобщей Гармонии. Не изгоняйте, друзья мои, из области рассудка Фантазии, этой волшебницы, которой мы обязаны прелестнейшими минутами в жизни, и которая, облекая высокое в свою радужную одежду, не искажает светлого луча истины, но дробит его на всевозможные цветы. Не то же ли самое делает природа? Но ежели в ней все явления, все причины и действия сливаются в одно целое, в один закон неизменный, – не для того ли созданы все чувства человека, чтоб на богатом древе жизни породить мысль, сей божественный плод, приуготовляемый цветами Фантазии?

Приятно с верным понятием о природе обратиться к самой же природе, в ней самой искать выражения для того, что она же нам внушила. – Все для нас поясняется[1*]; всякое явление – эмблема; всякая эмблема – самое целое... – Так думал я, пробегая однажды те священные памятники, которые век передает другому, и которые, свидетельствуя о жизни и усилиях человечества, возрастают с каждым столетием и, всегда завещанные потомству, всегда представляют новое развитие. – Так думал я, пробегая эту цепь превратностей и разнообразия, в которой каждое звено необходимо, которой направление неизменно. – И что ж представилось разгоряченной Фантазии? – Простите ли вы, друзья мои, сон воображения, быть может, слишком любопытного и потому – быть может – обманутого?..

Врата востока открываются перед нами – все в природе с улыбкою встречает первое утро; луч денницы отражается светом и озаряет одно – беспредельное – вселенную. Как пленителен в эту минуту юный житель юной земли; первое его чувство – созерцание, чувство младенческое, всем довольное, ничего не исключающее. Послушаем первую песнь его, песнь восторга безотчетного; она так же проста, так же очаровательна, как первый луч света, как первое чувство любви. – Но он простирает руку к светилу, его поразившему, и оно для него недостигаемо. Он подымает взор к небу, душа его горит желанием погрузиться в это ясное море; но оно беспредельным сводом простирается высоко-высоко над его главою. Очарование прекратилось; он изгнан из этого рая, – два Серафима, память и желание с пламенными мечами[1] воздвигаются у заветных врат, и тайный голос произносит неизбежный приговор: "сам создай мир свой". И все оживилось в Фантазии раздраженного

человека. – Чувства гордости и желание действовать в одно время пробудились в душе его. Он отделяется от природы и везде ищет самого себя. Всякий предмет делается выражением его особенной мысли. Горы, леса, воды, все населяется произведениями его воображения и обманутое усилие выразиться совершенно – везде открывает строгий закон необходимости, слепо управляющий миром.

Настает полдень – чувствуя в себе силу, чувствуя волю, человек покидает колыбель свою; обманутый надеждой поработить себе природу, – он хочет властвовать на земле и обоготворить силу. Стихии для него не страшны, Океан не граница, он любит испытывать себя и ищет противоборника в природе. Каждой страсти воздвигнут олтарь[2*], но и в бури страстей[3*] человек не забывает своего высокого предназначения. Небо, утром безмятежное, покрылось в полдень тучами, но природа не узнала тьмы; ибо молния в замену солнца, хотя минутным блеском, рассекла[4*] густой мрак.

Все утихает под вечер дня: страсти гаснут в сердце, как следы солнца на небосклоне. Один луч ярким цветом брежжет[5*] на западе; одно чувство, но сильнейшее, воспламеняет человека. Вечером соловей воспевает любовь в тени дубрав и песнь любви повторяется во всей природе. Любви жертвует сила своими подвигами. Небо говорит человеку голосом любви; а на земле цветок из рук прекрасной подруги венец для героя.

Но долго взоры смертного перебегали все предметы, наконец усталые вежди сокрыли от него все явления, тишина ночи склонила его ко сну – к воззрению на самого себя. Только теперь душа его свободна. Предметы, пробудившие ее к существованию, не останавливают ее более[2]; они быстро исчезают перед нею и она созидает свой собственный мир, независимый от того мира, где все ей казалось разноречием. Только теперь познает человек истинную гармонию. – Уста его откры-

ваются и он шепчет такие звуки, которые привели бы в трепет младенца, но которые мыслящий старец записал бы в книге премудрости. – О, с каким восторгом пробудится он, когда новый луч денницы воззовет его к новой жизни, – когда, довольный тем, что он нашел в самом себе, он перенесет чувство из мира желаний в мир наслаждения!

Веневитинов.

ПОТЕРЯННЫЕ ПОЦЕЛУИ

(Из Шенье[1])

Я был малюткою, она ж в своей весне,
И девственной блистала красотою;
Звала меня к себе, и улыбалась мне.
Склоняясь к ней на грудь, я смелою рукой
Златые локоны прелестной развивал,
И часто взгляд ее с стыдливостью немою
Мне резвость детскую невинно упрекал.
Но гордая, она нежней меня ласкала
При взорах юношей вздыхающих вкруг ней.
О сколько раз (но грудь еще любви не знала)
Прекрасная, обняв меня рукой своей,
Устами нежными приятно целовала;
И говорили все на мой триумф глядя:
О сколько благ на ветр! счастливое дитя!

Ознобишин.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ*

Ветр осенний набежал
    На Херсонски степи,
И с родной межи сорвал
    Перекати-поле.

Мчится ветер по степям,
    И на легких крыльях
Мчит чрез межи по полям
    Перекати-поле.

Минул полдень, и уже
    Солнце погасало;
Ветр оставил на меже
    Перекати-поле.

И объято тишиной
    Наступившей ночи,
Думу думает с собой
    Перекати-поле:

"Тяжело быть сиротой!
    Горько жить в чужбине!
Ах! что станется с тобой,
    Перекати-поле?"

---

* В Херсонских и других степях южной России есть трава statice maritima L. Тамошние жители называют ее *Перекати-поле* – вероятно потому, что оторванная в осень ветром от корня своего, она катится по полям, пока не встретит препятствия или не набежит на огонь, раскладываемый кочующими чабанами.

Вот проснулся ветерок
После полуночи;
Глядь, – и видит огонек
Перекати-поле.

"Дунь, и прямо к огоньку
Принеси сиротку!"
Говорила ветерку
Перекати-поле.

"Сдунь меня с межи чужой!
Брат твой – ветер буйный
Разлучил с родной межой
Перекати-поле".

"Что же мыкать мне тоску
Вчуже без приюту?
Мчи скорее к огоньку –
Перекати-поле!"

Вспорхнул легкий ветерок,
Пролетел полстепи,
И примчал пред огонек
Перекати-поле...

И пригрел уж огонек
Трепетну сиротку,
И слился в один поток
С Перекати-полем.

В бесприютной стороне,
Без отрады сердцу, –
Долго ль мыкаться и мне
Перекати-полем?

Раич.

ГИМН ПАНУ[1]

Гомера

О сыне Меркурия[2] милом поведай мне, Муза,
О том, козлоногом, двурогом любителе песней,
Который с лесистого Пинда[3], дев пляшущих хору
Послушный, нисходит, когда от утесов кремнистых
Его призывают, мохнатого пастбищей Бога,
Веселого, коему милы и холмы дубравны,
И горные дебри, и хладные камней вершины. –
Беспечный, он бродит туда и сюда в крутоярах;
То нежится сладко в прохладе реки
сребраструйной;
То с скалы на скалу шагая над пропастьми,
странник,
Блуждает, любуясь рассеянным стадом в долине;
Нередко преследует ланей по мшистым вершинам,
Нередко он рыщет по холмам, убийца животных,
Ловец дальновидный. – Тогда, усладившись охотой,
При праге пещеры сидя, на свирели играет
Он томные песни... Ах, птица весны многоцветной
Горюя с любовию, так не поет заунывно!
Ему припевая любезно-речистые нимфы[4],
И мило резвяся на бреге муравчатом, пляшут;
И горное Эхо на глас их ответствует звучно! –
И сам он кружась и кривляясь средь хора забавный,
Топочет ногами и плещет руками в лад песней.
Поляна играет под ним испещренная пышно
Цветами прелестными, злаками трав благовонных.
Хвалы же поют всем бессмертным Олимпа, но паче
Меркурия – славят; подлунному миру полезный,
Он воли всевышних быстрейший для нас
благовестник.

Аркадия[5], водообильная матерь стад овчих,
Прияла его на роскошных долинах; там роща
Ему процветает Циренская[6]; тамо небесный
Забыв божество, был он стражем козлиного стада,
Служитель смертного мужа... К чему и бессмертных
Любовь не приводит? – Он страстию таял к Дриопе[7],
Прекраснейшей деве; родила прелестная сына,
О чудо! – двурогого, с козьими в шерсти ногами,
Любителя песней, веселого, резвого сына! –
Кормилица матерь от страха бежала, увидев
Мохнатое чадо – уродство игривой природы! –
Но принял Меркурий приветно на отчие длани
Рожденье любезной, и в сердце своем веселился! –
Мгновенно несется к Олимпу, лелея на персях
Младенца, покрытого мягкою кожею зайца;
Вступив же в обители светлы великого Зевса,
Богам и богиням его показал, – восхитились
Бессмертные: более ж всех любовался им Бахус[8].
Тут *Паном* его нарекли, ибо *всем* был приятен. –*
Красуйся царь-пастырь, и к песням склонись безыскусным.

Мерзляков.

* Пан от греческого слова πᾶν, что значит *все*.

ИСТОЧНИК СМЕХА

Отрывок из Тассова Иерусалима

Рыцари Карл и Убальд, посланные вождем Готфредом[1] для отыскания Ринальда[2], достигают наконец до жилища Армиды[3], у коей скрывался герой христианский. По совету одной таинственной жены сии рыцари, обладающие разными священными талисманами, должны приступить утром ко исполнению возложенного на них поручения...

Остановяся под горой
  В тени дерев угрюмой,
Герои ждут зари младой,
  Объяты сладкой думой.
Лишь солнце золотым огнем
  По небу голубому
Рассыпалось – "Идем! идем!" –
  Воззвал один другому.
И бодро к цели потекли
  Веселою стопою...
И вдруг, как будто из земли,
  Встал змий перед четою.
Глава покрыта чешуей,
  И гребни золотые
Перегибаются по ней,
  И гнев клокочет в вые;
Гортань дымится, яд клубя,
  С очей огнь смерти льется.

То весь вберется он в себя,
    То снова разовьется –
И всем хребтом, и всем хвостом
    Дорогу переложит; –
Герои всё своим путём,
    Ничто их не встревожит.

И Карл уж меч свой обнажал
    На пораженье змия;
"Что делаешь? – Убальд вскричал, –
    Оружия земные
И сила рук твоих – ничто
    Для стража вероломной".
Умолк и жезл потряс златой.
    Лишь свист раздался томной
В смущенных воздуха зыбях,
    И робкий страж смирился, –
Бежит с отчаяньем в очах,
    И в мгле туманов скрылся.

Они вперед, и вдруг им лев
    Навстречу златогривой, –
Он грозный поднимает рев,
    Косматой машет гривой,
По крепким ребрам бьет хвостом,
    Полн гнева взор багровый...
Убальд таинственным жезлом
    Взмахнул и – стих суровый,
Оледенел кипящий гнев
    В груди, объятой страхом,
И – прогнан в дальни степи лев
    Жезла победным махом.

Оспоривая каждый шаг,
Они идут на гору;
Во всех встречаются местах
Чудовища их взору,
Каких на свет не изводил
Ни мрак Гирканской сени,
Ни полный крокодилов Нил,
Ни страны без селений
Простерты длинною грядой
С Атланта и до Нила;
И всюду благость над четой
Небесная светила.

И ей чудовища земли
Путей не преграждали,
Послышав свист жезла вдали,
Они с пути бежали,
И взгляд один на жезл златой
Вливал в них ужас черный.
Герои мирною стезей
Идут на выси горны,
Лишь снежные бугры и льды
И крутизны отвесны
Пересекали им следы
И путь давали тесный.

Уже остались позади
И льдины и стремнины;
Уже светлелись впереди
Цветущие долины;
Герои шаг, и – над главой
Сияет солнце лета;
Глядят – и прелестью живой
Страна волшебств одета:

Там вечно веет ветерок
Прохладою душистой,
И вечно растворен восток,
И вечно небо чисто.

И вечная на нем лазурь
Надеждою сияет,
И никогда свист вьюг, вой бурь
Эфира не смущает;
Ни зноя там, ни хлада нет.
Там зеленью младою
И холм, и луг всегда одет,
Там вечною красою
Цветут цветы, там на древах
Плоды бессмертны зреют.
На пышных озера брегах
Чертоги златом рдеют.

Усталы путники тропой,
Усеянной цветами,
Идут медлительной стопой,
Чуть слышными шагами;
То станут, то опять вперёд,
И вот – источник чистый,
Сбегая с камней, брызги бьет
И брег жемчужит мшистый,
То там, то здесь откинет нить
И шепчет с муравою.
И все, чтоб витязей сманить
Прохладною водою.

То струйки все собрав в одно
Под тенью древ густою,
Навесится с брегов на дно
Лазурной пеленою,

И на златой груди песков
 Прозрачной дымкой ляжет,
И жадным взорам пришлецов,
 Что есть на дне, покажет.
На бреге бархатным ковром
 Раскинут дерн пушистый;
Приятно страннику на нем
 Возсесть у влаги чистой.

"Вот он! – пришельцы говорят, –
 Источник смеха ясный,
Вот ток воды, хранящей яд,
 Для путников ужасный!
Теперь – победа нам иль плен!
 В час опытов опасных
Затворим слух наш для Сирен,
 Для песней сладкогласных!"
Меж тем чета друзей вперёд
 Идет, идет и – стала
У пышного разлива вод,
 У влажного кристалла.

Глядят – и с брашнами столы
 Расставлены на бреге;
В водах раздвинулись валы
 И в сладострастной неге
Две девы – чудо красотой,
 Прелестней Гурий[4] рая –
Встают и плещутся водой,
 И, в мирный спор вступая –
Кто прежде к цели доплывет –
 В лазурну глубь ныряют:
Вот скрылись... вот спина мелькнет;
 Вот локоны всплывают.
Невольно вспыхнули сердца
 Героев горделивых, –

Стоят, ждут спорных игр конца,
    Глядят на дев резвивых;
А девы все еще в воде
    Играли и шутили,
И вот одна, встав до грудей,
    Всю прелесть роз и лилий,
Всю роскошь девственных красот
    Пришельцам показала...

На прочих тайнах дымка вод
    Прозрачная лежала.

Так в облаке росы встает
    Румяная денница;
Так вышла в первый раз из вод
    Любви и нег Царица[5]:
Так пред очами пришлецов
    Из тока дева встала;
Так влага с шелковых власов
    Кристальная сбегала.
Она бросает взор к брегам,
    Как будто бы без цели;
Там витязи, и – перст к устам, –
    Ланиты покраснели.

И торопливою рукой
    Прядь кудрей развязала, –
Она с главы златой волной
    На пенны груди пала.
О сколько прелестей в сей час
    Сокрыло кудрей злато!
О сколько неги вдруг у глаз
    Разнеженных отъято!
Она сквозь воду, сквозь власы
    Проглянула стыдливо,
И новы расцвели красы
    В тени власов ревнивой.

Во взорах влажный огнь горит,
В устах улыбка дышит,
На розах девственных ланит
Румянец страсти пышет...
Раскрылись алые уста,
И глас, как звуки Рая,

Из них услышала чета
Героев молодая.
"Любимцы счастья! вы пришли, –
Сказала дева тока, –
В благословенный край земли
По вышней воле рока."

"Здесь вечный царствует покой,
Здесь горестей забвенье!
Здесь разливается рекой
Безбрежной наслажденье,
Которым в веке жил златом
Народ законов чуждый.
Прочь меч, и панцырь, и шелом!
В доспехах нет здесь нужды;
В храм мира их! им не видать,
Не жаждать боле крови;
Вы будете здесь воевать
Под знаменем любови."

"Здесь стан войны – душистый холм,
Тень рощи, мягко ложе.
Мы вас к Царице приведем;
Для ней всего дороже
Блаженство вверившихся ей;
Она – могучий гений –
Разделит с вами радость дней
И негу наслаждений.

Скорей омойте пот и прах
В струях потока чистых,
Вкусите снеди, на брегах
Расставленной пушистых".

Одна манит их звуком уст,
Другая взором ласки,
Движеньями и мленьем чувств.
Так в вихре сельской пляски
Пастушка легкою стопой
По звуку струн ступает.
Но твердых сердцем и душой
Ничто не побеждает;
Прелестный глас и страсть очей
И груди – зависть лилий –
Пленяли слух и взор друзей,
Но сердца не пленили.

Лишь вспыхнет огонек ланит,
Лишь чувственность проснется, –
Рассудок бездну озарит
И совесть ужаснется...
И буря чувств усмирена, –
Рассудок им – могила.
Одна чета побеждена,
Другая победила.
Герои к новым торжествам –
К таинственному саду;
А – девы в глубь, и скрыли там
Позор свой и досаду.

Раич.

ОЖИДАНИЕ

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют надежный будет нам
Под сими вязами густыми.
Волненьем страстным я томим, –
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье,
Мы ими нежности вредим
И сокращаем наслажденье.

Баратынский.

СПОР

(Восточная повесть)

Однажды Халиф[1] Гарун аль Рашид[2] не мог во всю ночь закрыть ни на минуту глаз своих. Он встал с постели и прохаживался из одной залы в другую, не находя нигде успокоения. – Поутру велел он призвать к себе Асмая. Как скоро сей пришел с дружественным приветствием, Халиф сказал ему: Здравствуй! Асмай! – Расскажи мне что-нибудь для рассеяния скуки, которую нагнала на меня длинная и бессонливая ночь. Расскажи мне, прошу тебя, лучшее, что ты когда-либо слышал из уст женщины-певицы. – С удовольствием и охотою, Повелитель Правоверных, – ответствовал Асмай. – Много слышал я в моей жизни песен девических, – но только три из них, петые тремя красавицами, в особенности мне понравились.

"Расскажи мне сию повесть", – сказал Халиф, и Асмай начал:

"В один день, когда я находился в Бассоре[3], нестерпимый жар понудил меня искать прохладного убежища. Долго искал я оного с правой и левой стороны, и наконец увидел галерею, украшенную коврами. В одном углу ее возвышалась софа. Окны были растворены, ветерок навевал запахом мускуса. Я взошел в галерею, сел на софу, и в ту же минуту сладостная мелодия возбудила всё мое внимание. Один голос пел:

Я дремала, но украдкой
Мимо ложа он мелькнул,
О, зачем сей ночью – сладкой
Сон глаза мои сомкнул.

Другой девичий голос продолжал:

В светлом, утреннем виденьи
Милый друг явился мне,
Я мечтала, в упоеньи,
Жизнь утратить в наслажденьи; –
Счастье было лишь во сне!

Наконец послышался третий девичий голос:

Всякий час прохладной ночи
Я делюсь восторгом с ним;
Мне его сияют очи
Наслаждением живым;
Мне – в устах его прелестных
Поцелуй всегда горит;
Но когда с полей небесных
Ночь покров свой удалит, –
Мнится вкруг моей ложницы,
С пробуждением денницы,
Запах роз и лилий слит.

Когда сии ангельские голоса умолкли, я хотел удалиться. Смотрю, – вот приближается ко мне невольница и говорит: садися. Она подала мне листок. Я развернул его и нашел следующие строки, написанные прекрасно-округленным почерком.

"О Шейх[4]! да сохранит Небо жизнь твою! три сестры положили нынешним утром по сту золотых монет – в награду за лучшие стихи, которые будут спеты. Мы представляем тебе право произнести приговор и полагаемся на твою справедливость. Да будет мир с тобою!"

"Дай мне перо и чернилы", – сказал я невольнице. Она принесла мне серебряную чернильницу с мускусовыми чернилами и золотое перо, – я написал следующие стихи:

На миг один ко мне вниманье –
Из уст невольницы младой
Я слышал сам повествованье:
Три девицы – очарованье,
Как розы прелестью живой
Вступили в спор между собой –
Чья песнь приятней и звучнее?
Вот день угаснул вечерея
И ночь простерлась в вышине;
Им мнится, будто бы оне
В сей час таинственно-глубокий
Никем не зримы, одиноки;
Но я их мысли угадал;
Забав, веселости резвивой
Свидетель тайный, я внимал,
Как глас красавицы стыдливой
В прелестных звуках выражал:
"Я дремала, но украдкой
Мимо ложа он мелькнул,
О, зачем сей ночью – сладкой
Сон глаза мои сомкнул!"
Умолкнул глас, и неги полный
Будто сердца вздох невольный
Из груди умчав с собой,
Тихо слышен звук другой:
"В светлом, утреннем виденьи
Милый друг явился мне;
Я мечтала, в упоеньи,
Жизнь утратить в наслажденьи; –
Счастье было лишь во сне!"
Силу чувства понимая,
Все волнения души,
Песнь свою поет меньшая
В очарованной тиши:
"Всякий час прохладной ночи
Я делюсь восторгом с ним;

Мне его сияют очи
Наслаждением живым,
Мне в устах его прелестных
Поцелуй всегда горит;
Но когда с полей небесных
Ночь покров свой удалит, –
Мнится, вкруг моей ложницы
С пробуждением денницы
Запах роз и лилий слит!"
В мраке ночи стихло пенье;
Но прелестных милый хор
Мне доверил их сужденье,
Беспристрастный приговор:
Младшей, младшей вся награда,
Песнь ее души полна,
В ней небесная отрада
С звуком сердца сдружена!

Я отдал листок невольнице, которая скоро возвратилась и сказала мне: Асмай, садися! – Кто открыл тебе мое имя? – спросил я. – Стихи, – отвечала она. В это время растворилась дверь. Первая певица вышла и предложила мне корзинку с бисквитами. Я поблагодарил ее, встал и хотел удалиться, как вдруг третья певица, воскликнув: "Садись, Асмай", – принесла мне на подносе триста золотых монет в прекрасно-вязанном кошельке. – "Вот награда, – сказала она, – которую ты присудил мне; прими же ее от меня за исполнение судейской должности".

Халиф, которому вся повесть чрезвычайно понравилась, спросил Асмая: "Зачем присудил ты награду младшей, – отчего не старшей или средней?" – "Да сохранит тебя Всевышний, Повелитель Правоверных, – ответствовал Асмай. – Первая осталась только при желании: *о если б, о когда б*! Вторая касалась только сновидения, а не истины. Третья, напротив того, видела

действительно своего возлюбленного и чувствовала себя обвеянною благовонием роз". – "Понимаю, понимаю, – прервал Халиф. – Что ж потом, Асмай?" – "Потом, Повелитель Правоверных, взял я триста золотых монет, весьма удивленный, что в один день таким странным случаем выиграл подарок столь значительный."

Ознобишин.

МАДРИГАЛ

Нет ни в чем Вам благодати,
С счастием у Вас разлад:
И прекрасны Вы некстати
И умны Вы невпопад.

А. Пушкин.

БАСНИ

(С польского из Красицкого[1])

1

Всем возрастам по злу отчел судьбины молот.
Сын плакал, а отец кряхтел, –
Сын воли, а отец здоровья не имел:
Один грустил, что стар, другой грустил, что молод.

2

Орел на воробья, сидящего на кровле,
Отправил ястреба, гнушаясь мелкой ловлей.
Некстати поспешил посланник дань принесть:
Иной чем больше ест, тем больше хочет есть, –
И попросту Орел, держась такого слова,
Сперва ловитву съел, а после птицелова.

3

Для табака ли нос, или табак для носа? –
Заспорили до слез, знать, два молокососа.
Табашный лавошник, свидетель жарких врак,
Назначен был от них в решители вопроса.
– О чем и спорить тут? – решил наш думный дьяк: –
Вестимо нос на то, чтоб нюхали табак.

К⟨нязь⟩ Вяземский.

ХРАМ

Из Ламартина[1]

Люблю я в сумерки – меж тем как из-за рощи
Восходит медленно светило тихой нощи –
И поздняя заря, с вечерней тишиной,
День исчезающий за горы провожает, –
Люблю я приходить пустынною тропой
К долине той, где храм свой купол возвышает.
Уж своды поросли мхом диким и травой –
Но в них невидимо присутствует святыня.
Приветствую тебя, безмолвная пустыня,
В которой вечным сном почивших тлеет прах!..
Вот крест обрушенный, вот памятник унылый...
Мир праху вашему, священные могилы!..
И горе смертному, который в сих местах
Бестрепетно – себе подобных попирает!..
Не всех ли нас равно истленье ожидает?..
Мы тратим жизнь свою в заботах, в суетах,
В борьбе страстей... меж тем часов не слышим
бою;
Дни юности летят, за годом ловим год...
О юноша! поток стремится с быстротою,
Но, канув в Океан, как капля в бездну вод,
Уже к источнику не возвратится снова...
Так вместе с временем исчезнув навсегда.
Потонем в вечности, увы! и никогда
Не посетим уже отечества земного...

Вот храма наконец ступеней я достиг. –
Торжественная ночь! священное молчанье!..
О сколь Невидимый в безмолвьи сем велик!..[2]

Все мрачно... в алтаре лишь слабое мерцанье
Перед иконою трепещет золотой.
Меж тем как все уже оделось темнотой,
Лампада теплится... так, каждое мгновенье
Над миром суетным не дремлет Провиденье

Но вот преддверие... как мрачен к храму вход!
Как томно сквозь окно свет проникает лунный...
Все тихо – подо мной лишь стонет пол чугунный,
Звучит мой каждый шаг и шепчет древний
свод!..
Один, лишь тению своей сопровожденный,
Иду вперед – уже в святилище вступил –
Святые алтари! таинственные стены!
Давно, давно уже я скорбь в душе таил...
Пред вами здесь, один, коленопреклоненный
Хочу все горести сокрытые излить.
Кому доверить их? никто не сострадает...
Лишь вы им внемлете, лишь Небо им внимает. –

Но взор к Превечному дерзну ли устремить
С душой растерзанной любовью и страданьем?..
Страшись! разгневанный присутствием твоим,
Сей храм – отмстит тебе внезапным наказаньем.
Но нет! не постыжусь пред Существом благим
Признать ту смертную и страсть, которой сила
Любовь к небесному во мне одушевила!
Знал счастье, знал я скорбь – но чувств не
изменил –
И опыт бедствия сей пламень осветил.
О Царь судеб! в ней все, что в жизни я имею!
Перед лицом земли, перед Природой всею,
И в сем святилище, где лик сияет Твой,
Творец – я назвал бы ее и пред Тобой!..

И – побеждая страх, внушаемый святыней,
Я имя милое под сводом произнес –
И ропот, повторясь могильною пустыней,
Как сетующий вздох, в окрестности исчез.
Гробницы хладные! моления обитель!
Мир с вами!.. слышу бой полуночных часов.
Я скорбь доверил вам! Небесный утешитель
Мой слышал вздох – и я терпеть еще готов. –

Ал. Норов.

ДВА ПОСЛАНИЯ К ЛЕОНИДУ

I

(Писано в 1818 году)

Милый друг, кому три Грации
Служат верными подругами,
Кто под броней скрыл военною
Сердце чувствами богатое!
Ты теперь своей веселостью,
Дружбой нежной, неизменною,
Оживил в душе печального
Время всем нам незабвенное:
Как средь быстрых, шумных радостей
Дни казались нам минутами,
Как ума в беседах пылкого
Искры яркие сливалися
С тихим пламенем Поэзии;
Как цепей избегнув города,
Мы в поля несли свободные
Наши резвы удовольствия –
И оставя чащу дикую
Нимфы с Фавнами[1] стекалися
Любоваться нашим праздником.
Злой борей развеял по полю
Красоту тенистой рощицы:
Так рассеял рок завистливый
Наше дружеское общество.
Разбрелось собранье прелестей,
Дарований и любезности!
Я, болезнью преждевременной
Пригвожденный к ложу смертному,
Здесь остался их оплакивать,
И на место уложения

Эпикуров и Овидиев[2],
Принялся было за Стоиков[3]...
Но ты снова к нам являешься
Резов, мил, счастлив по-прежнему –
И воскрес давно угаснувший
Огонек воображения
В умирающем затворнике.
Так! для сердца нет минувшего:
Все в его юнеет памяти!
Так, все радости протекшие
Возвратило мне свидание
Друга нежного, любезного!
Раз, другой с ним побеседовать –
И я ожил вновь для общества,
Вновь своим доволен жребием,
Я войду в союз прелестнейший
И с Любовью и с Надеждою.

II

(Писано в 1825 году)

Не дивно, Леонид, что юноша мечтает
Блаженство уловить, гонясь за суетой;
Но для чего, скажи, колена преклоняет
Перед богинею слепой
Сей старец, жизнью пресыщенный,
Но тяжким опытом еще не наученный?..
Безумец не познал цены земных надежд!
Вотще был жертвою коварного обмана:
Забыт урок! – С толпой младенцев и невежд
К стопам глухого истукана
Он жадный дух свой приковал,
И жизни при конце, он жить не начинал.

*

Кто ринулся в Дедал პременчивых желаний[4]
И совести отверг спасительную нить, –
Брегись! чудовище неистовых алканий
Его готово поглотить...
Из темной бездны нет исхода:
Прости, прости навек надежда и свобода!

*

Оплачем бедствия собратии своей,
Но переплыв кой-как сей жизни половину,
Устроим, Леонид, спокойней и умней
Свою грядущую судьбину:
Объявим кабалу страстям,
И вольную дадим несбывшимся мечтам.

*

Для нас, для нас отверст приют уединенья,
Скрижали Пиэрид[5], училище веков!
Сокроем от толпы их тайны утешенья, –
И за утрату прежних снов,
В тиши отрадной кабинета
Найдем забвенье зол в святом забвеньи света.

Нечаев.

НОВЫЙ ЭПИМЕНИД[1]

В Афинах некто был из первых богачей,
Гипнид, которого фортуна наделила
Дородством, золотом, – один лишь дар забыла.
(К несчастью света и людей,
Она насмешница на шутки торовата!)
Чертог его был полон злата,
А ум, как нищего сума;
Но что Гипниду до ума?
Любил он есть и пить со вкусом,
Его лелеяли и Бахус и Морфей[2],
И Комус лакомый с проказником Плутусом[3]:
Чего ж еще желать? вы скажете: друзей.
Они с поклонами у золотых дверей
Стояли длинными рядами:
Готов бы был обед, хоть не зови гостей,
Не станет дело за друзьями.
Одна беда – Гипнид с рассудком не в ладу:

Однажды как-то на беду
Ему история Афин попалась в руки;
Он заглянул в нее от скуки,
Собрался с духом и прочел
Сказанье древнее о том Эпимениде,
Который будто бы полвека в сне провел,
Проснулся, в Аттику пришел,
Законы начертал, весы вручил Фемиде[4],
И мудрость славой увенчал.
Все жилки вздрогнули в Гипниде!
"Вот книга золото! – он с радостью вскричал, –
Я кучу книг прочел – да что? все это вздоры.
Ну наконец попалась мудрость мне!

Что толки мудрецов? к чему сужденья, споры?
Все счастье, мудрость вся во сне:
Кто в этой мудрости сравняется с Гипнидом?
О если б я то прежде знал,
Ну то ли б дело? спал да спал,
И верно б был уже полу-Эпименидом.
Да впрочем, что же за беда?
Начать теперь я твердость всю имею:
Быть мудрецом не поздно никогда..."
Вот жертвы пышные приносит он Морфею,
Созвал афинян на обед, –
Им объявил свое желанье –
И общий был льстецов ответ –
Рукоплесканье!
Гипнид отправил их, вздремнул,
Да и заснул.
И долго спал Гипнид – хвала Морфея силе!
Проснется изредка, желудок свой набьет,
Да и опять тотчас заснет
Сном крепким, как мертвец в могиле!
Не слышит, как друзья из кладовой тащат
И серебро и золото без счета,
Не слышит он Сатурнова полета,
Хоть годы часто в дверь стучат.
Но вот старик Сатурн[5] невидимо подкрался
И стукнул сильно шестьдесят.
Проснулся мой Гипнид, трепещет, испугался!
Хотелось бы уснуть, да нет – в ушах звенят
Ужасно годы роковые;
Он к зеркалу, взглянул, а волосы седые.
"Пора вставать! – вскричал Гипнид, –
О радость! о восторг! уж я Эпименид!"
И бегом к площади афинской, –
К себе сзывает весь народ.
На диво чернь стеклась – и вот

Оратор выступил с походкой исполинской.
Все ждут, молчание кругом –
И взоры зрителей уставились на нем.
(В Афинах страшная до редкостей охота!)
Но на оратора напала вдруг зевота,
И словно на беду, лишь только речь начнет,
Ну что ни слово, то зевнет!
(Кто не зевал со сна бывало?)
Скрепился – и пошел рассказывать о снах,
Что видел, что слыхал, в каких он был странах,
А спавши тридцать лет, набредил он не мало.
Но вот в афинянах терпенья не достало;
Народ не понял мудреца
И с громким хохотом оставил, как глупца.
Гипнид несчастный изумился; –
Тут прежний друг его случился,
Он к дружбе тотчас на совет:
"Вот чем награждена Гипнидова заслуга!
Скажи, мой друг, как изменился свет!
Нет, мудрость согнана совсем с земного круга".
И друга был таков ответ:
"Пока готов был твой обед,
Ты мог считать меня за друга;
Но ты Плутуса потерял,
Не выспав мудрости, – простился и с обедом:
Тебе ли поучать своим несносным бредом?
Ты б, право, лучше досыпал.
Не тот был сон эпименидов,
А ты, хоть как ни спи, проснешься – все Гипнид!"

*

Ах! сколько и у нас проснулося Гипнидов,
Но верно втрое больше спит.

Шевырев.

МИГ ВОСТОРГА

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердца упоеньи
Внезапно взор встречаю твой;
Когда на грудь мою склоняешь
Чело цветущее красой,
Когда в восторге обнимаешь...
– Тогда язык немеет мой;
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья,
Я забываю мир земной!
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и Парки[1] роковой.

Ознобишин.

К-НЕ

при стихах А.С. Пушкина
К морю

Как моря грозного валы
Несутся шумными рядами,
И им вослед падут скалы,
Хранимые веками:
Волнуясь бурными годами,
Так нашей жизни Океан
Уносит сердца упованья,
Все наши думы и мечтанья
И стелет на душу туман.

Но ты, не зная бурь, под небом вечно ясным,
На мирном челноке плыви:
Да светит над тобой лучем своим прекрасным,
Звезда надежды и любви!

М-ъ.

СИНОНИМЫ

Острота и остроумие – страсть и пристрастие

1

Наблюдая действия души своей, мы в ней замечаем некоторые особенные способности, принадлежащие к высшим силам познания, и не всем равно достающиеся в удел. Сии способности суть *острота и остроумие*; по наружности они сходны и принимаются нередко одна за другую; но существенно различны.

Остроумие, как высшая степень силы ума, есть способность глубоко и тонко проникать в сущность предмета; тогда как *острота* скользит только по его поверхности, ловит сходство или различие его с другими предметами. *Острота* – дар природы, плод воображения; *остроумие* более следствие упражнения и навыка.

Частное прилагать к общему, главное понятие раздроблять на особенные, рассматривать предметы вдруг с различных сторон, распутывать мысли запутанные, быстро и верно соображать многие представления и проводить их в правильные умствования – все это дело *остроумия*: оно изобретает, предоставляя *глубокомыслию* пользоваться его открытиями. *Остроумию* часто малозначущий случай дает повод к важным изобретениям. Падение яблока открывает остроумному Нютону[1] законы тяготения, а вспыхнувшая в ступке селитра показывает Шварцу[2] настоящее употребление пороха. Для остроумного – заблуждение одного нередко служит переходом к новой истине, которая делается драгоценным завоеванием и торжеством для ума, изощренного опытностью. *Остроумие* смежно с *про-*

ницательностью, так как проницательность с *глубокомыслием. Острота* довольствуется резким сравнением, или противоположностью; *остроумие* проникает внутреннюю связь вещей, пролагая путь к дальнейшим соображениям. *Острота* не делает столь глубоких исследований, а более представляет нам легкое и естественное сравнение того, что дает ей поверхностный взгляд на предметы. Так один писатель сказал остроту, сравнив добродетель с бедною, но прекрасною невестою; всяк ею любуется, а взять за себя не хочет. Представьте сию остроту в нравственном изречении – скажите, что все люди хвалят добродетель, но не решаются быть добродетельными; будет ли сие предписание так разительно и не покажется ли холодным?

Острое слово (bon mot*) есть нечто другое, нежели *остроумное* замечание и случается, как замечает Хвостов[3] (А.С.),

> Что не всегда bon mot ума бывает знак,
> Что молвит иногда гладенько и дурак[4].

Острота забавляет разум, тешит воображение; *остроумие,* составляя также удовольствие ума, ведет к прямым рассуждениям. *Острота* часто принимается в языке у нас не как особливая сила, но как выражение этой силы, как *острая мысль* – латинское sales, *соль.*

Для счастливого изобретения *острых мыслей* воображение должно иметь счастливое расположение, легко и скоро соединять замечаемые нами сходства и открывать разительные противоположности; надобно так настроить дух свой, чтобы он с первого взгляду мог заметить смешную или забавную сторону в том предмете, который с другой точки зрения кажется важным, и тогда можно будет представить странное и забавное в

---

* острота (*фр.*).

новых смеющихся картинах. Конечно, самыми лучшими *остротами* можно признать те, в коих нет натяжки, которые натуральны и не противоречат здравому смыслу, не оскорбляют ни вкуса, ни нравственности; *остроты*, замешанные на желчи, подобны *остроте* в крови, происходящей от испорченности соков: они удел умов поверхностных, сердец развратных, которые любят блистать светом холодным и заимственным – гасят жар сердечный. Предложите им умное доказательство – они осмеют вас эпиграммою; у них *острое слово* служит вместо решения важной задачи, а едкая насмешка – последним средством для унижения ученого, дерзнувшего оспоривать нелепые их мнения. Чем не жертвуют для того, чтобы прослыть в свете *остряками*!

Сии остряки, – замечает г. Нечаев, – не способны к проницательности в делах затруднительных: "как слишком заостренное железо никак не может вонзиться в твердое тело".

"*Острота*, – говорит сам остроумный фон Визин, – не управляемая рассудком, не может быть способна ни на что, кроме мелочей"[5].

Для посмеяния она употребляет во зло предметы, которые должны быть священными для человечества: она подавляет в сердце росток нравственных ощущений; кто ж из благомыслящих людей не согласится с Кантемиром[6], что

Если б из двух нужен был выбор неотменный:
С чистою совестью ум избрал бы простой –
И оставил бы я с злым сердцем *разум*
острый[7].

Но *острота* неужели должна ограничиваться одним увеселением, одною забавою, часто очень горькою, если нарушает спокойствие ближнего, явно унижая в глазах наших нравственное достоинство человека? – Нет!

острота, употребляя сравнение сходства в вещах, ведет к дальнейшим следствиям и способствует уму усовершенствовать искусства и науки. Так испытатель бытописаний, наделенный от природы *остротою*, сравнивает причины и следствия великих событий древнего и нового мира, и из того выводит заключения о будущем. Здесь *острота* и *остроумие* взаимообразно себе помогают, чтобы вернее достигнуть предположенной цели; чего они не могли сделать каждая порознь, то делают совокупно. Иногда *острота* бывает особенною и преимущественною силой духа; иногда же соединяется с превосходным *остроумием*. Такой союз есть счастливое предзнаменование гениев.

2

Сердце человеческое, гнездо *страстей* и *пристрастий*, испытывает многие побуждения, которые сменяются взаимно. Если сии побуждения часто удовлетворяются, то производят решительные склонности, которые, будучи укоренены и усилены, – обращаются в *страсти* и *пристрастия*. Желания и страсти, обладая душою, одни раздуваются другими. Кто жаждет славы и вместе пылает любовию к отечеству, тот будет отважнее и решительнее в действиях своих; в нем соединяется *страсть* с желанием – они наполняют всю душу героя. Противоположные склонности и побуждения одни ославляются другими. Это мы замечаем при борьбе чувственных и разумных ощущений, когда победа переходит то на сторону разума, то на сторону чувственности.

В языке нашем *страсть* и *пристрастие* часто употребляются заимообразно, по-видимому, означая два сходных состояния души нашей; но со всем тем они имеют свои степени и оттенки, след⟨овательно⟩ свои отличия. Постараемся вникнуть в сии отличия *страсти*

и *пристрастия*, как предметов близких к сердцу нашему; рассматривая сии слова, мы будем беспристрастнее рассматривать самих себя.

Слово *страсть* в славянском языке, по-видимому, означало *страдательное* состояние тела и души. *Страстный*, по изъяснению Памвы Берынды[8], страдный; иногда принимается в смысле бедного и окаянного. В просторечии *страсть* значит то же, что ужас: почему и говорят, *страсть* как велик и *ужас* как велик. – *Пристрастие* в старинных законах наших значило угрозу: известно, что *пристрастный* допрос сопровождался пыткою; отсюда и выражение *пристрастить* вместо постращать, напоминающее нам грозное *слово* и *дело*[9].

«*Страстию*, – замечает Ломоносов в "Риторике", – называется сильная и чувственная охота или неохота[10], соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов; при чем всегда бывает услаждение и скука».

Страсти принадлежат к ощущениям; *пристрастия* к желаниям. Любовь есть *страсть*: ее сильно ощущает сердце, она все его собою наполняет; кого мы любим, к тому мы и *пристрастны*; мы желаем видеть в нем все возможные совершенства и видим такие в нем достоинства, каких совсем нет. Одному поэту прочли оду его врага; не знавши об имени сочинителя – он ее расхвалил. Когда ж сказали кто – он жалел, что ее похвалил. "Я немножко показал пристрастия: ода с первого разу мне понравилась, – сказал он, спохватившись; – но если рассмотреть ее беспристрастно: то много кой-чего найдется для критики". – Вот беспристрастие! – *Страстный* означает состояние духа в страсти какой-нибудь, как больной; *пристрастный*, вследствие этого состояния, приверженный, прилепленный, стремящийся к предмету

страсти своей. *Пристрастие* есть как бы нечто находящееся при самой *страсти*, как следствие оной: *пристрастие* требует предмета *страсти*; по-славянски это выражается *вещепристрастием*.

Пристрастия источники многих заблуждений: они наклоняют внимание наше на ту сторону предмета, который производит сильнейшее в нас впечатление и заслоняет от глаз другие стороны. К правильному суждению человек только тогда способен, когда ум его не развлечен *пристрастиями*, когда сердце его не обуревается страстями. И глаза его могут ясно различать предметы только при умеренном свете, достаточном для освещения оных; но при сильном блеске они ослепляются и разбегаются. От *пристрастия* тускнеет свет истины; *страсти* заглушают голос совести. Только тихая река отражает в струях своих лазурь небес и зелень берегов. Сколь сильно *пристрастия* действуют над организмом нашим, то доказывает следующий случай, приведенный г-м Мопертюи[11]. У него был приятель, г. Ланье, член Парижской Академии, чрезвычайно любивший делать расчеты: перед смертью своей Ланье был в беспамятстве, ничего не говорил; Мопертюи спросил его громко: сколько 12 × 12? – 144, – отвечал больной.

Пристрастие медленно и продолжительно; *страсть*, особенно сильная, скоро возникает в душе и скоро проходит. Одно как река, которая, не выступая из берегов, глубже врывается в русло свое; другая действует как бурный поток, вырвавшись из ложа своего, размывает плотину, усиливается от препятствий и стремится всюду, где только откроет себе путь. *Страсть* действует на здоровье, как паралич, а *пристрастие* – как чахотка. Где много *страсти*, – говорит Кант[12], – там мало *пристрастия*. *Страсти*, как болезненные припадки, происходят или от излишества, или от недостатка силы; в первом

случае они бывают сильными и стремительными, наприм⟨ер⟩: гнев – это буря, исторгающая с корнем деревья; в другом тихими, и даже нежными, напр⟨имер⟩: тоска, сострадание – это солнце, от которого снег тает.

Страсти могут быть честными, благородными и откровенными; а *пристрастия*, имея почти всегда основою своекорыстие и самолюбие, лукавы, пронырливы и скрытны: в одних мы привыкли предполагать нечто возвышенное, а в других низкое, мелочное.

Страсти, если не останавливают хода разума, если будут хорошо направляемы: могут обратиться в источники добра, приводя в деятельность дух наш, исполняя нас ревностию ко благу. По свойству самого предмета, к которому они стремятся, бывают, или делаются началами добродетелей, или пороков. Худо направляемые худо и действуют, истощают силы душевные, отводят нас от истины и добра; тогда

Не судит ни об ком рассудок
беспристрастный,
Лишь *страсти* говорят[13].

Но голос *страсти* и мнение *пристрастия* благомыслящий человек подвергает беспристрастному исследованию рассудка; часто самое так называемое *общее мнение* не есть ли отклик оных, который напоминает ему стихи Жуковского[14]:

Что пред тобой ничтожный суд
Толпы во мнениях *пристрастной*
И ветреной и *разногласной*?[15]

Державин[16] нам изображает истинного героя чуждым *пристрастий* и недвижимым *страстями*:

К богатствам, титлам, власти, славе
Прямой герой *страстьми* не движим.
Он строг к себе и благ ко ближним;
Внутри он сердца не привержен;
Сокровище его любезно –
Спокойный дух и чиста совесть;

*

В терпеньи тверд и мудр в напасти,
Не рабствует блестящей части;
Считает тем себя довольным,
Коль общих благ где был споспешник.
Блажен, блажен еще стократно,
Что *страсти* мог свои умерить[17].

К несчастию, нет ни одного человека без наклонности к *пристрастиям* и *страстям,*

И самый лучший из людей
Бывал игралищем *страстей*[18].

Натуре чувственного существа свойственны сильные ощущения и относящиеся к ним побуждения. Сии естественные наклонности трудно искоренить в человеке и довести его до совершенного *бесстрастия*, и сделать его совершенно *беспристрастным.* Но правила нравственности требуют, дабы мы старались столько давать силы своему разуму, чтобы он предупреждал *пристрастия* вредные и направлял безвредные для достижения благороднейших целей. Познание *страстей* и *пристрастий* весьма важно и нужно всякому человеку для того, чтобы ему самому не увлекаться ими, или чтобы отвлечь других от них, или пользоваться ими для наклонения воли других к своей цели. Аннибал[19] у Тита Ливия[20] пользовался сими орудиями красноречия в речи к воинству своему, составленному из разноплеменных народов, кои водимы были различными пристрастиями.

Наемным войскам он обещает, сверх платы, богатые добычи от врагов; галлам он напоминает о закоренелой их ненависти к имени римскому; лигурийцам предлагает плодоносные поля Италии вместо бесплодных гор – их жилищ; нумидийцам указывает на Масиниссу[21] и на жестокое его владычество, карфагенцам на стены родного града, на семейства, на отечественных богов и на гробницы предков. – Аннибал разные *пристрастия* своих воинов слил в одну *страсть*, которая сделалась залогом победы.

Для страсти тесно сердце: она расширяет его и вырывается, когда усилится; обнаруживаясь, то в движениях, то в звуках, производит жаркий и страстный язык. Действовать силою слова на *страсти* и *пристрастия* человеческие, не значит ли двигать сердцами и наклонять их по воле своей. Но тот преступник против человечества, кто пользуется сими средствами для низких своих *пристрастий* и приводит *страсти* человеческие в такую игру, в которой проигрывает нравственность и вера.

Снегирев.

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон[1],
Когда полуночь ненароком
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: Ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струёю
По жилам небо протекло.

Но, ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем. –

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, –

И отягченною главою,
Одним лучем ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

Тютчев.

МАЛОРОССИЙСКИЕ ПЕСНИ

I

Веют ветры,
Веют буйны[1],
Аж деревья гнутся,
А як болит
Мое сердце,
Сами слезы льются,

Полетела б
Я до тебе,
Да крылец не маю.
Чахну, сохну,
Все горую,
Всяк час умираю.

Трачу лето
В лютом горе
И конца не бачу,
Тилько ж мини
Легче стане
Як трошки поплачу.

Не помогут
Горю слезы, –
Сердцу легче буде;
Кто счастлив був
Хоть денечик,
Повек не забуде.

Есть же люди
Що и моей

Завыдуют доли.
  Несчастлива
  Та былинка,
Що расте у поли.

  Ой у поли
  На песочку
Без росы на солнце;
  Тяжко жити
  Без милаго
На чужой сторонце*.

II

Хилилися** густы лозы[2]
Видкиль*** ветер вее;
Дивилися**** кары очи
Видкиль милый еде.

Хилилися густы лозы,
Да вже перестали;
Дивилися кары очи
Да й плакати стали.

В конце гребли***** шумят вербы,
Що я насадила, –
Нема ж того козаченька,
Що я полюбила.

---

* Сия песня доставлена к издателю Д.П. Ознобишиным.
** Склонялись, гнулись (*укр.*).
*** Откуда (*укр.*).
**** Смотрели (*укр.*).
***** плотина, запруда (*укр.*).

Ой, не мае козаченька –
Поехав за Десну*:
Рости, рости, девчинонька,
На другую весну!..

Росла, росла девчинонька,
Да й на поре стала;
Ждала, ждала козаченька
Да й плакати стала.

Ой не плачте, кары очи, –
Така ваша доля!
Полюбила козаченька
Я к месяцу стоя.

Зелененьки огурочки,
Жовтеньки кветочки!
Нема мого миленького –
Плачут кары очки.

Болят, болят мои очки,
Серденько поныло...
Не бачила миленького –
И дело не мило!..**

III

Туман яром***, туман яром[3],
Туман и горою;
Снежок выпав белесенький
Да й взявся водою.

---

* Сию песню поют на берегах Десны, близ Новгорода-Северска, в селе *Чаплеевке.*

** Сия, равно как и следующая, песня доставлена к издателю М.А. Максимовичем.

*** обрыв, овраг (*укр.*).

Не по правде, козаченьку,
Живешь ты зо мною:
Ой! я з щирым* к тебе сердцем,
А ты – з неправдою!

Ой пый, маты, тую воду,
Що я наносыла;
Зови, маты, того зятем,
Що я полюбила.

Не хочу я воды пити –
Стану проливати;
Не любого зятя маю –
Буду проклинати.

* откровенный, искренний (*укр*.).

ГИМН ЛУНЕ

Дщери Кронида всемощного,
Нежные, сладкоглаголивы,
Песней высоких наставницы,
Музы, воспойте прелестную,
Деву – Луну окриленную. –
Се! восклоняся на край небес
Долу главою бессмертною,
Смотрит: – лучи разливаются, –
Бездна сребра светловлажного! –
Горы, и долы, и темный бор
Тонут в безмолвном блистании! –
Златогорящий венец ея
Гонит туманы вечерние;
Облаки нощи, бледнея в мгле,
Реют над дебрями!.. Зрелище
Блага, красот и величия!..
Тако в струях Океановых
Тело омыв она девственно,
В ризы облекшись багряные,
Белых коней запрягает в путь. –
Гордовыйны кони, лепогривые
Быстро несутся в полях небес!..
Сгаснет лишь день полумесяца,
Став колесницею полной шар,
Катится важно в сиянии
Ярко-блестящем, во знаменье
Времени смертным священное. –
Некогда Зевс очарованный
Сам сочетался с прелестною
Страстью и ложем превыспренним. –
Пандия[1], дева родилась им
Сладость – богиня мечтания,

В лике бессмертных любимица!..
Радуйся, белораменная,
Цинтия[2], нощи владычица,
Звезднокудрявая, кроткая! –
Славя тебя, низойду к хвалам
Полубогов благодетельных,
Смертных, которых деяния
Хвалят аонид служители
Песнями млекоточивыми.

Мерзляков.

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, – сказал мудрец брадатый[1].
Другой смолчал[2] и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить,
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей[3].

А. Пушкин.

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Повесть

Родители Софии, молодой девушки, которая играет главную роль в моем повествовании, принадлежали к благородной, как говорится, фамилии, и считали в родословном своем *дереве* предков 30 по мужскому колену и столько же по женскому. – Имение сначала было у них значительное, но благодаря уменью жить в свете, благодаря французским управителям, гувернерам и поварам, гувернанткам и модисткам, они *неприметно* промотались было совсем, если бы в пору не вспомнили, что у них есть кандалы на шее, и не решились убраться в оставшуюся деревню для экономии. Экономия их там состояла, разумеется, не в плодопеременной системе, которой они и понять никак не могли, – не в посеве клеверу, хотя почтенный хозяин в свое время ничего на свете не любил столько, как лошадей, – не в разведении наконец рогатого скота из Тироля и Голландии, которую полагали они далеко за Парижем на границе Китайской; – нет, – они поступили простее: они разочли, сколько на такой-то земле, при таких-то условиях, может выработать тягло, обливая пóтом и кровью землю, обедая, ходя и спав прислонясь, и привели это *сколько* в деньги. Потом разочли, сколько нужно тяглу насущного хлеба (деревня находилась при реке) для того, чтоб дышать и работать, и привели это второе *сколько* в деньги. Получив таким образом два данныя, они вычли второе из первого, остаток назвали оброком, и собрав мирскую сходку, возложили оный торжественно на мирян. – Позадумались миряне, – особливо задние начали почесываться в головах. Выходит наконец Филипп и, поклонясь в ноги милостивым господам своим, объявляет, что такого оброка ни отцы, ни деды их не платили. "Итак уже мы, –

начал за ним дядя Терентий, – нынче..." Но тут добрый помещик мигнул дворецкому, сметливый дворецкий понял приказание и вышел... Под окошками в березнике послышался шум от ломаемых сучьев... У дяди Терентия прильнул язык к гортани. Все миряне взглянулись, поклонились и, проговорив: "воля ваша", – вышли. Таким образом в продолжении нескольких лет надсматривая лично за крестьянами и сохранив число их для помещения в росписи, родители Софьи скопили сумму порядочную, т.е. такую, которая позволяла им прожить лет пять-шесть в столице блистательным образом. – Старики рассчитывали очень умно: они надеялись выгоднее пристроить свою Софью в течение этого времени, – оставили свое захолустье и явились на сцене большого света.

Софье было 18 лет, и Софья была прекрасна собою.

Ах, друзья мои, и теперь еще, когда время начинает гнести меня тяжелою рукою своею, когда воображение мое гаснет и игривые призраки, мечты и видения не так часто вьются около прежнего своего любимца, когда милая Лилета сидит на моих коленях, – и теперь еще, друзья мои, не могу вспомнить прелестной без содрагания[1*]. – Как мила она была[2*] в легоньком палевом[3*] платьице, которое, чуть-чуть на плеча накинутое, всякую минуту, кажется, готово было спуститься... и взор нетерпеливый дожидался уже чуда, – в этой дымчатой косыночке, едва касавшейся до шеи! С какою ловкостью волшебница ее откидывала, закидывала, поправляла! А эти русые волосы, в густых локонах на плеча ниспадавшие[4*], эти голубые глаза, которые сверкали прямо в сердце, эти ножки быстролетные! – Или – другое явление – с каким искусством во время милой болезни *ни то ни сё*, прославленной нашим Дмитриевым[1 5*], надевала она[6*] простенький батистовый чепчик на голову[7*] с узенькой оборкой[8*]! Надобно было любо-

ваться, как он подвязывался под купидоновою ямочкою на подбородке! надобно было любоваться на этот бантик в две петли из ленты голубой или розовой, на эту канифасную[2] кофточку! Посмотрели бы также[9*] ее на бале, на праздничном обеде[10*]. Какая пышность! какой вкус! как ловко умела она входить, выходить, кланяться на все стороны, оборачиваться, даже отворачиваться! Она вся говорила, и на ней все говорило. – Притом никогда не видал я ничего игривее ее физиогномии[11*]: всякую минуту, кажется, она переменялась, и между тем[12*] всегда была одна и та же, всегда мила и прелестна. Поутру, например[13*], после умыванья румянец играл пятнами на ваточных щечках[14*], после обеда глаза[15*] ее покрывались каким-то тоненьким слоем масляной влаги[16*]; к вечеру все лицо разгоралось... Что же производили в чертах[17*] внутренние ощущения? На каждое чувство у ней было по лицу. – Но... ты сердишься... добрая моя Лилета! дай ручку, виноват, я перестану и буду теперь рассказывать о душевных качествах Софьи... к ним ведь вы, женщины, равнодушнее[18*].

Софья была умна, то есть имела этот светский ум, живой и быстрый, с которым все говорится кстати, ничего лишнего: ее заслушивались в обществе, когда она начинала сыпать своими остротами и шутками. Другой славы она не искала, хотя вероятно и могла[19*] получить ее: она думала только тогда, когда говорила, и все внимание ее было устремнено на мнение большого света. Во всем, что касалось до приличий, сметливость ее обнаруживалась блистательным образом: в самом запутанном деле тотчас находила концы, и узнавала место, на котором ей стать должно было, когда сказать, когда смолчать и улыбнуться, – знала, с кем надо говорить о Ростове[3] [20*], с кем о вчерашнем бале, с кем посмеяться над соседкою, перед кем разыграть смиренницу.

Софья была добра, но больше по инстинкту, нежели с

намерением; она не понимала еще теоретического удовольствия в добре, – может быть потому, что суетная об этом не размышляла.

Чувствования же все скользили по ее сердцу; иногда бывало подумаешь[21*], что у нее[22*] не было его. Я не знаю, мог ли кто-нибудь[23*] из живших с нею сказать[24*] решительно, что знает ее мысли о себе. Нынче[25*] покажется, что она смеется над тобою, даже презирает тебя, завтра ты попадешь к ней в милость[26*] и увидишь знак ее расположения. Иногда выводила она из терпения своими несообразностями, но никак нельзя было сердиться на нее; она всегда казалась каким-то существом особенным, о котором судить не возможно по другим людям, которое отдает отчет только себе; прельщает когда хочет, и сердит когда угодно. – Власти над собою, разумеется, она не терпела, и малейший признак ее почитала личным для себя оскорблением. – Я любил ее как милую Прихоть[27*] в человеческом образе.

Но я довольно познакомил читателей с характером моей героини[*] [28*], и теперь могу приступить к описанию происшествия, на котором основывается моя повесть.

София явилась в свете в полном блеске молодости и красоты, богатства и роскоши и была всеми принята с восхищением, всеми без исключения. Пусть французские теоретики утверждают, что нет красоты безусловной, что все нам нравится по отношениям[4]. Я смеюсь над их тощими доказательствами и, не входя в дальнейшее состязание с ними, указываю с торжеством на мою Софью: явись она в застенном Китае, и я уверен, что всякий мандарин[5] пройдет равнодушно мимо игольных глазок своих красавиц и поклонится большим голубым глазам европейской прелестницы. Мудрено ли, что у нас

---

[*] И даже слишком много распространился об нем, – скажут критики. В таком случае я оправдаюсь пред ними пословицею: Что у кого болит (или даже и болело), тот о том и говорит.

в Москве, где столько знатоков, столько людей со вкусом, все были без ума от Софьи, особливо наша пылкая молодежь?[29*]

Открылось обширное поле для ее завоеваний; но она не брала еще в руки оружия[30*] и думала только о своем веселье, ездила на балы, гулянья для того, чтоб показать себя, посмотреть людей... прыгала, резвилась, смеялась, шалила...

Потом уже стала она *осматриваться* около себя, и увидела толпы обожателей. Это было очень приятно для ее самолюбия, и здесь начинается вторая эпоха ее деятельности. Она начала играть их вздохами, манить надеждою, ласкать то того, то другого, и наконец – когда они становились смелее, отставлять с честью. В самом деле ей никто не нравился: тот слишком умен,

> Тот не в чинах, другой без орденов;
> А тот бы и в чинах, да жаль карманы
> пусты!
> То нос широк, то брови густы[6].

Таким образом в продолжении зимы отпустила она от себя дюжины две селадонов[7], которые, быв покинуты милою обманщицею, излили свои чувствования в стихах, заунывных, томных и сладеньких[31*], в таком количестве, что даже проницательные журналисты наши никак не могли догадаться, почему беспрестанно присылались к ним[32*] плаксивые элегии.

Позабавившись[33*] над сими селадонами, насладившись могуществом своих прелестей, Софья начала думать о будущем. Она была уверена[34*] по каким-то софизмам, что для счастия жизни ей довольно было себя[35*], что в супружестве не найдет она ничего такого, что могло бы вознаградить ее за принимаемое иго[36*]; но несмотря на то, ей не хотелось остаться и в полку престарелых девственниц[37*], которые, признаюсь и я[38*], разыгрывают печальную роль в нашем печальном мире.

Она окинула взорами стадо оставшихся, сносных, по ее выражению, обожателей, и стала искать... Вы удивляетесь, неопытные юноши, моему выражению[39*], думая, что только вы ищите. Ах, друзья мои, поверьте мне, что *они* ищут, или лучше, шарят больше нашего, но, хитрые, они делают это тихомолком, они умеют[40*] сохранять во всем этот вид[41*] благородного самодовольствия, этого *не тронь меня,* которое держит нас в таком почтительном отдалении. Итак, она стала искать себе мужа.

Какого же мужа стала она искать себе? – естественно спросит меня всякий читатель. Вот какого – слушайте. –

Не старого[42*], не противного собою, *не бедного*, не злого[43*], не глупого, не... короче – такого, за которого можно было выйти, не нарушая правил благопристойности...

"Но что значат сии отрицательные требования? – подумает с удивлением читатель. – Софья, по словам его, могла[44*] иметь в виду партию блестящую".

Ах, господа, как вы недогадливы! главного условия вы еще не знаете. Я хотел было умолчать об нем, надеясь на вашу светскую опытность[45*], а больше всего не желая привесть[46*] в краску некоторых (разумеется, немногих) дам наших[47*]. Софья искала мужа, которого бы могла водить за нос, или, другими словами, она не хотела выходить замуж, но хотела за себя взять мужа.

Молодой богач Пронской, малый с сердцем и душою[48*], влюбленный в Софью, долго смотревший на нее издали, провожавший всех ее обожателей, наблюдавший, кого и за что она отпускала, сметил наконец дело, догадался, чего ищет она, и прикинулся таким простячком, таким Филькою[49*], что Софье во время пробных разговоров с ним невольно представилась мысль: такого-то нам и надо...

Но не таков-то был он. Пронской, служив долго в военной службе, при Дворе, много путешествовав, прошед, как говорится, сквозь огнь и воду, смотрел на красавиц в оба глаза и протирал их себе часто. Он пленился Софьею, ее умом, красотою, странным характером, но и видел в ней великие недостатки. С волею твердою и решительною он надеялся, прибрав к рукам неугомонную, *исправить*[50*] ее по-своему и потом наслаждаться вполне ее прелестями. – Нашла коса на камень.

Предупредив таким образом моих читателей о намерениях Пронского, я стану продолжать рассказ.

Пронской начал ездить чаще в дом родителей Софьи, но впрочем не подавал еще вида[51*], что ищет руки ее. Это еще более раздразнило[52*] его суженую.

Красавицы! видал я много раз
Вы думаете что? нет, право, не про вас;
А что бывает то ж с фортуною у нас:
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь ее из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней,
Так нет, за тем она сама гоняться любит[8].

Между тем наступал июнь месяц. Дамы наши, отпраздновав первое мая[53*] в Сокольниках[9] и Вознесеньев день[10] в Дворцовом Саду, закупив соломенные шляпки, тафтяные зонтики и прочие летние принадлежности, склоняются более в это время на приглашение своих мужей-агрономов в деревню[54*]. Родители Софьи и отправились в свою подмосковную, а Пронской приглашен был погостить к ним на несколько дней.

Здесь-то раскинуты были ему сети[55*], здесь-то начали его запутывать. Говорить ли мне о разных затеях Софьиных? Для подруг ее это едва ли нужно... Но ты, Иванушко, ты смотришь на меня с таким удивлением, ты непременно хочешь получить от меня обстоятельное

сведение. Слушай же: иногда Софья[56*] очень уставала во время прогулки, Пронской случался всегда вблизи и должен был вести ее под ручку, следовательно ему давался случай осязать ручку, а какова была эта ручка?.. Иногда Софья, сидя за работным столиком, роняла ридикюль или что-нибудь другое; Пронской должен был поднимать и при таких случаях касался иногда ноги ее, которая, может быть (чего не скажет клевета?), подставлялась нарочно. Иногда какой-нибудь листик, слетевший с дерева, заранивался за кисейную косынку. Пронской... разумеется не мог еще там искать его, но искали пред его глазами, а он был не слепой[57*]. Иногда посылала она его в свою комнату за нотами, книгою, а уединенная комната девушки чем не наполняет воображения! там воздух кажется другой, пронзительный[58*]. – Наконец, в танцах Софья могла обворожить хоть Катона[11] [59*]. Ах, друзья мои, танцы – ужасное изобретение, ужасное, говорю я, хотя и благодарю мудрую судьбу, что она не выучила меня танцовать. Я дрожал бывало на стуле, как на электрических креслах[12], смотря издали на кружившихся девушек. Как они мило устают, как они мило отдыхают!.. И я не понимаю, отчего так мало сумасшедших в большом свете[*] [60*]? –

Пронской наружно разнеживался, а внутренно восхищался умом Софьи, блиставшим во всех ее оборотах. Он заранее уже наслаждался счастием в ее объятиях, начертывал план супружеского обхождения с нею, и с удовольствием видел будущее изумление своей супруги, которая, выходя за Платона Михайловича Горича[**] [13], выйдет за...

(Здесь, читатели, я не могу удержаться от отступления и не пожаловаться публично на наших комиков: на

---

[*] Оттого, что... но я не слушаю твоего шептания, демон злоречия.

[**] Лицо в комедии г. Грибоедова "Горе от ума".

Н.И. Хмельницкого[14], М.С. Загоскина[15], А.И. Писарева[16], А.С. Грибоедова[17], Ф.Ф. Кокошкина[18], князя А.А. Шаховского[19] [61*]. – До сих пор сии злые наблюдатели человеческого сердца, с таким тщанием собравшие коллекцию женских слабостей, не представили нам еще ни одного мужа сурового, строгого, жестокого, прихотливого (и столько мне теперь для примера нужного), как будто бы их и не бывало на Руси[62*], как будто бы одни дамы у нас бушевали[63*], как будто бы они никогда не терпели напраслины. – Я скажу торжественно, что это неправда, и насчитаю сотню[64*] кротких, спокойных – одним словом, совершенных супруг, которые страдают по несправедливым притязаниям своих супругов, например... например... но это все равно; имена их теперь не приходят в голову...)

Итак, Пронской, сказал я, с удовольствием предвидел изумление будущей супруги своей, которая, выходя за простяка, выйдет за мужа-голову. Между тем, познакомившись покороче с Софьею, он уверился еще более, что все ее пороки не врожденные и происходят не от развратного сердца, а от недостатков воспитания, от легкомыслия, что в его руках она не узнает себя и с удовольствием будет вкушать наслаждения семейственной жизни, на которые теперь, ветреница, смотрела с презрением.

Дело подходило уже к концу, почти объяснялось – уже воротились все в Москву, уже Пронской начал заговаривать стороною с родителями Софьи: как вдруг на беду получают они известие из Петербурга, что в Москву едет князь Z[65*], сын министра, наследующий несметное богатство, происходящий по прямой линии от Свенельда[20], полководца Игорева, прекрасный собою, что Софья была бы счастлива, если бы ему понравилась и проч. и проч. Старики сообщают тотчас полученное известие милой дочери.

Князь Z действительно не замедлил явиться в Моск-

ве, – молодой статный мужчина, в гусарском золотом мундире, с звонкою саблею и шпорами, – Софья познакомилась с ним на первом бале у графини D[66*], и – и – несмотря на прежнее решение свое дать руку Пронскому, несмотря на привязанность к нему, вероятно ей самой неприметную, вздумала, может быть из шалости, может быть по самолюбию, или просто по старой привычке, привязать князя на всякий случай к своей колеснице. –

Берегись, Софья, кто погонится за двумя зайцами, тот не поймает ни одного, – говаривали наши нимвроды-охотники[21 67*].

Князь Z, принятый в дом к ним, начал ездить довольно часто. Софье что-то померещилось (говорят, что в таких случаях[68*] часто мерещится), и она начала думать серьезнее[69*], – начала рассчитывать и сравнивать. У него было 2000 душ лишних против Пронского, – следовательно Софье можно было давать с ним лишних бала два-три в год, иметь всегда модную карету, и мало ли еще какие выгоды[70*] доставляют четыре тысячи трудолюбивых рук. Князь Z имел обширные, блестящие связи в столицах, весь дипломатический корпус был с ним по отце его запанибрата[71*]. Пронской был один душею и, жив всегда в поле, не имел случая завести знакомства. – Наконец князь Z доставлял Софье титул Вашего Сиятельства, который в грубых ушах звенит очень приятно, несмотря на все справедливые толки философов, простых и трансцендентальных[22], о равенстве людей. Софья *приметно* начала колебаться, и это взорвало пылкого Пронского[72*].

Он решился кончить дело поскорее и между тем *отмстить за непостоянство.*

Прежде всего надобно было отдалить князя Z. Князь, сказать правду, принадлежал к числу сих благоразумных флегматиков, которые и разогреваются очень медленно и простывают[73*] очень скоро. Пронской, служив с ним

прежде в одном полку и зная его коротко, надеялся легко склонить его на свою сторону и не обманулся в своей надежде. – Он, как старый знакомец, явился тотчас у князя, выведал стороною расположение его к Софье и узнал, что сей холодный гусар не чувствует к ней никакой решительной склонности, что любит ее теперь как умную и прекрасную девушку, – однако ж не ручается за то, что будет впредь.

– Послушай, князь! – сказал ему в заключение наш хитрец. – Софья – невеста не по тебе. Ты еще не знаешь ее характера. Вот он каков... ладить тебе с нею будет трудно, успеть едва ли возможно. – Оставь ее. Ты найдешь партию и выгоднее и сподручнее.

– Благодарю за советы, приятель! но почему принимаете вы в ней такое участие? – спросил князь, улыбаясь.

– Я любил ее страстно, хотел жениться на ней, – думал, что и она чувствовала ко мне привязанность...

– А теперь?

– Что тебе до теперь?.. Я раскрываю дело, сколько нужно знать тебе, сколько оно касается до тебя лично. Прибавлю еще: я говорю, как товарищ, который тер с тобою одну лямку, как честный человек: Софья не годится тебе. – Наконец, предупреждаю тебя, что с отчаяния может быть решусь и на...

– Ты хочешь грозить мне?

– Нет, я не грожу, потому что это было бы бесполезно...

Довольный князь замолчал[74*].

– Дал ли ты Софье повод иметь на тебя какие-нибудь виды? – спросил наконец Пронской, прочитав на лице его решение для себя благоприятное[75*].

– Никогда. Кроме обыкновенных вежливостей она не слыхала от меня ничего.

– Следовательно, тебе не мудрено расстаться с нею и

вывести ее из заблуждения. Завтра ты будешь у Софьи. Я приеду также и заведу разговор о петербургских твоих связях или о чем-нибудь подобном, – и дам тебе случай развить твои мысли об этом предмете самым ясным и вместе самым учтивым образом. Понимаешь ли?[76*]

Друзья распили бутылку шампанского.

Как сказано, так и сделано. На другой день Софья с досадою узнала, что князь Z вовсе не думал о браке с нею. Она обошлась с ним ласковее обыкновенного, чтоб занавесить неудавшиеся планы[77*], и между тем обходилась ласково, и даже нежно с Пронским. Так было и в[78*] продолжении следующего времени. Казалось бы, что здесь должно быть концу, что Пронской станет ковать железо, пока оно горячо. – Кстати ли? Вдруг его стало не видно. – Говорили, что он уехал в какую-то деревню.

Наконец, через несколько дней он является снова. Софья принимает его с заметным удовольствием.

– Где скрывались вы так долго? Я спрашивала об вас у всех знакомых.

– Мне должно было посетить одного моего несчастного друга[79*], сударыня. Но я вознагражден за свою жертву и с вашей стороны. Я вижу теперь, что вы *заметили* мое отсутствие.

– Как вы злы! Разве подала я вам повод сомневаться в этом? Но оставим это. – И начали говорить о другом.

Недели через две, в продолжении коих Пронской был очень томен[80*], глядел всегда на Софью почти официально, хотя и робко, и проч. и проч., разговор как-то вследствие искусных его оборотов, обратился опять на его отсутствие.

– Могу ли я, – спросила Софья, – не нарушая скромности, знать о несчастии вашего друга?

Пронской того и ждал.

– Он несчастлив, сударыня, сколько человек может

быть несчастлив, а это уже очень много. Короче – он влюблен без памяти и без надежды.

– Бедненький! я сожалею об нем, но скажите мне – он открывался в своей любви и получил отказ?

– Нет. Он боится и говорить об ней.

– Так почему же он не имеет надежды?

– Из всех действий своей прелестницы заключает он, что она к нему равнодушна.

– Долго ли он вздыхает по ней и при ней?

– Судя по его страсти, он, кажется, родился с нею; узнал же ее слишком два года, – нет, – виноват – полтора года.

Дело приближается к концу, – замечают читатели. – Неправда!

– Так позвольте же мне вступиться за честь моего пола, – сказала Софья с лукавою улыбкою, – верно, вашему другу недостает проницательности. Верно, он смотрит и не видит: никакая женщина не может быть столько жестокою, никакая не будет держать около себя так долго человека, к которому не чувствует привязанности.

– Вы так думаете... вы очень добры... Что же бы присоветовали[81*] моему другу? – спросил Пронской с видом больше чем участия.

– Я советовала бы ему принять меры решительные и просить у нее руки.

– Вы советуете? – спросил он с восторгом.

– Да, да.

– Этот несчастливец – вы видите его перед собою. Это я.

– И неужели ж[82*] эта жестокая красавица – я! – сказала Софья[83*], наклонясь умильно головою.

– Не вы, не вы, – воскликнул Пронской, захохотав изо всей силы. –

Злодей! Представьте себе положение Софьи. Она

остолбенела, не верила глазам, ушам своим. – Напрасно Пронской начал тотчас после говорить ей что-то... она ничего не слыхала и упала в обморок настоящий!

Испуганный, бросился он тотчас за горничною. Начали оттирать Софью, обливать водою, духами, спиртом. – Наконец она очнулась и стала озираться мутными глазами. Пронской выслал служанку под каким-то предлогом и упал к ногам Софьи.

– Я люблю вас, Софья; простите меня за шутку. Ею хотел я только отмстить на минуту за...

– И вы смеете, милостивый государь, быть еще на глазах моих? – сказала Софья, почти задыхаясь от гнева. Вы дерзки. Я могла унизиться на минуту, но не надолго. – Прощайте! – и ушла в другую комнату.

Какова?

Пронской остолбенел в свою очередь. Он ошибся в своем расчете. Он думал было, что Софья после такой сцены не решится отказать ему, что он может сыграть над нею шутку безопасно. Но она поддержала свой характер. – Что оставалось ему делать? – Он отправился домой, проклиная сто раз и свои планы, и свои расчеты, и все на свете.

Между тем он не мог жить без Софьи, и решился написать к ней страстное письмо. – Ответа не было. – Он начал заходить с правой и с левой стороны, чтоб выхлопотать себе свидание. Ни тут-то было. Софья мучила его. Он мучился, но не унывал, и добился наконец, что через несколько месяцев[84*], – после разных многократных попыток – Софья на каком-то бале выслушала[85*] его и потом позволила ездить к себе в дом, отклоняя, однако ж, предложение родителям по разным причинам; – наконец[86*], уже заставив Пронского горько раскаяться в необдуманном своем поступке, заставив подписаться на такой договор, какой едва ли был и будет в летописях супружества, она дала ему свою руку. –

Теперь мне остается только известить читателей, по принятому обычаю, о судьбе всех лиц, действовавших в моей драме. – Тем охотнее исполняю я здесь сие требование наших Аристотелей[23], что мне очень легко исполнить оное. –

Старики, родители Софьи, кончив свои грехи и суеты, начали, как водится, раскаиваться, и принялись за книги нравоучительные.

(Где они были тогда, – спросит еще иной критик, – когда Пронской объяснялся с Софьею перед размолвкою? – Их тогда не было дома, сударь!)

Крестьяне, доставшиеся в приданое Пронскому, отдохнули и молят теперь Бога за доброго своего барина.

Вот только одно обстоятельство, о котором мне нельзя сказать ни слова моим читателям: я не знаю, с каким успехом исправляет Пронской свою Софью[87*]. – Но, Софье – зачем доводить себя до исправления? Зачем забывать, что истинное счастие вкушается только в семейственной жизни, что его должно искать не в мазурках, не в вальсах, не на вечеринках[88*], но в глубине своей души, своего сердца.

Погодин.

ПЕСНЬ ГРЕКА

(Подражание Байрону из "Дон-Жуана")

Страна, где Делос[1] красотой
Неувядаемой гордился!
Где просвещенья свет благой
С младенчества распространился!
Где Сафо[2] нежная в мечтах
Любовь так сладко воспевала!
Хоть блещет солнце в небесах...
Твое величие пропало!..

Вдали чернеет Маратон[3],
В потомстве гордый, величавый! –
Страшит доныне персов он[4], –
Как пыльный гроб протекшей славы!..
А грек на вражеских костях
Ужель не вспрянет от забвенья?..
И не блеснет в его очах
К свободе гордое стремленье?

Днесь усыпленные брега
Не вторят воев[5] ликованья;
Тиранства хладная рука
Гнетёт и самые страданья!
О Греция! в сынах твоих
Погас давно огонь священный!
Где ты, краса веков былых,
Свободы Гений незабвенный?..

Вотще я родины моей
Оковы рабства проклинаю! –
Но легче мне, когда о ней

Украдкой слёзы проливаю!..
О! если б мой всесильный глас
Мог вызвать Спарту[6] из могилы!
Тогда б не слёзы – кровь лилась...
И греки бедствия б забыли!

О праотцы родной земли!
Ваш дух в забвенье погрузился...
Нет! нет! усопших глас вдали,
Как гром подземный, прокатился!
Воспряньте вы сперва от сна
И разбудите наши тени!..
Мечта пропала – тишина!..
И спят рабы – в позорной лени!..

Напеньте кубок мой вином!
Ликуют девы молодые
Под тенью древ! каким огнем
Блестят их очи неземные!..
Но вновь горючая слеза
Во взоре немощном светлеет!
Сих дев небесная краса
Рабов безжизненных лелеет!..

Мне ль быть рабом в стране родной!..
Пусть под чужими небесами
Свободно звучный голос мой
Сольется с шумными волнами!..
И там, как лебедь пред концом,
Я гордо гряну песнопенья!..
Разбейте ж кубок мой с вином!
Молчите, струны вдохновенья!..

Ротчев.

КЛИМЕНЕ

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Климена! многих вы милей;
Но вас любить – плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя, –
Не слишком заняты вы мною, –
Не нежность, гордость вашу я
Признаньем страстным успокою.

Вам дорог я, – твердите вы;
Но лишний пленник вам дороже!
Вам очень мил я, но увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

Баратынский.

ЧАРОДЕЙСТВО ИСМЕНА В ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ

Отрывок из XIII песни "Освобожденного Иерусалима"

В виду раскинутых шатров,
    В долине углубленной
Был лес – воспитанник веков,
    Природе современной;
Над ним лежала вечно тень
    Угрюмая, густая;
Ее не разгонял и день,
    С среды небес сияя...
Так с утреннею мглой слиян,
    Или с вечерней мглою,
Лежит задумчивый туман
    Над дремлющей землею.

Когда ж последний солнца свет
    Гас на вершине леса,
Лес ужасами был одет
    И мраками Айдеса[1];
Склоненный взор к нему – темнел,
    И сердце леденело;
Там пастырь стад пасти не смел,
    Там вол дрожал дебелый,
И путник мимо пробегал,
    Собрав остаток силы,
И трепетным перстом казал
    Другим на лес унылый.

Туда в ночи на облаках
Волшебницы слетались
С любовниками на руках;
Там браки их свершались;
Там слышен был и шум пиров
И шум веселых оргий;
Там развращенная любовь
Вливала яд в восторги;
Там дети ада средь забав
Природу унижали;
Там, виды страшные прияв,
Совет они держали.

Из жителей соседних сел
Никто в лесу угрюмом
Ни ветви отрубить не смел,
Ни сна встревожить шумом:
Но, страх носившая, молва
Готфредовой дружины
Не устрашила, – и древа
С корней сошли в махины...
Тогда – в полуночи глухой –
Исмен, проникнув мраки,
Обводит круг в тени густой,
И пишет тайны знаки.

И, пояс сбросив, в круг он стал
Стопою обнаженной,
И что-то страшное шептал;
Потом попеременно
Три раза к западу взглянул,
Три раза в край денницы;
Потом три раза жезл взмахнул,
Которым из гробницы

Тела умерших выводил
И трижды в лесе диком

Ногою землю поразил
И лес наполнил криком:

"Внимать! внимать словам моим!
Вы, сверженные в бездны
Перуном неба огневым;
И вы, под своды звездны
Взвивающие вихрь и град,
И дождь, и молний стрелы;
И вы, которым царство – ад,
Казнь грешных – пир веселый,
И ты, властитель сих духов,
Монарх угрюмый ада –
Все – все на мой стекитесь зов!
Все тьмы кромешной чада!"

"Вот лес! нет древ несчетных в нем,
На стражу к ним толпами!
Как дух с живым слит существом,
Так слейтесь вы с древами;
И кто дерзнет из христиан
С секирой стать пред древом,
Да будет страхом обуян
И прогнан вашим гневом!.."
И много страшного изрек,
Что внутренность тревожит,
Чего не изверг – человек
И повторить не может.

Луна сокрылась в облаках,
Послышав глас ужасный;
И, вздрогнув, в дальних высотах
Померкли звезды ясны,
И всколебался неба свод, –
А духи – не бывали;

И снова их Исмен зовет:
"Ко мне, сыны печали!
Скорей на мой могучий зов!
Где держит вас измена?
Или грознее прежних слов
Вы ждете от Исмена?"

"Еще не позабыто мной
Искусство заклинаний,
Еще язык кровавый мой
Пред чадами страданий
Умеет имя произнесть,
Пред коим встрепенется
И ад, и все, что в аде есть,
И царь ваш ужаснется.
Что если... если..." – и готов
Уж был сказать он слово...
Но умолчал – полки духов
Познали глас суровой.

Они из вод, из под небес,
Из бездн, объятых мглою –
Из ада – налетели в лес
Бесчисленною тьмою.
Еще их черные сердца
Дрожали от прещенья[2]:
Не быть и не казать лица
Пред строем ополченья;
Но входа им в дремучий лес,
В таинственные сени
Не заповедал Царь небес,
Не полагал прещений.

<Раич.>

ЗАВЕТНАЯ КНИГА

Древнее предание
(Написано на первом листе альбома А.Н. Верстовского[1])

В первые дни мира, когда земля и небо были еще неразлучны, когда земля улыбалася небом и небо не поглощало в себе всех земных чувствований, – когда наслаждения людей были земные и небесные вместе, – когда все были браминами[2], в то время счастливые смертные не скучали друг другом – одно уединение казалось им пороком и бедствием. Каждый существовал в братьях, друзьях своих, и явление нового пришельца было для людей светлым праздником.

И во всяком семействе хранилась заветная книга, данная самим Брамою; при каждом появлении нового брата новый лист в нее прибавлялся, и величиною книги измерялось счастие человека. Лишь для того, кто приносил Заветную книгу, Вишну златыми ключами отпирал врата небесные, и от серебряной вереи[3] неслись во вселенную волшебные звуки и благоухания.

Но Чивен[4] позавидовал счастию смертных – радости брата. Однажды ночью он встал с своего ложа и полетел по вселенной. Тихо на легких облаках качался шар земной, лелеемый небом, и люди младенцы забывались мирным сном в своей колыбели; но вдруг подлетел неистовый Чивен, сильно взмахнул огромною рукою, ударил, и шар быстрее молнии завертелся в бездонной пучине. От сильной руки Чивена все приняло противное направление.

Проснувшись, люди не заметили сделавшейся перемены и мнили снова начать то, о чем остались в них

сладкие воспоминания, – но к удивлению все мысли их были смутны, рассеяны.

Привыкшие к соединению неба с землею, они стали искать в небе земных наслаждений, на земле наслаждений небесных, непонятных для разлученного с небом; лишь изредка избранные от смертных силою гения, в стройной гармонии, в разнообразных цветах воспаряли на время к далекому небу, – но грусть ожидала их на земле, мстила им за смелый полет и клала на лице их печать неизгладимую.

Всякий по-прежнему хотел быть брамином, но не имел довольно силы для своего звания, не понимал, от чего происходит слабость его, упорно настаивал в правах своих и пылал злобою к другим, более счастливым. –

По прежним воспоминаниям люди искали друг друга – и скучали, сами не доверяли себе в этом чувстве, силились радоваться, и родилось лукавство, и уединение сделалось добродетелью. –

Что же стало с Заветною книгою? По старинному обычаю люди не только не переставали, а старались более и более увеличивать ее с каждым новым знакомцем; но увы! теперь каждый новый лист носил на себе имя нового недруга; величиною книги стали измерять злополучие человека: Заветная книга называлась книгою бедствия; страх и отчаяние распространились по вселенной. –

Друг! гласит молва, что в наше время книги Заветные смешались с книгами бедствия, что трудно найти между ними различие; говорят даже, что эти книги явились у нас под видом альбомов... Ты угадаешь мое желание: пусть эта книга будет для тебя не чем иным, как Заветною книгою. – –

Одвск.

СОВЕТ

Поверь: когда и мух и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный;
Ни логикой, ни вкусом, милый друг
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

А. Пушкин.

МИЛОЙ ПАШЕ

При посылке ей своих сочинений

Напрасно, Паша! ты желаешь
Стихи мои читать:
Сим чтеньем, может быть, мечтаешь
Задумчивость прогнать;

*

Но как ты, друг мой, ошибешься!
Совсем не то найдешь;
Весьма не часто улыбнешься,
Частехонько вздохнешь.

*

С тоской я с юных лет спознался,
И горьку чашу пил;
За миг, что в радости промчался,
Годами скук платил.

*

И ныне жизнь влачу унылу,
По тернам лишь брожу;
Почти всех милых снес в могилу,
И сам уж в гроб гляжу.

*

И так не радостных мечтаний
Увидишь здесь черты;
Увидишь скорбь, – и лишь стенаний
Услышишь эхо ты.

*

Почто же чтеньем сим печальным
Взвергать на сердце гнет?
Почто покровом погребальным
Мрачить веселья цвет?

*

Но требуешь, – ах! друг мой милый!
И ты уж, может быть,
Изведала, что в час унылый
Отрадно слезы лить.

*

Прими ж мой дар. – Когда, читая
Печальный стих, вздохнешь,
О старце, Паша дорогая!
Сим вздохом вспомянешь.

В. Капнист.

РОМАНС

Из Шатобриана[1]

Полуночью, в пустыне обнаженной,
Несчастная Велледа, жертва бед,
В мечтаньи шла под дуб уединенный;
На прелестях был виден скорби след.
Под дальний шум разгневанного моря,
С пронзительным стенаньем птиц ночных,
Сливала глас томительного горя, –
И вторил ветр ей в отзывах глухих.

*

Ее власы, склоняясь к груди нежной,
Свивалися в златую цепь кудрей;
Сраженная любовью безнадежной,
Вверяла грусть окрестности степей:
"Я кончу жизнь, и ты сему виною,
Предмет любви! о воин милый мой!
Я встречу смерть с бестрепетной душою;
Не страшно, друг! расстаться мне с тобой".

*

"Узрев тебя, я взора жду напрасно!
Достойна ли холодности твоей?
Мечты, боязнь и скорбь со мной всечасно:
И день и ночь не осушу очей!
Душа твоя, быть может, насладилась
С надменностью страдалицы тоской!..
Тебя узнав – невинности лишилась,
Тебя любив – утратила покой..." –

*

И девы глас был полн ее кручины;
Яд скорби злой снедал ее красы!
Так падает поблекший цвет долины
Под острием губительной косы.
Смерть грозная! закон неумолимый
Последний час несчастной отравил;
И прах ее, лишь дружбой оросимый,
В забвении никто не посетил.

Дм. Гл.

ПОХВАЛА ОСЛУ

Подражание Блюмауэру[1]

Министра, мудреца, поэта
Судьба лихая не спасла
От участи большого света:
То слушать, то хвалить осла.
Смеются люди над ослами,
Что уши длинные торчат;
Но ведь не длинными ушами,
А длинным языком вредят.
Осла дубиной не принудишь
Убавить медленность шагов;
Но *тише едешь, дале будешь,* –
Сказал один из мудрецов.
Осел есть образец терпенья,
Необходимого для нас:
В мешках червонцы иль каменья
Готов тащить во всякий час.
Муку хозяину приносит
И в зной, и в холод, и чем свет;
А сам у счастья только просит,
Чтоб был репейник на обед.
Побьет ли господин напрасно,
Смолчит – и в сторону от зла:
Ну кто ж, скажите беспристрастно,
Великодушнее осла?
Друзьями, братьями, сестрами
Осел богат во всех землях,
И у него с родней, друзьями
Вся разница – в одних ушах.
Противен слуху крик ослиный –
За то б, как многим из глупцов

Век целый не бывать в гостиной,
Когда б не голоса ослов.
И что ж бедняжка? – свой репейник
Трудами должен доставать;
Меж тем, какой-нибудь бездельник
Изволит устрицы глотать.

Н. Неведомский.

ОТРЫВОК ИЗ ЖИЗНИ И МНЕНИЙ НОВОГО ТРИСТРАМА

Глава 59

SEMPER GAUDETE*

Угодно ли знать читателю, что именно Автор сей книги почитает первейшим правилом в жизни? – Во всех благоприятных и несчастных обстоятельствах оной сохранять веселость духа. С сим правилом и одному, среди лесов, в отчуждении от людей, не будет скучно: умей только сберечь в сердце веселость.

Магическое слово сие едва коснулось до ушей, достигло до сердца, и уже я не в силах удержать пылкости воображения, которое с удивительною быстротою перебегает все степени веселости, подобно водопаду об частые уступы скал, лежащих на пути его. Могу ль придать руке, ведущей пером, равную быстроту? какая досада! постараюсь взнуздать сего ретивого коня, которого философы называют воображением, чтобы дефилировать перед читателями парадным маршем. Знаю, что многое ускользнет. В галоп, ventre à terre**, было бы лучше; но рука не повинуется, боится, может быть, положить всадника ventre par terre***, – перо медленно рисует на бумаге, воображение предъявляет в огромной всеобъемлемости своей – одною чертою. Не понапрасну говорят немцы, или китайцы, – все равно, –

* Всегда веселиться (*лат*).
** во весь опор (*фр*.).
*** сбросить на землю (*фр*).

когда воображение, сей конь ретивый, завезет колымагу жизни в грязь, тогда рассудок в виде неповоротливого осла подходит толковать: не туды, куда заехал – дуралей! стой! – сверни направо! – тише!

Глава 60

LA GAITÉ EST LE CONTRE-POISON DU CHAGRIN*

Итак, подчиним воображение рассудку; ему легко повиноваться будет перо. Но рассудок любит определительность, нумерацию – к делу!

Что такое веселость? всегдашняя готовность воображения останавливаться только на игривых предметах, собирать с оных, подобно пчеле, единственно усладительные соки, чистые удовольствия, которые, сообщаясь сердцу, сосредоточиваются в оном и основывают себе здесь непременное жилище. Как разнообразны черты лиц человеческих, так разнообразна и веселость. Исчислим некоторые роды ее.

№ 1. Веселость темперамента зависит от устройства органов. Мы не властны в ней.

№ 2. Веселость характера – действие ума, который обращается лишь к предметам веселым.

№ 3. Веселость богатых – покупается, увлекает в проекты вымышлять разные удовольствия, совращается с настоящей стези, заставляет бегать за мечтой и пресыщением умерщвляет самую веселость.

№ 4. Веселость бедных – заглядывает в хижину их по воскресным дням. Это отдых после шестидневных трудов.

№ 5. Веселость ученых – аналитика, сферика, метафизика и проч. Вся веселость их проистекает от букв, коптит над буквами и вращается в буквах.

---

* Веселие – противоядие печали (*фр.*).

№ 6. Веселость глупцов – шум, болтанье, хохот!

№ 7. Веселость принужденная – пустословие!

№ 8. Веселость светская – возбуждается чванством, желаньем нравиться.

№ 9. Веселость по приказу – еще глупее веселости под № 6.

№ 10. Веселость простосердечная – хоть глупа, да мила.

№ 11. Веселость трансцендентальная – убегать веселья, род выспреннего, так сказать, сумасшествия, о котором древние понятия не имели.

№ 12. Веселость духа – это экспромт сердца.

Сию последнюю веселость прошу заметить № 12, честь имею рекомендовать почтительнейшей публике. Она состоит в добром расположении к людям вообще, свежит ум, смеется над непостоянствами фортуны, возвышает приятности жизни, словом, есть истинное сокровище, оживляющее сердце, как вечерняя роса после знойного дня возбуждает природу к новому бытию.

Этот род веселости достался в удел деду моему, который теперь беседует с дамой во время прогулки из гавани Бильбао*[1]; от него перешла она ко мне, украшает мою хижину, сопутствует в трудной жизни и дойдет, надеюсь, со мною до пределов темных.

Глава 63

УЧЕНАЯ ЧЕПУХА

Читатель усмотрит, может быть, с неудовольствием, может быть, и не заметит, – все равно, – я с неудовольствием примечаю, – этого довольно, – что дед мой совсем не похож на прочих путешественников, пред-

* Это относится к предыдущим главам.

шествовавших ему, современников его и грядущих за ним: нигде не прохлаждается, не пьет кофе, пуншу, – даже не обедает, не ужинает.

– Как – и не завтракает? – спросила одна дама.

– Этого мало, сударыня: известно, что истинно влюбленные питаются более вздохами, воспоминаниями, воздухом, – но как путешественнику не осмотреть всех достопамятностей тех городов, через которые он проезжает? Это непростительно!

Неужели деду моему показалось маловажным, что город Бильбао древле назывался Amanum portus, Flaviobriga, что он основан в 1298 году Доном Лопецом де Гаро, что это столица Бискаии, древней Кантобрии, завоевание которой стоило римлянам столько трудов и крови, что здесь существует остаток древнего кантобрского языка, каким говорят еще жители сей страны? Какое обширное поле для нынешних путешественников! присовокупите к тому обеды, кофе, ужины, пунш и прочее. Есть из чего написать целые томы!

Но это я все прощаю. Как не остановиться на кантобрском языке? не написать о сем предмете по крайней мере двух диссертаций на латинском языке? Удивительно! – не уметь даже воспользоваться звучным именем "кантобрский язык", явно напоминающим, кажется, приятное cantabile* итальянцев. – Следовательно это природный язык певчих, и итальянцы верно заимствовали у кантобрцев прелестное cantare**, а от сего произвели очаровательное cantabile. О горе! дед мой хуже сделал – пропустил без внимания древнее название города Amanum portus – ведь это в переводе гавань любовников.

– Неправда, сударь, – закричала критика.

---

* певуче (*ит.*).

** петь (*ит.*).

– Вы не знаете кантобрского языка, – отвечаю я. Слово amanus, кроме известного названия горы, разделяющей Сирию от Киликии, должно быть коренное кантобрское, латинцами в последствии времени искаженное или сокращенное: amans, любовник. Но довольно того, что начальные 5 букв в слове amanus и amans одинакия: чего же более? – большинство букв на моей стороне. Не всякий из наших борзых этимологов может похвалиться тем же. И какой случай для баллады: океан, волнующееся море, скалы, гавань, сиречь пристанище для любовников, особливо для сочинителя влюбленного, которому нужно только иметь одно сердце. Сухая грамматика, скелет логика, обширная степь дееписаний – могут ли иметь место, где говорит пламенное чувство?

И все это, читатель, дедом моим выпущено из виду. Он не умел воспользоваться ни топографическими, ни историческими сведениями, ни пиитическими вымыслами!

Глава 68

ТОРГ

Трактирщик. Я привел вам, милостивый государь, покупщика, поверьте, честнейшего человека во всем нашем городе.

Дед мой. Не исключая и тебя. Да видел ли он лошака?

Купец. Смотрел, сударь! завидного нет ничего и крайне утомлен: вы верно поторопились приездом в Бильбао?

Дед мой. Но что же даешь ты мне за него?

Купец. Смею ли, сударь, ценить чужую вещь?

Дед мой. Лошак может быть утомлен и в самом деле. Я полагаюсь на твою честность.

Трактирщик. Смотри, г. Сервилло, оправдай мою рекомендацию, – ты видишь, дело идет на чести.

Купец. Лошак давно уже вам служит, сударь?

Дед мой. Не помню, я продаю его оттого, что он мне более не нужен.

Купец. Коли позволите, чтобы вас и себя не обидеть, мы еще раз посмотрим его.

– Г-н трактирщик, – сказал дед мой, – я верю тебе, продай ему лошака, а мне право некогда. Иду на почту, потом прощаюсь навсегда с тобой и городом Бильбао.

Глава 69

ДОВЕРЧИВОСТЬ

Кто более достоин нарекания, – тот, который всем верит, или тот, который никому не верит? – Едва ли не оба правы: коли верить, так всем, коли не верить, так никому, – ибо и то и другое расположение к людям находится не вне нас, а в нас.

Вникая подробнее в сей предмет, усматриваем мы, что в обыкновенном порядке молодость всем и всему верит, – эта добродетель свойственна, кажется, сему возрасту; в зрелых годах с некоторою опытностью доверчивость к людям слабеет; – настигла старость, – число опытов умножилось, – и доверчивость исчезла без возврата.

Но сказанное здесь относится к массе людей вообще; конечно, есть люди, которые по уму, по правилам, верно не житейским, сохранив доверчивость молодости и в лета зрелые, согревают еще ею холодную старость. Ни число годов, ни горькая опытность, ни самая неблагодарность людей не в силах оттолкнуть от сердца сего

сладостного к человечеству расположения. Из рук одного торгаша лошаками, фортуной, – все равно, – переходят они с тою же милою доверчивостью в руки другого и горе! все обрывается на них же. – Страдательное их положение в глазах публики соделывает их хуже самих страдательных глаголов в грамматике, а они, не взирая ни на что, сохраняют беспрерывно священный огнь доверчивости на домашних очагах своих.

Читатель! дед мой принадлежал к сему классу людей доверчивых, как то усмотрим мы из жизни его. "Я всегда радуюсь, – говаривал он, – когда встречаю человека, который почитает других людей столько же честными, каков он сам". Качество сие, – хорошее или дурное, решить я не смею, – передал он сыну своему, а моему отцу. Сей, не знаю к счастию или несчастию, рассудил обратить мне сию доверенность в наследственное имение. Не ропщу, но кажется, я расточил наследство свое до такой степени, что моим детям мотать уже будет не из чего.

Глава 71

ПРОТИВ ЛАФАТЕРА[2]

– Можно иметь вид доброго человека и внутренно быть бездельником, – сказал дед мой сам себе, – когда трактирщик уверял, что продал лошака высокою ценой – за 6 пистолей.

– Он мне дороже стоил, – отвечал дед мой, качая головой.

Трактирщик. Позвольте, милостивый государь...

Дед мой. Позвольте... попросить вас подать мне счет моим издержкам в вашем доме.

Трактирщик. Помилуйте – не из чего обмокнуть перо в чернильницу, каждый день считая квартиру, стол, услугу...

Дед мой. Воздух...

Трактирщик. Вы не дали мне договорить, сударь! вода, чистота, мебель и проч., все это безделица; считая только по 8 пистолей в день, составит всего, кажется, 48 пистолей – сущая безделица.

Дед мой. 48 пистолей? – и город ваш славится дешевизной!

Трактирщик. В Мадрите вы не отделались бы так дешево; не забудьте корм лошака, – хождение...

Дед мой. Верно и за комиссию продашь...

Трактирщик. Все в счету.

Дед мой. Вот деньги.

Трактирщик. Извините – мне столько не следует: за вычетом 6 пистолей за лошака, беру только 42. В моем доме не берут не принадлежащего, – честь мне дороже всего.

Глава 72

О ЧЕСТИ

– Какое странное понятие об чести! – сказал дед мой, когда трактирщик вышел из комнаты, – эта честь походит на звонкую монету: в каждом почти городе меняет она курс свой, – как тут приноровиться? а когда от времени и частого обращения изглаживается и штемпель монеты, тогда остается вытертый металл, и курс потерян – не так ли и с честностью трактирщика?..

Надобно знать, что дед мой любил предаваться размышлениям и в самых маловажных случаях жизни. Нужно было только, чтоб какой-либо предмет поразил его – и тогда суждениям и доводам конца не было; он забывал все – как даже и теперь, назначенный капитаном час к отправлению, самый отъезд, все забыто; одно занимало только мысль его: как возможно человеку, кем трактирщик неоспоримо был, иметь столь кривое и даже ложное о вещах понятие? Не имев духа,

по доброте сердечной, оскорбить ближнего изобличением в явном обмане, старался он, так сказать, выгородить человечество от упрека в злом намерении. Из уважения к себе приписывал он претерпенную обиду не пороку, а ложному о вещах понятию. "Видно, говорил дед мой, – что трактирщик уважает честность, хотя и не исполняет предписанных ею правил, ибо выставляет беспрерывно ее вперед и ею хвалится". "Не то ли же видим мы и в трактирщиках?" – прибавил я. "Нет ничего обыкновеннее – называть себя и слыть даже честным человеком! а как трудно быть оным действительно! – И как люди, подобные трактирщику, – подхватил дед мой, – поступают глупо! – он взял, кажется, лишнее и за лошака, но оттого не разбогатеет, а я... не обедняю".

Вдруг дед мой нахмурил брови, закусив верхнюю губу. "Полно, так ли?" – сказал он сам себе, заглянув в кошелек. Но это требует, по заведенному уже раз мною порядку, особой главы.

Глава 73

ПРОЕКТЫ

Дед мой высыпал на стол все деньги из кошелька, начал считать, пересчитывать и заметил, что сделанные им доселе издержки крайне умалили число звонкой монеты. "Когда дойдет очередь до последнего луидора, – сказал дед мой, – когда наконец и последний вылетит из кармана, что начну я тогда?"

Удивляюсь, как деду моему давно не пришло на ум спросить себя об этом; теперь погружен он в глубокую думу – тысяча проектов теснится в голове его. – Каждый принимается в первую минуту воображением с лаской, а во вторую рассудком отвергается. "Не знаю, на что решиться", – сказал он. Кладет деньги обратно в кошелек, – невольно вылетает из груди его вздох. "Не так-то

хорошо", – прибавил он. "Но сколь долго ни рассуждал бы я, дела моего кармана, – примолвил он с улыбкой, – останутся in statu quo*". С сим словом кладет чемодан на плечо, не нанимает уже лакея, надевает шляпу и, сказав "с Богом", – потихоньку идет с лестницы.

Не в гавань ли?

Кажется так, но дойдет ли, право не знаю. –

Глава 74

ВСТРЕЧА

– Помогите несчастному, дайте что-нибудь на пропитание.

Дед мой оглянулся и увидел нищего, лишенного употребления ног. "Благое Провидение! – сказал он, – есть люди несчастнее меня!" – и вынул кошелек.

– Давно ли ты в сем положении? – спросил мой дед.

– Тяжелая болезнь, – отвечал нищий, – уже несколько лет лишила меня средства прокармливать по-прежнему семейство мое.

– Где ж твое семейство?

– Жена моя работает дома, двое малолетных детей просят тоже милостыни – к вечеру приходят все и отводят меня домой.

– Извини, – сказал дед мой, и бросил в шляпу его 4 пистоли, – я сам не богат.

– Да благословит вас Бог! – вскричал нищий, а дед мой, растроганный сим зрелищем, ободренный благословением человека скудного, воскликнул: "И я смею унывать!.. Я здоров – вылетай последний луидор из моего кармана!.. Ты, под десницею Коего ни единая тварь не погибает! Неужели благость Твоя меня оставит?..

---

* в том же положении (*лат.*).

Глава 77

ВСЁ ДУДКИ

– Всё дудки, – говорит один мне знакомый человек и приятель, да еще и князь, полно не прав ли он?

И в самом деле – всё дудки! пляска, игры, смех, плач – дудки, богатство, бедность – дудки, сударь! система общего мира[3], человеческое безмятежное блаженство на земли, бессмертные лавры, называемая красота, метафизика, астрология, романические восхищения, ах! ох! и всякий бред – я говорю вам, сударь, всё дудки!

Но сердце твое, читатель! поражено великодушным поступком; оно содрогается при виде гонимой добродетели; оно соучаствует в бедствиях семейства несчастного – слеза упала на грудь твою, читатель, это не дудки. Это наслаждение, может быть, единственное, сближающее нас с Божеством. Я сам видал пустившего в кругу нашем в обращение слово дудки, я сам видал сего нежного отца семейства, верного друга, готового лететь на помощь ближнему – сквозь слезы говорящего: всё дудки!

Коли так, и я сквозь слезы соглашусь: всё дудки! Смерть сокрушит житейское, но слеза, падшая здесь во знамение любви, дружбы и добродетели, внесена будет Ангелом-хранителем в книгу Его и там будет свидетельствовать об нас.

Я. Де Санглен.

ПОКОРНОСТЬ ПРОВИДЕНИЮ

(Из Шиллера[1])

И я в Аркадии[2] родился!
Над колыбелию своей
Природы слышав зов, я к счастью устремился:
И я в Аркадии родился;
Но слезы лишь одни был дар весны моей!

*

Май жизни раз цветет, и вновь не расцветает!
Он для меня – уже отцвел!
О братья! кто из вас о мне не сострадает?
Светильник дней моих бог тихий преклоняет
И сонм мечтаний – отлетел!

*

Глубоким мраком окруженный,
О вечность! я в твоих вратах уже стою!
Прими залог, тобой на счастье мне врученный;
Вот он, с печатию еще не преломленной:
Я счастия не встретил в жизнь свою!

*

Нет! я не знал его. – Днесь к твоему престолу
Вознесть дерзаю голос мой.
Я помню: некогда молва неслася долу
И с радостью я веровал глаголу,
Что, правосудная, воздашь нам верной мздой.

*

"Здесь, – слышал я, – ждут ужасы злодея*
  И радость правому дана;
Изгибы сердца все увидим, цепенея,
Страдалец примет дань, душою просветлея,
И будет Промысла загадка решена!"
"Здесь встретит изгнанный отчизны край
                                        счастливый;
Терновому пути для странника – предел!" –
И твердою рукой страстей моих порывы
Держала Истина, сей вождь наш терпеливый,
Кого не все из нас, но редкий лишь обрел!

*

Я слышал: "Заплачу тебе в грядущей жизни;
  Пожертвуй юностию мне!"
Я внял, и все презрев в своей земной отчизне,
Взял обещание о той грядущей жизни
  И юность... видел, как во сне!

*

"Отдай Лауру мне, залог любви бесценной!
  Отдай мне ту, которой жил!"
"За гробом мзда!" – и я рукой окровавленной
Исторгнув милую из груди уязвленной,
Заплакал громко – и вручил!

*

"Вотще ждать мертвому обетов совершенья!
  Мне явно насмехался свет:
Сей дар грядущего – есть лжи изобретенье;
Ты взял за истину – блаженства привиденье;
  Исчезнешь сам – и где обет?"

---

* Слово: *здесь* должно разуметь о Вечности; ибо Поэт представляет себя уже во вратах оной. – На немецком: Da steh' ich schon auf deiner finstern Brucke. etc.

*

Толпа насмешников, толпа сих змей, твердила:
  "Пред кем трепещешь? – пред мечтой,
Которую одна лишь древность освятила! –
И боги не спасут, кого пожрет могила:
Их хитрость создала в дар слабости людской!"

*

  "И что за будущность – для праха?
Что вечность? – суетный! и ты гордишься ей?
Все их величие – в одном покрове мрака:
То тень гигантская от собственного страха
  В зерцале совести твоей!"

*

"Надежда! – ей во лжи уликой разрушенье!
И ей ли верные ты блага посвятил?
  Шесть тысяч лет молчали смерть и тленье;
Или мертвец восстал из недр успокоенья
  И воздаянье возвестил!"

*

  Упадший духом и унылый,
Я зрел: к твоим брегам стремятся времена*;
Природа старелась, ее слабели силы;
Не восставал мертвец вещать мне из могилы;
Но *Вера к Промыслу* была во мне полна!

*

Все жизни радости заклал я пред Тобою;
Днесь повергаюся пред трон Твой, Судия!

* К брегам Вечности. – Поэт, в продолжение всей пьесы, обращается к ней.

*

Я все презрел, был тверд пред дерзкою толпою;
Твои лишь блага чтил высокою ценою:
Мздовоздаятель! жду своей награды я! –

*

"Любовь моя равна на все мои творенья!
  Небесный голос мне вещал:
Два цвета – слышите ль, земные поколенья! –
  Надежды цвет и *наслажденья*
Растут для мудрого, кто их обресть желал!"

*

"Кем сорван был один, другим не утешайся!
Живущий миру, жди от мира и плода!
  Кто веровать не может, наслаждайся;
  Кто может веровать – лишайся;
А правду о земле услышат в день суда!"

*

"Не ты ль надеялся? – награда вся с тобою!
И вера для тебя блаженством уж была!
Спроси владеющих премудростью прямою:
Что может жизнию быть отнято земною,
  Возможно ли, чтоб вечность отдала?"

Мих. Дмитриев.

ТИШИНА НА МОРЕ
И СЧАСТЛИВОЕ ПЛАВАНИЕ

Из Гёте

Тихо, мрачно над водою,
Море бурное молчит,
Смотрит кормчий вдаль с тоскою,
Вод равнина всюду спит.
Ветры веять перестали,
Мертвый, страшный вкруг покой,
В беспредельной синей дали
Взор не встретится с волной.

*

Разносятся тучи,
Туман исчезает,
И ветры могучи
Шумят на водах.
Пловцы веселее!
Торопится кормчий,
Скорее, скорее!
Волной нас качает,
Земля к нам несется,
Уж берег в глазах.

П.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СТАРИНА

И дым Отечества нам сладок и приятен![1]

Иностранцы, в XVI и XVII столетиях посещавшие Россию, представляют, в изданных ими записках, много любопытных известий о нравах, обычаях и характере наших предков. Карамзин[2], Рихтер[3] и другие этнографо-историки ими пользовались; но не могли всего исчерпать. К числу сих записок принадлежит небольшая (ныне весьма редкая) книжка: Moscoviae ortus et progressus Dan. Prin. à Bucchau, Gubenae 1679, in 16°. Сочинитель ее (Принц Даниил Бухау[4]) приезжал в Москву, в 1578 году, в качестве имперского посла к ц<арю> Иоанну Васильевичу. Следующее за сим заимствовано из глав VII–IX. Я несколько сократил, инде переставил, иное пояснил (в примечаниях); но рассказываю *точными* словами автора. – Вот что он пишет:

«Московитяне* обыкновенно начинают важные дела торжественною формулою: во имя святыя и нераздельныя Троицы, Отца и Сына и св. Духа, аминь. Царь в возглавии грамот к чужестранным государям употребляет следующее торжественное призывание Святыя Троицы**: "Троица пресущественная, пребожественная, преблагая, правоверующим в Тя Христианам подающая премудрость, преневедомая, преславная, начало всего и

* Так в то время европейцы называли русских.

** В тогдашней Русской Дипломатике сие призывание называлось *Богословие*. Любопытные найдут его подлинником в *Древн<ей> Росс<ийской> Вивлиоф<ике>*[5]. Ч. XVI, стр. 137. Форма Богословия иногда изменялась. За ним обыкновенно писали так называемое *полное* Царское титло (великий титул).

конец: наставь нас на истину Твою и научи велениям Твоим; да возвестим в людях о воле Твоей! Благодатию и милостию в Троице поклоняемого Бога управляем Российским Царством".

"Московитяне народ гордый и тщеславный[*]. Предпочитая своего государя всем монархам в мире, они ставят себя превыше других народов; все свое, нередко преступая справедливость, весьма превозносят. Сею хвастливостью и тщеславием мнят своему государю доставить бо́льшее уважение. Говоря о нем, они обнажают голову: кто сего не сделает, тому напоминают об обязанности. Припадая к ногам царя, для испрошения какой-либо милости, касаются головою земли; от сего, в изъявление своей покорности, употребляют выражение, взятое от сего чело-прикосновения (*бить челом*). При встрече приветствуют друг друга поклоном; то же наблюдается при благодарении. Сей обычай, без сомнения, заимствован ими от греков[**]. Кто знатнее, тому и почтение изъявляется бо́льшим наклонением головы. Для показания совершенного унижения подбирают правою рукою полы платья и касаются ею земли".

"Государь не подписывает грамот своеручно; но в начале их выставляется полный титул[***]. Самые просто-

* Здесь и в других местах читатель припомнит, что все это рассказывает иностранец. Казавшееся ему странным ясно живописует народный характер русских, *душею* преданных Отечеству и Монарху. Часто порицание иноплеменника бывает лучше похвалы.

** Автор ссылается на Литургию Златоуста[6], где священнику при чтении таинственных молитв повелевается преклонять голову; также на возглас: τὰς χεφαλὰς ὑμῶν τῷ χυριῷ χλινατε (*главы ваша Господеви преклоните*).

*** Кроме сего имя царское выставлялось на обороте грамот, рукою *Дьяка* (Государственного Секретаря). – Простолюдины писали обыкновенно в начале писем: *такой-то такому-то о Господе радоватися*, или другое подобное приветствие.

людины почитают бесчестием подписываться, и имя свое ставят в возглавии писем. Когда приносят царские грамоты, их держат двумя пальцами, подняв вверх, и вручают с великим почтением".

"Московитяне не знают обыкновений образованных народов; даже при столе не употребляют вилок. Сия привычка, может быть, ведет начало от времен Святослава[7] (сына Ольгина), которому подобные орудия казались выдумкою роскоши".

"Государь имеет много серебряной посуды и употребляет ее при пиршествах; но у вельмож блюда и стаканы обыкновенно деревянные. Сию посуду делают монахи в некоторых обителях, весьма искусно, с резьбою, иногда с позолотою. Оловянных приборов мало. Знатные и вообще дворяне держат при себе серебряную чарку (cyathum), из которой всякому, кто бы в какую пору ни пришел, подносят горячее вино (vinum adustum). Если бы они были пообразованнее и имели обычаи не столь грубые, то при небольших издержках могли бы жить в довольстве: величайшие реки доставляют рыбу в изобилии, а леса не менее того дичи. При лучшем хозяйстве, на обширных пажитях, им легко было бы содержать многочисленное скотоводство. Они употребляют в пищу бычье, свиное и баранье мясо; но телятины не едят. Зайцев и лосей везде великое множество; оленей почти нет".

"Кушанья приправляют обыкновенно луком и чесноком. Другие снадобья, употребительные у народов нежнейших вкусом, им неизвестны. К жаркому подают соленую сливу. При большом привозе лимонов, их употребляют с особенным удовольствием, с рыбою и другими яствами".

"Виноград не родится в Московии; а потому и вина, из него делаемые, мало употребительны. У самых вельмож они редки. Даже при столе царском подаван был только

один бокал виноградного вина. Но у них есть свой собственный ненеприятный напиток: мед. Его делают из воды, меду и хмеля, с приправою духов и ягод. У государя подавали меды белые и красные: они так хороши, что поспорят с нашею Малвазиею[8] (Malvatico). Как сей напиток холодный, то в обеде и ужине охотнее пьют горячее вино, как приличнейшее для их климата. Недостаточные довольствуются ржаным хлебом и питьем из вскиснувшей муки и воды (квасом); мясо едят весьма редко".

"У самых благородных, даже зажиточных людей, домы малые, большею частию хижины, крытые соломою. Во всех избах, виденных нами в Московии, обыкновенно по одной большой печи, для хлебопечения и варения пищи; от сего они обыкновенно дымны и не менее того нечисты, ибо и скот помещается тут же. По неимению стекол, оконницы затягивают холстиною, напитанною маслом, или бычьими пузырями. В областях Псковской и Новгородской добывается слюда, из которой делают довольно прозрачные фонари".

"Денежный счет, как и все прочее, весьма сбивчив. Не имея рудников, москвитяне приобретают иностранные монеты, золотые и серебряные, и из них чеканят свои деньги. Цена их не одинакова. За золотой, называемый нами Угорским (Ungaricum), дают сто крестовиков[9] (crucifer), иногда сто восемь и более. Когда проведают, что у нас денег недостаточно, стараются всячески прижимать в мене: за ефимок[10] дают тогда 69 крестовиков. В торговле большею частию счет идет рублями*; но это не особенная монета: сто новгородских монет составляют рубль. По-нашему он равняется трем рейнским флоринам, или 20 крестовикам. В наибольшем употреблении новгородские монеты, ценою в два крес-

* О достоинстве и цене древних рублей см. Карамзина *Истор<ия> Госуд<арства> Росс<ийского>*. Ч. IV, прим. 250.

товика. В некоторых главных городах чеканят деньги из наших серебряных монет: на одной стороне изображается всадник*, на другой имя государя. Деньга составляет половину новгородской монеты, равняется одному крестовику и походит на него видом. Совокупность трех новгородских монет называется алтын. Золотые бьют весьма редко; они легче и меньше угорских. Кроме сего есть у них мелкие медные монеты, коих на одну деньгу, или наш крестовик, дают двенадцать**; но они малоупотребительны, наиболее для раздачи милостыни. В малых городах народ, боясь быть обманутым, не берет наших монет. От сего приезжающие в Московию чужестранцы бывают в немалом затруднении; но купцы держатся старинного обычая, торгуя с московитянами товар на товар, что для обеих сторон довольно удобно".

"В одной столице Московии живут поискуснее ремесленники, большею частию немцы. В других местах, кроме портных и сапожников, почти никаких нет. Народ занимается или торговлею, или земледелием. Купцы, скупая врознь меха, воск и другие товары, коими изобилует их страна, меняют их на сукно, ароматы и проч<ее> и продают соотечественникам на деньги. Земледельцы, платя еженедельно подать государю и оброк своим господам, сами, с женами и детьми, довольствуются черным хлебом, одеваются в грубейшее сукно, и дабы не иметь нужды в сапожном ремесле, обувь плетут из древесных лык. Они пекутся единственно о

---

* При Вел<иких> Князьях Иоанне Васильевиче и сыне его Василии деньги чеканили с изображением всадника с мечем; в 1535 году меч заменился копьем и *оттоле прозваша деньги копейныя* (копейки). См. *Софийск<ий> Врем<енник>*. Ч. II, стр. 337. Карам<зин>. *Истор<ия>*. Ч. VIII, прим. 67.

** Сии монеты назывались *пулы*[11]; от сего впоследствии произошло уменьшительное *пулушки* (полушки). См. Карам<зин>. *Истор<ия>*. Ч. V, прим. 135.

дневном пропитании и к удобрению земли мало прилагают рачения. Для бороненья пашни употребляется ими орудие из связанных вместе сучьев, коим разбивают земляные комы. Впрочем, по отличной доброте почвы и многоземелию, самое посредственное обработывание приносит обильную жатву. Снятый хлеб складывают в скирды (in acervos), или под кровлю, наподобие лестниц (ordine in formam scalarum), где провевает его ветр. Молотьба производится так: сперва хлеб сушат в особых избах с печами (овинах), от чего происходит та выгода, что таким образом выкопченный, он может по нескольку лет лежать на одном месте, не подвергаясь гниению, как то иногда бывает у нас. Сие подтверждается ливонцами, кои поступают так же. Познатнее дворяне строят риги (aveas), в коих молотится хлеб; но простолюдины, очистив пред помянутыми избами гладкое место (ток), поливают водою и, когда замерзнет, выбивают на нем зерна".

"Водяных мукомолов весьма мало. У каждого крестьянина женский пол, сидя дома, растирает зерна двумя кругловатыми камнями: таким образом, по числу семейства приготовляется нужное количество муки".

"Многие села освобождены государем от платежа обыкновенных податей, с тем, чтобы они содержали во всегдашней готовности известное число лошадей, для подставы ездящим по казенной надобности (publico nomine). Такие места, называемые ямы́ (от *имания*, ab apprebensione), отстоят одно от другого почти на шесть миль, особенно на тех дорогах, кои из пограничных городов идут к столице. Сим способом в один день, особенно когда нужда требует, переезжают весьма большее пространство, и о всем, что происходит на границе́, в короткое время извещают государя. Иностранных послов возят без платы".

"Лошади вообще худы, ибо их кормят одним сеном; но крепки и перевозят большие тяжести. Дабы удобнее

могли бежать по льду, их подковывают острошипным железом (ferrum acuminatum), укрепляя его внутри копыта двумя гвоздями. Когда у едущих от правительства лошадь на дороге устанет и не может бежать, ее заменяют другою от первого встречного. Ямщики, вместо шпор, употребляют плети (scuticis); лошадей побуждают к бегу свистом!"

"Без ведома и позволения государя никто не въезжает в Московию; а потому едущие без надежных проводников подвергаются великим опасностям, иногда задерживаются, как пленники, и расспрашиваются о цели поездки. Люди торговые и путешественники, по неимению гостиниц, с трудом и за деньги могут доставать съестное; притом подвергаются великим беспокойствам и трудностям. Послам продовольствие идет от казны"».

Строев.

ВЕНЕРЕ ОТ САФО

Цветоносная, вечноюная,
Афродита, дщерь Зевса вышнего,
Милых хитростей матерь грозная!
Не круши мой дух ни печалями,
Ни презрением! –

*

Но приди ко мне умоляющей, –
Как и прежде ты страсти робкие
Голос слышала – часто слышала –
И неслась ко мне из блестящего
Дома отчего –

*

В колеснице, – что легче воздуха,
Кою быстрые, красовитые
Мчат воробушки, часто крылами
Ударяючи по златым зыбям
Неба дальнаго, –

*

Низлетала ты – многодарная!
Наклоня ко мне свой бессмертный взор,
Вопрошала так, с нежной ласкою:
"Что с тобою, друг? – что сгрустилася? –
Что звала меня?

*

"Что желалось бы сильно, пламенно,
Сердцу страстному? – На кого бы я
Излила свой огнь, изловила бы
В сети вечные? – Сафо, кто тебя
Оскорбить дерзнул?

*

Кто бежал тебя – скоро вслед пойдет;
Кто даров не брал – принесет свои;
Кто любовных мук не испытывал,
Тот узнает их, хоть бы этого
Не искала ты!"

*

Ах! – и ныне так прииди ко мне,
Отыми, отвей тягость страшную;
В чем надежды цвет, сладость радостей,
Чем могу я жить – то исполни ты: –
Будь помощница!..

Мерзляков.

СКОРОСПЕЛКА

(Primevère*. – В альбом М.Г. Г-н)

Что так рано, Скороспелка, расцвела?
Видишь – хладом полночь веет,
Сень приютная дубрав не ожила,
Мурава чуть зеленеет.

Скоро, скоро блекнет юная краса!
Скрой свой цветик золотистый:
Тяжела ему холодная роса
И опасен снег пушистый.

*

"Что мой век? – жизнь мотылька:
Расцвела с зарею,
Полдень взглянет – смерть близка,
Отцвету с зарею.

Не годами жизнь считай,
Но часами счастья:
Миг один в цветущий май
Лучше дней ненастья".

М.-ч.

* Примула (*фр.*).

ПЕСНЯ

Сердцем в первые дни жизни,
Но не к счастью я расцвел;
Отлученный от отчизны,
Я лишь грусть одну нашел.

Рано душу взволновала
Мне прекрасная мечта,
Рано, рано засияла
Мне приветная звезда...

Но мечта, что так мне льстила,
Вероломная была:
Сколько благ она сулила –
И сколь мало принесла!

Но звезда, что мне светила
Так отрадно для души,
Лишь взманила – изменила
И покинула в глуши.

Увядает, погасает
Скоро молодость моя...
Где ж, когда мне просияет
Милой радости заря? –

М.-ч.

МЫСЛЬ

Гляжу я на небо:
Прекрасно сияет
Эфир голубой;
Гляжу я на солнце:
Оно протекает,
Блистая красой.
Но солнце и небо далеко,
А бренным созданьям земли
Законы судьбы зарекли
Из праха лететь столь высоко.

Я вижу: орел
Эфир рассекает
Могучим крылом;
Как бурная туча,
Он к солнцу взлетает
И солнце играет на нем.
Что ж, смертный, вздыхаешь?
Безмолвный, с поникшим челом,
Глядишь, не дерзаешь
Лететь за орлом?
Вдруг мысль пробудилась –
И молньи быстрее
Над бездной парит!
Вот солнца достигла,
Вот солнцы под нею;
Но выше летит
К предвечному свету, в надзвездные сени
Приникла, бессмертьем полна,
И солнца яснее, от горних селений
На землю сияет *она*.

Ознобишин.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразной
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, Боже,
От Элегических куку!

А. Пушкин

ПРОВОДЫ АЛИНЫ

Подражание Метастазиевой[1] песни:
Ecco quel fiero istante* .

Поезжай! счастливый путь!
    Добрый час – Алине!
Но, мой ангел, не забудь
    Обо мне в чужбине!
  От тебя вдалеке
  Буду жить я в тоске;
Ты ж, кто знает, – в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Вспомни обо мне хоть раз
    В дальней ты дороге!
Друг твой будет каждый час
    О тебе в тревоге;
  Мысль моя за тобой
  Полетит в край чужой.
Ты ж, кто знает, – в новом круге
Вспомнишь ли о старом друге?

Часто буду я блуждать
    По брегам уныло
И у камней вопрошать:
    Где мой ангел милый?
  Я тебя буду звать,
  О тебе все мечтать.
Ты ж, кто знает, – в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

---

* Вот какой гордый (*ит.*).

Часто буду обходить
 Рощицы и долы,
И на память приводить
 Прежни дни весёлы,
Как жилось нам вдвоем
У любви под крылом.
Ты ж, кто знает, – в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Здесь, скажу, у этих струй
 Вспыхнул гнев Алины;
Здесь согласья поцелуй
 Расцветил долины;
 Этот луг, этот брег
 Был для нас раем нег.
Ты ж, кто знает, – в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Вкруг тебя в стране чужой
 Будут увиваться
Резвы юноши толпой,
 Будут, может статься,
 Уверять, друг, тебя
 И в любви, не любя.
О! кто знает, – в шумном круге
Вспомнишь ли о скромном друге?

Вспомни, свет моих очей!
 Не забудь, друг милый,
О любви к тебе моей –
 Верной до могилы;
 Вспомни, как в первый раз
 Ты в любви мне клялась...
О! кто знает, – в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Раич.

ДРУЖБА

Что дружба? легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья,
Иль покровительства позор.

А. Пушкин.

ЧЕЛОВЕК

К Байрону
(Из Ламартина)

О ты, таинственный властитель наших дум –
Не дух, не человек – непостижимый ум!
Кто б ни был ты, Байрон, иль злой иль добрый
гений,
Люблю порыв твоих печальных песнопений,
Как бури вой, как вихрь, как гром во мраке туч,
Как моря грозный рев, как молний ярый луч.
Тебя пленяет стон, отчаянье, страданье;
Твоя стихия – нощь; смерть, ужас – достоянье.
Так царь степей – орел, презрев цветы долин,
Парит превыше звезд, утесов и стремнин;
Как ты – сын мощный гор, свирепый, кровожадный,
Он ищет ужасов зимы немой и хладной,
Низринутых волной отломков кораблей,
Костьми и трупами усеянных полей. –
И между тем, когда певица наслажденья
Поет своей любви и муки и томленья,
Под сенью пальм, у вод смеющейся реки: –
Он видит под собой, кавказские верхи,
Несется в облака, летит в пучине звездной,
Простерся и плывет стремительно над бездной;
И там один, среди туманов и снегов,
Свершивши радостный и гибельный свой лов,
Терзая с алчностью трепещущие члены,
Смыкает очи он, грозою усыпленный. –
И ты, Байрон, паришь, презревши жалкий мир:
Зло – зрелище твое, отчаянье – твой пир.
Твой взор, твой смертный взор измерил
злоключенья;
В душе твоей не Бог, но демон искушенья. –

Как он, ты движешь все, ты мрака властелин.
Надежды кроткий луч – отвергнул ты один.
Вопль смертных, для тебя – приятная отрада;
Неистовый, как ад, – поешь ты в славу ада. –

Но что против судеб могущий гений твой! –
Всевышнего устав не рушится тобой;
Всеведенье Его премудро и глубоко.
Имеют свой предел и разум наш и око;
За сим пределом мы не видим ничего.
Я жизнью одарен, но, как и для чего –
Постигнуть не могу – в руках Творца могучих
Образовался мир? как сонмы вод зыбучих,
Как ветр, как легкий прах поверх земли разлил?
Как синий свод небес звездами населил? –
Вселенная – Его. А мрак, недоуменье,
Безумство, слепота, ничтожность и надменье –
Вот наш единственный и горестный удел. –
Байрон! сей истине не верить ты посмел!
Бессмысленный атом! исполнить назначенье,
К которому тебя воззвало Провиденье,
Хранить в душе своей закон Его святой
И петь хвалу Ему – вот долг, вот жребий твой. –
Природа в красотах – изящна, совершенна;
Как Бог, она мудра, как время – неизменна.
Смирись пред ней, роптать напрасно не дерзай;
Разящую тебя десницу лобызай. –
Свята, и милует она во гневе строгом:
Ты былие, ты прах, ты червь пред мощным Богом,
И ты и червь равны пред взорами его,
И ты произошел, как червь, из ничего.
Ты возражаешь мне: "закон уму ужасный
И с промыслом души всемирной несогласный!
Не сущность вижу в нем, но льстивую тщету,
Чтоб в смертных вкоренить о счастии мечту, –
Тогда как горестей не в силах мы исчислить."

Байрон! возможно ль так о Непостижном мыслить,
О связи всех вещей, превыспреннем уме?
Мы слабы. Как и ты, блуждаю я во тьме;
Творец – механик наш, а мы – его махины:
Проникнем ли его начальные причины? –
Единый Тот, Кто мог все словом сотворить, –
Возможет мудрый план природы изъяснить. –
Я вижу лабиринт, вступаю и теряюсь.
Ищу конца его – и тщетно покушаюсь.
Текут дни, месяцы унылой чередой,
Тоска сменяется лютейшею тоской;
В границы тесные природой заключенный,
Свободный, мыслящий, возвышенный, надменный,
Неограниченный в желаньях властелин,
Кто смертный есть? – Эдема падший сын, –
Сраженный полубог! ....
Он не забыл еще своей минувшей славы,
Он помнит прежний рай, клянет себя и рок,
Он неба потерять из памяти не мог. –
Могущий – он парит душой в протекши годы;
Бессильный – чувствует все прелести свободы;
Несчастный – ловит луч надежды золотой
И сердце веселит отрадною мечтой, –
Печальный, горестью, унынием убитый,
Он схож с тобой, он ты – изгнанник знаменитый!
Увы! обманутый коварством Сатаны,
Когда ты исходил из милой стороны,
С отчаяньем в груди, с растерзанной душою,
В последний раз тогда – горячею слезою
Ты орошал, Адам, Эдемские цветы.
Бесчувствен, полумертв, у врат повергся ты.
В последний раз взглянул на милое селенье,
Где счастье ты вкусил, приял твое рожденье;
Услышал ангелов поющих сладкий хор –
И отвратив главу, склонил печальный взор,
Еще невольно раз к Эдему обратился,

Заплакал, зарыдал и быстро удалился. –
О жертва бедная раскаянья и мук!
Какому пению внимал твой робкий слух?
Могло ль что выразить порыв твоих волнений
При виде мест едва минувших наслаждений?
Увы, потерянный прелестный вертоград!
Ты в душу падшего вливал невольно яд.
Полна волшебного о счастьи вспоминанья,
Она, как тень, в жару забвенья и мечтанья,
Перелетела вновь в заветные сады
И упоялась вновь всем блеском красоты.
Но исчезали сны – и пламенные розы
Адамовых ланит – как дождь, кропили слёзы.

Когда прошедшее нам сердце тяготит
И настоящее отрадою не льстит,
Мы жаждем более счастливого удела. –
Тогда желания бывают без предела;
Мы в мыслях воскресим блаженство прежних дней,
И снова вспыхнет огнь погаснувших страстей. –
Таков был жребий твой, в жестокий час паденья.
Увы! и я испил из чаши злоключенья,
И я, как ты, смотрел, не видя ничего,
И также быть хотел толковником всего.
Напрасно я искал сокрытого начала,
Природу вопрошал – она не отвечала.
От праха до небес парил мой гордый ум –
И слабый – ниспадал, терялся в бездне дум. –
Надеждою дыша, уверенностью полный,
Бесстрашно рассекал я гибельные волны
И истины искал в советах мудрецов;
С Невтоном[1] я летал превыше облаков,
И время оставлял, строптивый, за собою,
И в мраках дальних лет я бодрствовал душою.
Во прахе падших царств, в останках вековых
Катонов[2], Цезарей[3] – свидетелей немых

Неумолимого, как время, разрушенья –
Хотел рассеять я унылые сомненья;
Священных теней их тревожил я покой;
Бессмертия искал я в урне гробовой –
И признаков его, никем не постижимых,
Искал во взорах жертв, недугами томимых,
В очах, исполненных и смерти и тоски,
В последнем трепете хладеющей руки.
Пылал обресть его в желаниях надежных,
На мрачных высотах туманных гор и снежных,
В струях зеркальных вод, в клубящихся волнах,
В гармонии стихий, в раскатистых громах.
Я мнил – что грозная, в порывах изменений,
В часы таинственных, небесных вдохновений,
Природа изречет пророческий глагол:
Бог блага мог ли быть Бог бедствия и зол?
Все промыслы Его судеб непостижимы,
И в мире и добро и зло необходимы.
Но тщетно льстился я. – Он есть сей дивный Бог;
Но зря Его во всем, постичь я не возмог.
Я видел: зло с добром и, мнилося, без цели,
Смешавшись на земле, повсюду свирепели.
Я видел океан губительного зла,
Где капля блага быть излита не могла;
Я видел торжество блестящее порока –
И добродетель – ах! плачевной жертвой рока; –
Во всем я видел зло, добра не понимал,
И все живущее в природе осуждал.

Однажды, тягостной тоскою удрученный,
Я к небу простирал свой ропот дерзновенный –
И вдруг с эфира луч блеснул передо мной,
И овладел моей трепещущей душой.
Подвигнутый его таинственным влеченьем,
Расстался я навек с мучительным сомненьем,
Забыл на Вышнего презренную хулу,

И так Ему воспел невольную хвалу:
"Хвала Тебе, Творец могущий, бесконечный,
Верховный Разум, Дух незримый и предвечный.
Кто не был – тот восстал из праха пред Тобой.
Не бывши бытием, я слышал голос Твой.
Я здесь! Хаос Тебя рожденный славословит
И мыслящий атом Твой взор творящий ловит.
Могу ль измерить я в сей благодатный час
Неизмеримое пространство между нас?
Я – дело рук Твоих – я, дышущий Тобою,
Приявший жизнь мою невольною судьбою, –
Могу ли за нее возмездия просить? –
Не Ты обязан – я! – мой долг – Тебя хвалить! –
Вели, располагай, о Ты неизреченный!
Готов исполнить Твой закон всесовершенный.
Назначь, определи, мудрейший властелин,
Пространству, времени – порядок, ход и чин. –
Без тайных ропотов, с слепым повиновеньем,
Доволен буду я Твоим определеньем. –
Как сонмы светлые блистательных кругов
В эфирных высотах, как тысячи миров,
Вращаются, текут в связи непостижимой –
Я буду шествовать, Тобой руководимой.
Избранный ли Тобой, сын персти, воспарю,
В пределы неба я и, гордый, там узрю
В лазурных облаках престол Твой величавый –
И Самого Тебя, одеянного славой,
В сияньи радужных, божественных лучей;
Или трепещущий всевидящих очей,
Во мраке хаоса атом, Тобой забвенный,
Несчастный, страждущий и смертными презренный,
Я буду жалкий член живого бытия: –
Всегда – хвала Тебе, Господь! – воскликну я,
Ты сотворил меня, Твое я есмь созданье,
Пошли мне на главу и гнев и наказанье,
Я сын, Ты мой Отец! кипит в груди восторг!

И снова я скажу – хвала Тебе, мой Бог!" –
"Сын праха – воздержись! Святое провиденье
Сокрыло от тебя твой рок и назначенье.
Как яркая звезда, как месяц молодой –
Плывешь и сыплешь блеск по тучам золотой
И кроет юный рог за рощею ночною,
Так шествуешь и ты неверною стопою
В юдоли жизни сей. Ты слабым создан был;
Две крайности в тебе Творец соединил.
Быть может с ними я невольно стал несчастен;
Но благости Твоей и славе я причастен;
Ты мудр – немудрого не можешь произвесть:
Склоняюсь пред Тобой – хвала Тебе и честь!" –

Но между тем тоска сменила в сердце радость;
Погасла навсегда смеющаяся младость,
Угрюмый, одинок, прошедшим удручен,
Я вижу: пролетит существенный мой сон!
Престанет гнать меня завистливая злоба!
Полуразрушенный, стою при дверях гроба –
Хвала Тебе! – Вражды и горести змия
Терзала грудь мою. – В слезах родился я;
Слезами обмывал мой хлеб приобретенный,
В слезах всю жизнь провел, Тобою пораженный:
Хвала Тебе! – Терпел невинно я, страдал,
До дна испил я бед и горестей фиял,
У праведных небес просил себе защиты –
И пал, перунами Всевышнего убитый. –
Хвала Тебе! – Тобой невинность сражена!..
Был друг души моей – отрада мне одна!
Ты Сам соединил нас узами любови
И Ты запечатлел союз священный крови –
– – – – – – – – – –
– – – – – – – – – – [4]

Как юный, нежный цвет, от стебля отделенный,
Увял он на груди моей окамененной!..

Я видел смерть в его хладеющих чертах,
Любовь боролась с ней... и в гаснувших очах
Изображалось все души его томленье.
"О солнце, – я молил! – продли твое теченье!"
Как жертва палача, в час смерти роковой,
Преступник зрит топор, взнесенный над главой,
Бесчувствен, падает в отчаяньи и страхе
И ловит бытия последний миг на плахе;
Так бледен, – быстр, как взор, внимателен, как слух,
Я рвался удержать его последний дух...
Он излетел!.. О Бог правдивый, милосердый! –
Простишь ли мне?.. роптал в несчастиях нетвердый,
Роптал против Тебя, судил Твои пути...
Непостижимый Бог! прости меня, прости...
Ты прав... безумен я... достоин наказанья...
Ты смертным создал мир – и дал в удел страданья.

"Так! – я не нарушал закона Твоего.
Лишился милого душей моей всего,.
Лишился радости, покоя невозвратно:
Но что ж? Твои дары я возвратил обратно.
Противиться нельзя таинственной судьбе;
Желаньем, волею я жертвую Тебе. –
Я полон на Тебя незыблемой надежды
И с верою она мои закроет вежды.
Люблю Тебя, Творец, во мраке грозных туч,
Когда Ты в молниях, ужасен и могуч,
Устав преподаешь природе устрашенной;
Иль, кроткия весны дыханьем облеченный,
На землю низведешь гармонию небес! –
Хвала Тебе! – скажу, лия потоки слез,
Хвала верховный Ум – порядок неразрывный! –
Рази, карай меня – хвала Тебе, Бог дивный!" –

Так мыслил я тогда, так небом пламенел
И так, восторженный, Царя природы пел. –

О ты, неопытных коварный искуситель!
Неистовый сердец чувствительных мучитель!
Познай, Байрон, мечту твоих печальных дум;
Познай и устреми ко благу пылкий ум.
Наперсник ужасов, певец ожесточенья!
Ужель твоя душа не знает умиленья?
Простри на небеса задумчивый твой взор: –
Не зришь ли в них Творцу согласный, стройный хор?
Не чувствуешь ли ты невольного восторга?
Дерзнешь ли не признать и власть и силу Бога,
Таинственный устав, непостижимый перст –
В премудром чертеже миров, планет и звезд?
Ах, если б, смерти сын – из мрака вечной ночи,
Ты оросил слезой раскаяния очи,
Надеждой окрилен, оставил ада свод –
И к свету горнему направил свой полет,
И в сонме ангелов твоя взгремела лира:
Нет, никогда б еще во области эфира,
Никто возвышенней, приятней и сильней
Не выразил хвалы Владыке всей царей! –
Мужайся, падший дух! – Божественные знаки
Ты носишь на челе. – Как легкие призраки,
Как сон, как ветерок, исчезнет славы дым:
Ты адом, гордостью, ты злом боготворим,
Царь песней! презри лесть – она твоя отрава; –
С одною истиной прочна бывает слава.
Склони пред ней главу, надменный великан!
Теки, спеши занять потерянный твой сан –
Среди сынов, благим отцом благословенных,
Для радости, любви, для счастья сотворенных. –

Александр Полежаев.

СВЕТЛАЯ НЕДЕЛЯ

Что может быть шумнее и любопытнее Москвы в Светлую неделю? Здесь несколько провинций соединены в одном городе, несколько веков видишь в один день, – и старина и новость, – и моды и странности, – и высшее сословие и простой народ... Все составляет картину разительную, восхитительную, но столь обширную, что одним взглядом ее окинуть трудно.

Первый день праздника посвящен властям и родственникам. С утра заложены кареты, с утра старики облекаются в разноцветные и разнопокройные мундиры трех царствований, с утра молодые франты душатся и надушоные офицеры затягиваются. – Поехали: величавый швейцар вельможи, гордящегося прошлыми заслугами, с важностью помещает в список имена поклонников.

Законы света и обыкновений, в наше образованное время, везде одни, может быть с некоторыми оттенками. И на больших улицах и в переулках, и в центре города и в Замоскворечье, везде разные актеры разыгрывают одну и ту же пиесу... Все заняты одним делом... Толпа подсудимых и тяжущихся являются к крыльцу судей и каждый из них, целуясь с привратником, дает ему красное яйцо, часто завернутое в красную бумажку, приговаривая: *Не забудь доложить, что сам приезжал...* Искатели мест и должностные чиновники, которые выслуживаются или прислуживают, согнувшись в пять изгибов ползком пробираются в приемные, где, по обыкновению, заставляют их дожидаться. Но самое ожидание сие для ревностных обожателей и передних и поклонов есть усугубление удовольствия. Они люди привычные: терпение их выше всех опытов. – На досуге толпа людей, однородных по чувствам, цели и душе, толкует между собою. Иной, страдающий подагрой,

обтирает белую краску стены... Другой, нечто значущий в своем мире, присев на окошко, с важностью цицеронит в кругу людей, подлежащих его влиянию. Третий, важный некогда, в старое время, сообщает устарелые свои мысли... Иной, довольный и собой и своими заслугами, подымается на ходули между людей ничтожных... одному благосклонно кивает головой, другому – два слова, иному жмет руку... и многим шепчет с видом покровительства. Но дверь скрыпнула... призывный глас для жителей передних пробудил их: все засуетились, захлопотали, взволновались. Мелкие, забыв о титлах и пользуясь своею гибкостью, проникают вперед... другие с важностью напоминают чинопочитание, требуют учтивости и плюмажной шляпой очищают себе путь[1]... Всякий старается попасть в первый ряд, всякий толкается, забыв извиниться, – всякому сто раз наступают на ногу, не производя боли... Но дверь отворилась, – мелькнул ловкий камердинер, предвестник вельможи, и панорама сделалась еще любопытнее. Забавно видеть волнение блестящей толпы... Забавно смотреть на движение, шаркания, на подобострастные целования... Забавно прислушиваться к шептаниям и приветствиям, поздравлениям и ответам... Забавно читать торжественно на лицах разъезжающихся, которые пламенно, с восторгом, пересказывают два слова, кои удостоились получить от важной особы... Но кто это дряхлый, как быстроногий юноша, бежит по лестнице, бледный, запыхавшийся, – пудра оставляет облачный след в воздухе, – негодование, отчаяние рисуется морщинами на лице, – уста без слов ропщут пени, – мрачная мечтательность отыскивает наказание и слуге и кучеру и лошадям? – это в первый раз в жизни опоздавший поклонник. – Тщетен твой бег... не воротить минувшего... в зале пусто, разъезд начался, уже сели в рыдваны[2], уже потянулся длинный ряд экипажей. Каждый направил свой путь к крыльцу того, кто сродни начальнику его сына... Каждый заехал к

тому, кто может быть полезен делом, письмом, словом...

Какая суета на улице! какой шум, какое волнение! какое разнообразие! Вот парадный цуг[3] тащит огромную колымагу, воскрешающую давнопрошедшее... Вот бедный лакей погоняет измученную клячу, спеша развезти сотни три визитных билетцов из края в край города. Вот артель полицейских служителей, которые усердно поздравляют с праздником и убедительно требуют возмездия... Вот великолепное 12-стекольное ландо[4], усаженное матушкой и полдюжиной минувших роз, которые едут разгавливаться к столетней бабушке... Трубочисты, почтальоны, певчие, барабанщики, все спешат с добродушными поздравлениями с крыльца на крыльцо; но как часто расчеты их исчезают при грозном изречении привратника: "*Дома нет.*" Но кто это несется по улице? чьи кони едва дышат, оставляя в воздухе пар, подобный густому дыму? Чей исполинский лакей трясется, как в лихорадке, и к каждому толчку пришептывает упреки барину?.. Это верно какой-нибудь победитель сердец, любезный услужник дамского пола, душа обществ, краса бала, предмет тайных вздохов прелестного пола – отпускной офицер. Он развозит визитные карточки: щедрая отплата за балы, обеды, вечера, ласки добродушных москвичей...

Праздник уравнял все возрасты и звания. Мастеровые, лакеи, крестьянки, герои гостиных, красавицы, матушки, бабушки и даже столетние старики, все в новых или поновленных платьях. Даже на лошадей простирается закон праздничного времени, и они под Новинским франтят в новых блестящих уборах. Ничто не может быть забавнее семейных сцен. Какое истязание для Гарпагонов[5]! Сколько трогательных разлук с вечномилым, вечно-прелестным существом – деньгами, за поновление кареты, за сделание новой ливреи из старой!.. Никогда ласки жены не были столь нежны, никогда муж не был столь невнимателен, никогда требования жены

не были столь огромны, никогда обращение мужа не было столь сурово... Я за неделю перед праздником зашел по делам к господину... Но назовем его мистическими и необидными буквами N.N... Ему возвестили мое прибытие... Меня провели темными и тайными переходами на антресоли... – Давно ли вы переселились так высоко? – "Недавно". – Надолго ли? – "До праздника". – Понимаю, вероятно вы прячетесь от скучных гостей нынешней недели? – "Нет, просто от жены, от сына, от дочерей". – Как вы бесчувственны, суровы к своему семейству! – "По несчастию на нынешней неделе, изъявления супружеского и отцовского чувства все металлические". – Что делать, скоро праздник. – "Кому праздник, а мне горе! – с утра начинаются нападения, просьбы, слезы. Сущая беда – сын просит модный фрак, модный галстух, палочку с лапой или с носом, булавочку с алмазом; жена капот, ток, чепчик; дочка платья, шляпку, гирлянду, Бог знает чего, целую лавку... хоть со двора беги, да и то нельзя... никогда семья так рано не вставала... лишь глаза открыл, уж все собрались, обступили".

Но кому расход, кому доход. С тех пор, как число честных секретарей, беспристрастных судей, бескорыстных лекарей размножилось – с каким нетерпением ждут они приближения праздника!.. С тех пор, как уже не в моде брать в судах, с тех пор, как доктора лечат из одной филантропии или по дружбе, на заднем крыльце их расставлены приниматели поздравления. На заднем крыльце нежная и попечительная супруга ждет подсудимых и тяжущихся со свертками, пакетами, ящиками и кулечками и беда тому, кто забыл праздничное яичко!.. Доктор, выезжая позднее обыкновенного, провел утро, систематически расставляя серебряные чайники, фарфоровые чашки, золотые табакерки, бронзы, хрустали... все-изъявления чувства дружбы и благодарности его приятелей чахоточных, подагриков, лихорадочных...

Утро проходит, и настало время обеда, накрыт длинный стол, и съезжаются родственники. – Между тем, как старики обступили стол с куличами и пасхами, – дочки,, внучки, племянницы перебирают разноцветные карточки, сложенные горой на ломберном столе, и пользуясь занятием благочестивых и хладнокровных родственников, шопотом хвалят между собою вкус резьбы, выбор цвета. – Но злые наблюдатели женского сердца постигают, что дело идет не о карточках, но о тех особах, кем присланы карточки. Обед возвещен: потянулись пары в хронологическом порядке, уселись, принялись за дело, состязание для аппетита открыто, огромные блюда исчезают и сокрушен суточный труд измученного повара.

Москва, исполненная странностей в обычаях, в которых нынешние модники ее ежедневно упрекают, имеет и свои собственные странные добродетели, которые редко встречаются в образованных городах. Самая привлекательная картина для глаз человеколюбца происходит при дверях городской тюрьмы. – Нельзя без особенного чувства благоговения смотреть, как толпится народ к кружке, чтобы уделить часть своего достояния в пользу несчастных затворников. – Однажды, в первый день праздника провел я часть утра у входа в тюрьму. – Мне хотелось узнать, какое сословие людей сохранило более чувств, самых естественных природе человека – любовь к своим собратиям, сострадание... Я видел толпы мужиков, клавших деньги и хлебы; я видел и бедного солдата, уделявшего часть своего достояния для человека, который беднее его... Я видел купцов, привозивших коробами съестные припасы; но, сознаюсь, замечания мои были оскорбительны для других сословий. Счастливцы не помышляют о бедном. Может быть иной бы и уделил несколько денег; но есть ли у людей большого света время думать о тех, которые живут не в светлых гостиных, но под темными сводами темницы? Притом на

что благотворение людям, которые могут представить печатные доказательства своего доброго сердца, своего человеколюбия, которые могут с самохвальством показать титлы многих филантропических обществ, как право на бездействие, на отвержение слезных просьб просящего во имя Иисуса Христа? Нелюдим скорее помирится с человечеством в низких хижинах, чем в блестящих чертогах вельмож... Там будет он иногда сам свидетелем трогательных сцен, там в простом гражданине найдет он прекрасные порывы души, стесненные в образованных людях самолюбием, гордостью и всеми светскими чувствами.

Между тем граждане модного тона проводят праздник в пиршествах, на торжественных съездах, за родственными обедами, в богатых экипажах и стараются умножить число своих увеселений... Утром длинный ряд карет с детьми является нод Новинским... Наряженные няньки и мамки веселятся вместе с малютками и любуются шумными качелями и праздничным веселием паяса с его сослуживцами. Народ с утра толпится и составляет одну семью, в которой удовольствие, свобода – целью. – Вырвавшись из мастерских, передних, освободившись от своих занятий, все дышит одной веселостью; никто не думает о прошлых работах; все ловят минуты удовольствия; разнообразные качели, шутки веселых паясов и гаеров[6] тешат народ. Одни с женами, другие с праздничными подругами качаются на качелях; мальчики наездничают на деревянных лошадях; старики под шатром, увенчанным елками, молодеют и еще раз веселятся жизнью. Писцы, канцеляристы чинно прогуливаются с женами, облеченными в обновки яркого цвета. Фабричные с расстегнутым поясом, в красных рубашках, напевают отечественную песню, не смея однако возвысить голоса без нарушения общего спокойствия – одним словом, удовольствие есть цель всех гуляющих. Но для богатых и людей высокого сословия гулянье под

Новинским[7] есть средство тщеславия: там взаимно выказывают экипажи, лошадей, себя, жену, дочерей, там гордо любуются толпой. – Но часто и сами они служат утехою простому народу, который делает язвительные замечания на красоту экипажей и на бедность сидящих в них... Народный праздник есть без сомнения одно из привлекательных зрелищ. Кто видел английские скачки, кто видел Венецианский карнавал, пир шведских рудокопателей, русскую Светлую Неделю, тот может иметь полное понятие о прелестях веселия народного.

Z.Z.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

МОЙ ИДЕАЛ

Варианты альманаха "Эвтерпа" (М., 1831. С. 56): Без заглавия.

20 Но душу я люблю твою.

К ЛАИСЕ
Из Парни

Варианты автографов (ПД)·

1) *Заглавие*: "Совет (К Лаисе)".
2) *Заглавие*: "Полночь".
8 Упадут запоры.
12–13 Улыбнешься страстно
И рукой атласной
17 Жадно буду пить

НИЩИЙ

Варианты издания "Повести Михаила Погодина". М.: В типографии С. Селивановского, 1832. Ч. I С. 53–77):

Подзаголовок Повесть *отсутствует.*

1* добрых наших сограждан / добрых соотечественников
2* прислушиваться / и прислушиваться
3* в различные времена их быту, веселые и грустные, когда душа их выходит наружу / в веселые и печальные минуты жизни

4* об славном удальце, который в коронацию расставлял / о славных удальцах, которые расставляли

5* оправдывая пословицу / как будто оправдывая пословицу

6* впечатление глубокое / впечатление

7* обтянутое лицо / бледное лицо

8* что век прожить – не поле перейдти, что / что

9* сей земной труженик / сей труженик

10* странствования / странствования, которое было нелегко для него

11* *он стоял на своем месте* / он стоял на своем месте

12* Нищий вздохнул, как бы невольно / "Век прожить не поле перейдти", отвечал он, вздохнул как бы невольно

13* свое маленькое горе / свое малое горе

14* покороче / короче

15* вот что рассказывал он мне / вот что я услышал от него

16* за Мценском / за Мченском

17* Отец мой / Батюшка

18* читать и писать. / читать и писать скорешенько. С тех пор, до самой нищеты, я всегда доставал себе кое-как разные книги, и вытверживал их почти наизусть.

19* принялся за работу / принялся за работу, сперва за легкую, а потом и потяжеле

20* и таким образом возмужал / и возмужал

21* один из первых / одним из первых

22* на работе ли, на гулянье ли / на работе, на гулянье

23* в красный кумачной сарафан / в красный сарафан

24* не увидала / не увидела

25* Он замолчал: мысли изображались у него на лице / Он замолчал

26* в удел ему / в удел ему. – Мысли перелетали по лицу его

27* по-ихнему / по их совету

28* только инде под кустиками / только под кустиками кое-где

29* обливая / обдавая

30* на сердце / в сердце

31* Съездили уже мы / Съездили мы

32* с дружками, подружками / с дружками

33* лучшую девушку / лучшую красавицу

34* из нашей деревни / из нашей деревни, – И вспоминать мне это весело!

35* до отъезда баринова. / до отъезда баринова, ибо нареченному тестю, по его должности, некогда стало снаряжать ее.

36* сбегал я / я сбегал

37* тоска-свинец упала мне на сердце / тоска-свинец мне на сердце

38* места сыскать я не мог / места сыскать не мог

39* бегу я / бегу я околицей

40* опамятовался я к своему горю в нашей избе / опамятовался я на другой день к своему горю в нашей избе

44* весь свет казался мне / все представилось мне

42* и озирался вокруг себя. На половице видны были какие-то пятна… В бешенстве стал я скоблить их своим ножем. / стал озираться вокруг себя, и в бешенстве скоблить косяк своим ножом.

43* все в околотке / в околотке

44* рассудил / расчел

45* расправиться / управиться

46* с его милостью / с моим злодеем

47* закатить еще раз / попытался еще раз

48* полюбил сечу / полюбил кровавую сечу

49* Руки поднять на себя я не мог / Руки поднять я на себя не мог

50* богач / щеголь

51* ледяным голосом / грубым голосом

52* было бы скушно / стало бы скушно
53* думая о барине / думая о слышанном
54* грозные сны / страшные сны
55* друзья мои! я вам расскажу их после. / друзья мои!
56* старинушко / старинушка

Д.В. ДАВЫДОВУ

Варианты автографа (*РГАЛИ*):

Заглавие: К Давыдову
28–43 Ей места нет в походной ставке
Непостоянных усачей.
Будь счастлив с постояльцем новым!
Но берегись, чтоб наконец
Хозяином, к тебе суровым,
Не очутился твой жилец.
Иль, может быть, любовь и дружбу,
Сих двух житейских побродяг,
Ты презрел для небесных благ,
Вступив в мистическую службу?

51–52 Но в клире набожных певцов,
Ковач благочестивых слов,
Псалтырь славянскую приемлешь

56–57 Пылает сатаны угодник,
Походов девственных певец,

62–68 Причастника единых граций
Ты променял во оны дни
На жития церковных дедов,
Постясь в монашеской сени,
Не знаешь жирных мясоедов,
71–86 И, следуя примерам общим,
Ханжишь, слывя живым усопшим,

С собой, с людьми и с божеством.
Или… но расстаюсь с пером!
Изобретательному гневу
И стихотворному напеву
Пора мне положить конец!
Ты будь гусар или чернец,
Любви отступник или жрец,
Или шалун неугомонный,
Иль сонный член беседы сонной, –

ЕЛЕГИЯ

Варианты книги "Стихотворения" (М., 1830. Ч. I):
Заглавие: Недоверчивость

[10] Ты слишком любишь свой покой!

К***

В издании 1835 г. без заглавия и в следующей редакции:

В борьбе с тяжелою судьбой
Я только пел мои печали:
Стихи холодные дышали
Души холодною тоской;
Когда б тогда вы мне предстали,
Быть может, грустный мой удел
Вы облегчили б. Нет, едва ли!
Но я бы пламеннее пел.

Варианты издания 1884 г.:

[3–4] Холодные стихи дышали
Души холодною тоской

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕР и НОЧЬ

Варианты издания 1829–1831 гг.:

1* Все для нас поясняется / Все для него поясняется
2* олтарь / алтарь
3* но и в бури страстей / но и в бурю страстей
4* рассекала / рассевала
5* брежжет / брезжит

ОЖИДАНИЕ

Варианты издания 1835 г.:

3Приют укромный будет нам
8Мы ими счастию вредим

МАДРИГАЛ

Вариант "Стихотворений Александра Пушкина" (1829): без заглавия.

ДВИЖЕНИЕ

Вариант письма к П.А. Вяземскому (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 246):

8Однакож прав [какой-то] Галилей

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Варианты издания "Повести Михаила Погодина" (М.: В типографии С. Селивановского, 1832. Ч. I. С. 25–52):

Подзаголовок Повесть *отсутствует.*

1* Родители Софьи ~ без содроганья. / Софья, молодая девушка, играющая главную роль в моем повествовании, дочь некогда богатых, после промотавшихся,

благородных по рождению, но простых по уму родителей, была прекрасна собою. – И теперь еще, когда прошло лет двадцать после ее подвигов на сцене большого света, многие пожилые люди в Москве не могут вспомнить о прелестной без содрогания.

2* Она была / она была, говорят они

3* в легоньком палевом / в легком кисейном

4* на плеча ниспадавшие / на плеча упадавшие

5* нашим Дмитриевым / Дмитриевым

6* надевала она / надевала она на голову

7* чепчик на голову / чепчик

8* оборкой / кружевной оборкой

9* Посмотрели бы также / Посмотрели б вы также

10* на бале, на праздничном обеде / на бале

11* Притом никогда не видал я ничего игривее ее физиономии: / Как игрива была ее физиономия!

12* и между тем / но

13* Поутру, например / По утру

14* на ваточных щечках / на нежных ее щечках

15* глаза / глазки

16* каким-то тоненьким слоем масляной влаги / какою-то масляною влагою

17* в чертах / в чертах ее

18* *Текст*: Но... ~ женщины равнодушнее. *отсутствует.*

19* могла / могла б

20* о Ростове / о богомолье

21* бывало подумаешь / можно было подумать

22* у нее / у ней

23* Я не знаю, мог ли кто-нибудь / Никто

24* сказать / не мог сказать

25* Нынче / Ныне

26* к ней в милость / в милость

27* Я любил ее как милую Прихоть / Любить ее можно было только, как милую прихоть

28* героини* /героини *Сноска отсутствует.*
29* Пусть французские теоретики ~ наша пылкая молодежь? / Пылкая Московская молодежь была без ума от нее.
30* она не брала еще в руки оружия / она долго не брала оружия
31* в стихах, заунывных, томных и сладеньких / в стихах, заунывных и томных
32* к ним / к ним тогда
33* Позабавившись / Забавляясь
34* Софья начала думать о будущем. Она была уверена / Софья была уверена
35* довольно было себя / довольно себя
36* ничего такого, что могло бы вознаградить ее за принимаемое иго / ничего особенного в награду за принимаемое иго
37* девственниц / девушек
38* признаюсь и я / по ее мнению
39* Вы удивляетесь, неопытные юноши, моему выражению / Вы удивляетесь этому слову, неопытные юноши
40* но, хитрые, они делают это тихомолком, они умеют / но только тихомолком, но только умея
41* этот вид / вид этого
42* Не старого / Небедного, нестарого
43* *не бедного*, не злого / незлого
44* Софья по словам его могла / Софья могла
45* светскую опытность / опытность
46* привесть / привести
47* дам наших / дам наших и девушек
48* Молодой богач Пронской, малый с сердцем и душею / Пронской, богатый молодой человек, с сердцем и душою
49* таким простячком, таким Филькою / таким простячком

50* *исправить* / исправить
51* не подавал еще вида / не подавал вида
52* раздразнило / приводило в волнение
53* мая / Маія
54* соломенные шляпки и прочие ~ в деревню. / соломенные шляпки и тафтяные зонтики, начали разъезжаться по деревням проводить, или лучше, уже провожать лето.
55* сети / неизбежные сети
56* Но ты, Иванушко ~ иногда Софья / Но почему же другим не рассказать этого к сведению? Иногда Софья
57* *Текст*: Иногда какой-нибудь листик ~ а он был не слепой. *отсутствует.*
58* пронзительный. / пронзительный. – А взгляды, двусмысленные выражения, вздохи, бледность, румянец!
59* Катона / пустынника
60* *Знака сноски и подстрочного примечания нет. Вместо этого в тексте далее*: Уж не оттого ли... но я не слушаю твоего шептания, демон злоречия.
61* на наших комиков: на Н.И. Хмельницкого, М.С. Загоскина, А.И. Писарева, А.С. Грибоедова, Ф.Ф. Кокошкина, князя А.А. Шаховского. / на наших Комиков.
62* как будто бы их и не бывало на Руси / как будто бы их у нас и не было
63* бушевали / заслуживали укоризны
64* насчитаю сотню / насчитаю сам много, очень много
65* Князь Z / Князь Г. (*здесь и далее везде*). сын министра / сын Вельможи
66* у графини Д / у Графини О
67* говаривали наши нимвроды-охотники / говорят охотники
68* что в таких случаях / в таких случаях
69* серьезнее / внимательнее

70* выгоды / выходы
71* весь дипломатический корпус был с ним по отце его запанибрата. / весь Дипломатический корпус был с отцем его в самых дружеских отношениях.
72* взорвало пылкого Пронского / взорвало Пронского
73* и простывают / а простывают
74* Довольный князь замолчал. / Довольный Князь замолчал.

Ведь ты не любишь ее. Это видно, только шаласть. Для друга – перестань шалить, сказал наконец Пронской, прочитав на лице его решение для себя благоприятное. –

75* Дал ли ты Софье повод иметь на тебя какие-нибудь виды? спросил наконец Пронской, прочитав на лице его решение для себя благоприятное. / Дал ли ты Софье повод иметь на тебя какие-нибудь виды?
76* Понимаешь ли? / Понимаешь ли?

"Так и быть. Бог с тобою. Владей, владей красавицей – но послушай, братец, ты должен уступить мне непременно этого пуделя".

Изволь – хоть двух.

77* чтоб занавесить неудавшиеся планы / чтоб занавесить досаду на неудавшиеся планы
78* Так было и в / Так было в
79* одного моего несчастного друга, сударыня / одного моего несчастного друга
80* был очень томен / был томен
81* Что же бы присоветовали / Что ж бы вы присоветовали
82* И неужелиж / И неужели
83* Сказала Софья / сказала она
84* не унывал, и добился наконец, что через несколько месяцев / не унывал, и через несколько месяцев
85* Софья на каком-то бале выслушала / добился до того, что Софья на каком-то бале только что выслушала
86* наконец / и наконец

87* Теперь мне остается только ~ с каким успехом исправляет Пронской свою Софью. / Я не могу только сказать моим читателям и читательницам с успехом ли исправляет Пронской свою Софью.
88* на вечеринках / на вечерах

КЛИМЕНЕ

Варианты журнала "Новости литературы" (1823).

Заглавие: Хлое

[3]Так, Хлоя, многих вы милей;
[10] Но честь красы меня дороже.

Варианты издания 1835 г.:

Без заглавия.

[3]Конечно, многих вы милей;
[7]Не нежность, прихоть вашу я

СОВЕТ

Вариант "Стихотворений Александра Пушкина" (1829):

[1]Поверь: когда слепней и комаров

Набросок переработки начала (*Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 933*):

Докучных ⟨?⟩ [Досужих] мух, сердитых комаров
Вокруг тебя шумит ли рой на⟨хальный⟩ ⟨?⟩

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

Вариант "Стихотворений Александра Пушкина" (1829):

[7]И эхо вслед за нею то же

ДРУЖБА

Текст чернового автографа (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 982–983):

Что дружба – легкий пыл похмелья
Обиды вольный [колкий?] разговор –
Обмен тщеславия, безделья,
[Иль] Да покровительства позор

Ф.В. Булгарин

⟨РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬМАНАХ "УРАНИЯ"⟩*

Урания. Карманная книжка на 1826 год, для любительниц и любителей Русской Словесности. Изданная М. Погодиным. Москва. В типографии С. Селивановского, 303 стр.

Поныне видели мы г. Погодина на сухом поприще исторических изысканий и критики ученой, отдавали справедливость его познаниям, но вовсе не помышляли о других его дарованиях. Вдруг появляется *Урания*; мы спешим прочесть две его повести: *Нищий* и *Как аукнется, так и откликнется,* и сознаемся откровенно, что мы давным-давно не видали оригинальных русских повестей, написанных с такою остротою, замысловатостью, легкостью и занимательностью. Познание света и русских нравов, и вообще сердца человеческого, составляют неотъемлемые достоинства сих повестей, а рассказ мил чрезвычайно, игрив или трогателен. Повесть *Нищий* написана народным русским слогом, или просто сказать крестьянским языком. Это первый

* Продается во всех книжных лавках по 10 рублей. За пересылку прилагается один рубль.

удачный опыт в сем роде. Трудно соединить простоту и благородство; поговорки простонаречия и литературную возвышенность языка и слога, но г. Погодин преодолел сии трудности с необыкновенным искусством. Мы бы еще более распространились в похвалах г. Погодину за то удовольствие, которое он доставил нам своими повестями, но боимся... боимся потому, что излишняя хвала имеет иногда усыпительное действие на возникающие таланты: этому мы видели в наше время довольно примеров. Между тем мы в сердечном излиянии позабыли, что нам, в качестве критиков, должно искать также и недостатков, наряду с красотами. И так заметим, что в повести *Нищий* у г. Погодина пробилось несколько выражений в рассказе поселянина, которые не соответствуют общей простоте повествования. Наприм⟨ер⟩ "как бывало распустит *переплетенные* лентами косы" (стр. 24). Здесь слово *переплетенные,* кажется нам, неуместным. "Дивеса *происходили* со мной". (Там же). Лучше бы сказали *бывали.* Есть еще несколько выскочек из простого слога в высокий – но их так мало, что не стоит труда замечать. Довольны ли вы теперь, господа привязчивые рецензенты? Мы это сделали для вас, и вам предоставляем завершить начатое нами: исчислить по пальцам все кавычки, все неуместные запятые и двоеточия. – *Отрывок из жизни и мнений нового Тристрама,* соч. Г. де Санглена. Извещая публику о выходе в свет *Калужских вечеров,* мы уже имели случай говорить с похвалою о сем новом сочинении, продолжения которого мы ожидаем с нетерпением. Остроумие, глубокое познание сердца человеческого и легкость слога суть главные достоинства сих отрывков, а недостатки, ибо надобно непременно сказать что-нибудь о них в отличном сочинении, недостатки суть небольшие *оступки* на пути грамматическом, и в некоторых местах слишком близкое подражание Стерну. Так, наприм⟨ер⟩, *слеза,*

внесенная Ангелом Хранителем в книгу его, – прямо взята из Стерна с переменою нескольких только слов. Это выражение, можно сказать, способствовало во многом славе Стерна – и так не следовало лишать его собственности. – *Письмо Ломоносова к И.И. Шувалову, письмо князя Потемкина-Таврического к московскому митрополиту Платону* и *письмо сего знаменитого архипастыря к сей же особе* – исторические материалы любопытные и драгоценные. – *Отечественная старина.* Г-н Строев, занимающий почетное место на поприще исторических изысканий и оказавший большие услуги отечественной истории своими археологическими и палеографическими исследованиями, выбрал и сократил из весьма редкой и любопытной книги* известия о России, писанные имперским послом князем Даниилом Бухау в 1578 году. Излишним почитаем распространяться о важности и достоинстве сей статьи. – *Утро, полдень, вечер и ночь.* Философский, прекрасно написанный отрывок г. Веневитинова. *Спор* (восточная повесть), соч. г. Ознобишина, прозою и стихами. Милая, альманачная безделка, написанная весьма приятно и замысловато. *Синонимы,* соч. г. Снегирева. Почтенный автор, уже отличившийся в сем роде словесности, разбирает слова: *остроумие и острота, страсть и пристрастие.* Нам остается только благодарить его за труд и доставленное нам удовольствие. *Светлая неделя,* соч. ZZ. Об этой статье честь имеем донести публике, что *все благополучно, нового ничего нет*! – *Заветная книга,* соч. Од. это что-то мрачно-мечтательно-заунывное, *не продажное, а заметное*; мы не смели раскрыть *заветных*

---

* Moscoviae ortus et progressus Dan. Prin. à Bucchau, Gubenae 1679, in 16.

страниц, испугавшись первых строк: "В первые дни мира..." (!) и проч. –

Теперь взглянем на стихотворную часть сего прекрасного альманаха. Чтобы познакомить читателей более с сим альманахом, мы выпишем по азбучному порядку имена поэтов, украсивших сию книжку своими произведениями. Здесь помещены: *Баратынского* три пиесы; *князя Вяземского,* четыре; *Дм. Глаголева*[1], одна; *Мих.А. Дмитриева,* три; *В. Капниста,* одна; *Мерзлякова,* шесть; *Неведомского,* одна; *Нечаева,* две; *Ал. Норова,* одна; *Ознобишина,* пять; *Александра Пушкина,* пять; *Полежаева,* одна; *Раича,* шесть; *Ротчева,* одна; *Соловьева,* две; *Ф. Тютчева,* три; *Шевырева,* четыре, и три малороссийские песни. Кроме того, четыре пиесы анонимов. –

Глаза наши разбегаются по множеству прекрасных стихотворений, как в роскошном саду, по благоуханным и разнообразным цветам. Перо не может выразить различных ощущений, возбужденных в сердце различными впечатлениями. Как оценить этот разнообразный цветник? Здесь есть розы, лилеи, анемоны, фиялки и много, много хорошего; здесь есть также полынь, терния, плющ и кое-где дикая травка – а более всего травки *недотроги.* Простите нам, почтенные поэты, которых не знаю, справедливо или несправедливо называют: irritabile genus*; простите нам, что мы не берем на себя великого труда исчислять все красоты ваших произведений и (от чего Боже сохрани!) указывать ваши недостатки. Нам право не хочется тереться возле терния, если можем срывать прелестные цветы.

Когда мы извещали наших читателей о выходе в свет *Календаря Муз*, мы не читали еще *Урании.* Но *Календарь Муз* не меньше того останется очень хорошим. Два

---

* раздражителями *фр.*).

солнца не могут светить вместе, а два хорошие альманаха могут весьма миролюбиво лежать вместе на дамском туалете или стоять на полке в избранной библиотеке. Мы даже уверены, что почтенные Издатели сих альманахов готовы всегда на деле доказать справедливость стиха:

Montrez moi mon vainqueur et je cours Pembrasser!*

Ф.Б.

---

* Покажите мне победителя, и я готов его расцеловать (*фр.*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т.М. Гольц

ИЗДАТЕЛЬ "УРАНИИ" И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

"Урания, карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности" вышла в Москве и в основном представляла молодых литераторов, связанных с Московским университетом и Московским университетским благородным пансионом. Университет в 20-е годы XIX в. становится не только центром культурной жизни Москвы – ее науки и литературы, но также средоточием и источником передового общественного движения и общественной мысли. Большинство вкладчиков этого альманаха, как и вышедшей годом позже "Северной лиры", – участники литературных объединений москвичей: Общества друзей (1822–1825) С.Е. Раича и кружка "любомудров" (1823–1825). Эти одаренные и разносторонне образованные молодые люди были одушевлены страстным желанием действовать для блага своего отечества, посвятить ему все силы. Соединенные узами дружбы, духом независимости, пылкие и мечтательные, они задумывались над будущим России и стремились каждый по-своему содействовать просвещению народа. Самым подходящим поприщем для такого служения они считали литературу: "Куда бы нас судьба ни завела и как бы обстоятельства ни разрознили, у нас все будет общая цель – благо отечества и общее средство – литература. Чего мы не сделаем общими силами?.. Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотою слога... Если судьба будет нам покровительствовать, то... лет через 20 мы сойдемся в дружеский круг, где каждый из нас будет

отдавать отчет в том, что он сделал, и в свои свидетели призывать просвещение России. Какая минута!.."[1]

Более всего в людях они ценили не их социальное положение, а талант и собственные заслуги. Страстные поборники универсального цельного знания, они занятия "изящной словесностью" сочетали с глубоким изучением наук, причем не только гуманитарных. Все они умели дружить: сохранять верность дружбе, чувству товарищества в течение всей жизни. В своем маленьком кругу они отдыхали душой: "...каждый знал труды другого; каждый по себе ценил усилия товарища... мы... поощряли друг друга к новым трудам и с каждым днем становились более строги к самим себе"[2].

Это были москвичи по духу и воспитанию, осознавшие свою народность, дорожившие своей внутренней свободой, независимые в своих мнениях: "Невинные странности москвичей были признаком их независимости"[3].

1

Издатель альманаха "Урания" Михаил Петрович Погодин, известный историк, писатель и журналист, родился в Москве 11 ноября 1800 г. в семье вольноотпущенного дворового человека и домоправителя графа И.П. Салтыкова и был типичным москвичом – энергичным, общительным, доброжелательным и предприимчивым. Уже с детства он пристрастился к чтению, в круг которого входили "Московские ведомости", "Русский вестник" С.Н. Глинки, "Письма русского офицера о войне 1806 года" Ф.Н. Глинки, содержащие описание ратных подвигов; повести Н.М. Карамзина "Бедная Лиза", "Наталья, боярская дочь", "Марфа Посадница", выученные

---

[1] *Киреевский И.В.* Письмо к А. Кошелеву // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 336.

[2] *Одоевский В.Ф.* Сочинения. СПб., 1844. Т. 2. С. 9.

[3] *Пушкин.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937–1949. Т. 11. С. 240.

им наизусть еще до поступления в гимназию, а также переводные романы.

На формирование мировоззрения Погодина и его патриотического чувства огромное влияние оказали события 1812 г., и если воображение его младшего современника, А.И. Герцена, питалось рассказами об Отечественной войне, то Погодин был непосредственным очевидцем пылающей Москвы, и эта картина навсегда запечатлелась в его душе, а разговоры о бегстве французов, о "наших" победах, о подвигах русских генералов все более и более воспламеняли его патриотический дух.

По окончании гимназии Погодин в августе 1818 г. поступил на словесное отделение Московского университета, где преподавали профессора И.А. Гейм, А.Ф. Мерзляков, Р.Ф. Тимковский (а затем его преемник И.И. Давыдов), М.Т. Каченовский, А.В. Болдырев, Н.Е. Черепанов, М.Г. Гаврилов. По свидетельству университетского товарища Погодина, А.З. Зиновьева, второе десятилетие прошлого века можно считать патриархальной эпохой Московского университета, когда "отношения между студентами и профессорами не ограничивались никакими официальными предписаниями. Наставники любили своих слушателей и старались быть им полезными... слушатели высоко уважали своих наставников, и, не мудрствуя лукаво, сроднялись с их характерами и привычками"[4]. С особенным уважением Погодин относился к лекциям латинской словесности Тимковского, теории поэзии и истории русской словесности Мерзлякова; любимым его профессором был "преклонный годами, но бодрый духом" Гейм, читавший курс статистики главнейших европейских государств, вследствие бесед с которым юноша предпринял перевод труда Нича "Краткое начертание древней географии" (М., 1823).

---

[4] *Зиновьев А.З.* Записки... // РГБ. Ф. 231. Р. I. К. 51. № 48. Л. 5 об.–6.

Большое влияние на Погодина, как и на других его товарищей, оказали лекции Мерзлякова: "всякое его слово с кафедры западало в душу и навсегда в ней оставалось"[5]. Увлекательнее всего были его разборы Ломоносова, Державина, Озерова и, наконец, студенческих сочинений, часто носившие характер вдохновенных импровизаций. Вскоре между ними установились дружеские отношения, благодаря чему впоследствии Погодин получал от профессора статьи для своих повременных изданий, которые, по тогдашнему обычаю, не оплачивались. Он высоко ценил произведения Мерзлякова и думал "как бы издать переводы его из древних"[6]. Юноша также усердно посещал лекции по всеобщей истории Черепанова, славянскому языку у Гаврилова, уже оканчивающих свое поприще, и лекции по археологии и теории изящных искусств у Каченовского, который "объяснял идею красоты и ея исторического развития... знакомил с различными школами живописи, ваяния и зодчества и при этом вносил элемент философской критики"[7]. Он пропагандировал идеи А.-Л. Шлёцера, затем Б.-Г. Нибура. Возбуждая в своих слушателях любовь к науке, Каченовский поощрял их к сотрудничеству в своем журнале, открывая путь к литературной деятельности. Так, он поместил в "Вестнике Европы" ряд критических статей Погодина, в том числе и разбор "Кавказского пленника" Пушкина[8]. В том же году в Москве вышли его "Комментарии к одам Горация". Слушал он и лекции Х. Шлёцера, сына знаменитого А.-Л. Шлёцера, читавшего на нравственно-политическом отделении политическую экономию, естест-

---

[5] Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 40.

[6] Там же. С. 163.

[7] *Зиновьев А.З.* Указ. соч. Л. 7 об., 8.

[8] Вестник Европы. 1823. № 1 (янв.). С. 35–57.

венное и гражданское право. Любознательных студентов привлекали также лекции по немецкому языку и немецкой литературе профессора Ю.П. Ульрихса, лекции по английскому языку и английской литературе Т. Эвенса и Пельта – по французскому языку и французской словесности.

Общество студентов словесного отделения Московского университета было самое разнообразное. Наряду с представителями аристократических фамилий – кн. Трубецким, кн. Юр.Л. Долгоруковым, Васильчиковым, Тютчевым, Нарышкиным – здесь учились разночинцы, питомцы воспитательного дома, лица духовного звания, кончившие семинарский курс. Одновременно с Погодиным, например, слушали лекции на словесном отделении Амфитеатров-Раич, Дубенский, Андросов, Ротчев. Юноша с горячею жаждой знаний органично вошел в студенческую среду с ее беседами, общими чтениями, спорами и "пользовался в своем разнообразном кругу товарищей отличным уважением"[9].

Начало литературно-общественной деятельности Погодина совпало с периодом политической реакции. Внешняя политика царского правительства регламентировалась принципами Священного союза, а внутри страны все сильнее становился гнет аракчеевщины. Но это же время характеризуется подъемом национального самосознания, обостренным интересом к русской самобытности, к истокам русского национального характера. В те годы заметно повысился авторитет отечественной словесности, "поднялся курс на русских учителей, и сколько-нибудь замечательные кандидаты и магистры университета нашли себе труд в лучших аристократических домах, которые уже не так усердно стали искать и выписывать иностранных воспитателей"[10]. И сами

[9] *Зиновьев А.З.* Указ. соч. Л. 6 об.
[10] Там же. Л. 12.

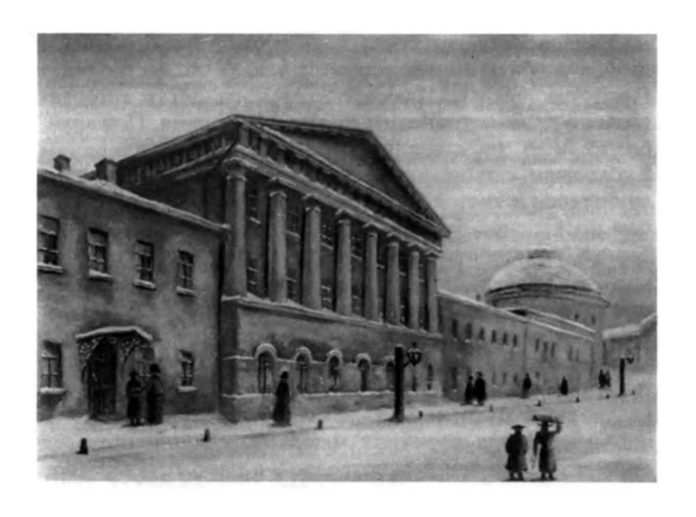
наставники, недавние питомцы университета, вполне осознавали всю меру возложенной на них ответственности – воспитать граждан. Так, летом 1819 г. Погодина пригласили домашним учителем в семейство И.Д. Трубецкого. Знакомство и тесная связь с ними, продолжавшаяся более десяти лет, оказались для Погодина весьма благотворными. На лето Трубецкие обычно уезжали в свою подмосковную – село Знаменское, где собиралось много молодежи, проводившей время в дружеских беседах и увеселительных прогулках, непременным участником которых был и молодой учитель. В то же время он много читал (Руссо, Паскаля, Сервантеса, Флориана, "Басни и рассказы" немецкого писателя-моралиста и просветителя Христиана Геллерта (1715–1769), "Киропедию", Шатобриана, Ж. де Сталь, немецкого философа-мистика Иоганна Эккартсгаузена (ок. 1260–1328), русские журналы); делал переводы из Гете, Овидия; начал вести свой дневник (и продолжал в течение всей жизни), написал повести "Нищий", "Как аукнется, так и откликнется" и "Русая коса", познакомился с известными литераторами – И.И. Дмитриевым, П.А. Вяземским, В.Л. Пушкиным – и пережил свое первое чувство влюбленности, предметом которого была его ученица, Александра Трубецкая. "Моя весна, моя поэзия, героиня моих повестей", – писал о ней Погодин уже в глубокой старости[11]. Хотя в доме Трубецких его социальное положение никогда не подчеркивалось, а молодое поколение относилось к русскому учителю по-дружески, он порою не мог избавиться от чувства робости, стесняясь своих манер и поношенного сюртука. Он составлял грандиозные планы своих занятий и мечтал о головокружительной карьере, которая сократила бы расстояние между ним и тем обществом, к которому принадлежала княжна.

[11] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 236.

Университетская среда с ее духом товарищества и свободолюбием вполне соответствовала умонастроению Погодина, чрезвычайно общительного, легко вступавшего во взаимоотношения с разными людьми. Пожалуй, ближе всех он сошелся с Алексеем Михайловичем Кубаревым, сыном московского священника, страстным любителем и знатоком латинской словесности, владельцем прекрасной библиотеки римских классиков. У Кубарева "на *чердачке*", в котором третий гость производил уже тесноту, они "читали и судили... обо всех примечательных явлениях науки и литературы"[12]. Главным предметом их разговоров была русская история и русская жизнь. Именно Кубарев указал Погодину книгу А.-Л. Шлёцера "Начертание всеобщей истории", переведенную в Духовной академии, благодаря которой у него уже тогда возникли мысль "о соединении всех славянских племен в одно целое", в одно государство, и "приверженность к славянству", которую он пронес через всю свою жизнь.

Погодин раздумывал над своеобразием исторического пути и назначения России, пытался осмыслить ее миссию по отношению к Востоку и Западу, а также к другим народам, входящим в состав империи: размышлял он и над особенностями русского национального характера. Так, в декабре 1821 г. он писал: "Какие великие свойства русского народа! Какая преданность вере, Престолу! Вот главное основание всех великих деяний... Каких переворотов не было в России. Иноплеменное двухсотлетнее владычество, тираны, самозванцы – и всё устояло, как было, опираясь на религию... Если бы, кажется, об России не было известно ничего, кроме того, что она произвела Петра, Суворова и Ломоносова, и тогда она имела бы право на бессмертие. Ни

[12] Там же. С. 54.

Московский университетский благородный пансион.
Рисунок Б.С. Зименкова.
Музей истории и реконструкции г. Москвы

древняя, ни новая история не представляет им равных"[13]. Противоречивым было его отношение к реформам Петра I: "Возьмем в пример время Петра. Невежество; появился Петр, и какие явились люди из среды этих невеж. Всё одушевилось! О, Петр, Петр – человеческий бог! Но он сделал важную ошибку, начав переделывать нас на иностранный манер. Погибла национальность. Нельзя было это предвидеть ему"[14]. Подобно другим представителям передовой университетской молодежи, Погодин остро реагировал на события внутренней и

[13] Там же. С. 138.
[14] Там же. С. 211.

внешней политики России: сочувственно относился к восстанию Семеновского полка (1820), к проблеме освобождения крестьян от крепостной зависимости (сам происходивший из крепостных, он принимал этот вопрос особенно близко к сердцу), считая, что освобождение крестьян с выкупом ими земли "будет важнейший и величайший шаг к счастию России. Как возбудится промышленность, как возрастут фабрики, как оживится торговля!..[15] Именно эта проблема, как и введение конституции в России, были центральными проблемами идеологической пропаганды Союза благоденствия. С одним из своих давних знакомых юноша беседовал о жалком положении "царей Грузинских", изгнанных из своего отечества и проживавших в Москве "на чужой стороне, в зависимости", считая присоединение Грузии к России "несправедливым": "Какая польза нам от Грузии? Неужели нам мало своей земли? Зачем обременять себя произвольно управлением посторонних государств?"[16] Всеобщие возмущения в Европе также приковывают к себе его внимание: например, у него вызывает возражение политика императора Александра I в Священном союзе, его вмешательство в неаполитанские дела: помощь австрийцам и неаполитанскому королю против неаполитанцев в целях подавления национально-освободительного движения в Италии: "Что нам до них за дело? Какое право имеем мы вступаться в чужие дела? Мы что за опекуны? Можно ли для этого пожертвовать жизнью 50.000 человек?"[17]

Близким университетским товарищем Погодина был Ф.И. Тютчев, живший тогда со своими родителями по соседству со Знаменским, в селе Троицком, на Калужской дороге. Они часто разговаривали о самых различ-

[15] Там же. С. 88.

[16] Там же. С. 85.

[17] Там же.

ных предметах, подвергая все критическому разбору. Молодых людей объединял интерес к истории, литературе, политике, стремление осмыслить явления мировой литературы в их взаимосвязях, любовь к немецкой литературе, которой они отдавали предпочтение перед французской, к отечественной словесности[18]. "Дневник" Погодина помогает воспроизвести темы их бесед: о подлинности "Слова о полку Игореве" (его восторженным почитателем был профессор А.Ф. Мерзляков), о трудах исторического содержания – о Карамзине, о характере Иоанна IV (весной 1821 г. вышел в свет девятый том "Истории государства Российского" Карамзина, в котором говорилось о царствовании Ивана Грозного); о религии, о божественности Иисуса Христа, о сочинениях отцов церкви, "о просвещении в России и препятствиях к нему, о душителе просвещения Магницком", о молодом Пушкине, об оде его "*Вольность*", "о свободном, благородном духе мыслей, появляющемся у нас с некоторого времени"[19]. Уже смолоду Погодин исповедовал мысль о том, что "монархическое самодержавное правление есть самое лучшее для России"[20]. Такого же мнения придерживался и Тютчев: неприятие деспотизма ("К оде Пушкина на Вольность") уживалось в нем с легитимизмом, и поэт, подобно Погодину, "всегда оставался сторонником монархии, освященной религией"[21].

Окончивший университетский курс 5 июля 1821 г. со степенью кандидата и золотой медалью, Погодин осенью того же года был приглашен в Университетский благородный пансион для преподавания географии и не

[18] Подробнее об этом см: *Кузина Л.Н.* Тютчев в дневнике и воспоминаниях М.П. Погодина // ЛН. М., 1989. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 7–27.

[19] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 194.

[20] Там же. С. 68.

[21] *Пигарев К.В.* Ф.И. Тютчев и его время. М., 1978. С. 26.

только "географические уроки умел сделать весьма занимательными"[22], но и раздумывал над тем, как воспитать достойных граждан. Еще 6 мая 1821 г. он сделал в своем "Дневнике" такую запись: "горе воспитателю, который бы захотел слишком рано научить рассуждать своего питомца; горе и тому, у которого воспитание сил нравственных остается позади от физических. Но как определить эту соответственность, как устроить воспитание, чтобы и нравственные, и физические силы шли наравне. Воспитатели! Вот задача, от нее зависит счастие рода человеческого"[23]. Сам он продолжает посещать лекции М.Т. Каченовского, И.И. Давыдова, лекции по анатомии Х.И. Лодера, лекции М.Г. Павлова – профессора физики, минералогии и сельского хозяйства, популяризатора философии Шеллинга, занимается изучением итальянского языка, приготовляется к изданию Горация, переводит Шатобриана; задумывает сочинить "Краткую риторику для детей" и "Краткую Российскую историю".

Уже в студенческие годы Погодин сблизился с М.А. Максимовичем и П.М. Строевым, в начале 1822 г. – с И.М. Снегиревым и К.Ф. Калайдовичем; летом того же года он познакомился с братьями Дмитрием и Алексеем Владимировичами Веневитиновыми, ставшими его близкими друзьями; в начале следующего года – с С.П. Шевыревым и его товарищами по пансиону: В.П. Титовым и Д.П. Ознобишиным, а в конце 1823 г. – с В.Ф. Одоевским. Особенно дружеские отношения установились у Погодина с Шевыревым. Их занятия "вскоре так переплелись, что о них большею частию нельзя говорить раздельно"[24]. По-видимому, к началу 1822 г. относится и сближение его (возможно, через Тютчева) с Семеном

---

[22] *Зиновьев А.З.* Указ. соч. Л. 9 об.

[23] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 125.

[24] Там же. С. 214.

Егоровичем Амфитеатровым (1792–1855), известным в литературе под фамилией Раич (по-видимому, это фамилия его матери-сербки, которую он взял себе по выходу из семинарии, отказавшись от духовной карьеры в пользу светской), поэтом и переводчиком, знатоком античной и итальянской поэзии, родным братом митрополита Киевского Филарета. Сын сельского священника, окончивший Орловскую духовную семинарию, он не принял духовного сана, так как мечтал учиться в Московском университете. Чтобы содержать себя в университете, он занимался частной педагогической практикой в дворянских семьях: служил домашним учителем у А.Н. Надоржинской и Н.Н. Шереметевой, а затем у их родного брата, И.Н. Тютчева, где стал воспитателем Ф.И. Тютчева.

С 1815 по 1818 г., пройдя в качестве "вольного слушателя" полный курс университетского образования по этико-политическому отделению, а в 1822 г. дополнительно окончив словесное отделение, он в октябре того же года успешно защитил диссертацию на звание магистра – "Рассуждение о дидактической поэзии", которая вышла в свет в 1821 г. в виде предисловия к переводу дидактической поэмы Вергилия "Георгики". Этот перевод вызвал интерес у литераторов и привлек внимание к С.Е. Раичу маститого И.И. Дмитриева. А.А. Бестужев писал в "Полярной звезде на 1823 год": «Переводы Раича Виргилиевых "Георгик" достойны венка хвалы за близость к оригиналу и за верный, звонкий язык[25]». Античность увлекала молодого поэта простотой и непосредственностью мировосприятия, гармонией человека с природой. Выступая на диспуте

[25] *Бестужев А А* Взгляд на старую и новую словесность в России // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 49.

против Мерзлякова, Раич доказывал равноправие в поэзии "полезного и приятного". Тезис о полезном назначении поэзии ("Дидактик есть или наставник людей, или судия их поступков") перекликался с декабристским пониманием воспитательной роли "изящной словесности". В 1820 г. С.Е. Раич поступил в дом Н.Н. Муравьева, основателя школы колонновожатых, в качестве воспитателя его младшего сына Андрея, и через некоторое время задумал учредить общество молодых любителей литературы. В Погодине он встретил полное сочувствие своему начинанию, но созданию общества (1822) предшествовали продолжительные переговоры между ними. В 1822 г. Погодин писал своему университетскому товарищу А.Ф. Томашевскому, находившемуся тогда в Курской губернии: "Затевали было мы здесь общество, да что-то не клеится: для одних слишком низко, для других высоко, а середины мало. Работай на досуге и готовь статейки. Может быть, действительно, выйдет у нас что-нибудь путное"[26]. Такое положение объяснялось тем, что молодые люди, группировавшиеся вокруг Раича, отличались разнообразием интересов: одни более увлекались философией, историей, политической экономией, другие – проблемами литературы и искусства, третьи – естествознанием и точными науками; одни любили более теоретизировать, другие – "заниматься самым художеством". Потому, видимо, и цели общества представлялись ими по-разному. Вначале это был "перевод классических книг со всех языков", впоследствии деятельность общества оказалась значительно более широкой: "Здесь читались и обсуживались по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, итальянского, немецкого и редко

---

[26] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 215.

французского языков"[27]. В Общество друзей вошли в основном воспитанники Московского университета, Университетского благородного пансиона, частные ученики А.Ф. Мерзлякова и С.Е. Раича: М.А. Дмитриев, А.И. Писарев, М.П. Погодин, В.П. Титов, С.П. Шевырев, Д.П. Ознобишин, А.М. Кубарев, В.Ф. Одоевский, Ал.С. Норов, Ф.И. Тютчев, А.Н. Муравьев, С.Д. Полторацкий, В.И. Оболенский, М.А. Максимович, А.А. Шаховской, Н.В. Путята. Есть свидетельства, что членами общества были В.П. Андросов, П.И. Колошин, А.Ф. Томашевский, А.И. Кошелев. Среди посетителей раичевского общества упоминают также И.В. и П.В. Киреевских, Н.П. Крюкова, Д.В. Веневитинова, Н.М. Рожалина. Здесь бывали еще Н.А. Полевой и В.К. Кюхельбекер.

Погодин вступил в Общество друзей 18 февраля 1823 г., представив свой перевод "Софонизбы" из Тита Ливия. Уже 15 марта он писал Голицыной: "У нас составилось общество друзей. Собираемся раза два в неделю. Читаем свои сочинения и переводы. У нас положено, между прочим, перевести со всех языков лучшие книги о воспитании, и уже начаты Платон, Демосфен и Тит Ливий"[28]. Сам он перевел из Тита Ливия "Софонизбу", из Овидия "Ниобу" и вместе со своим другом Кубаревым некоторые отрывки из Цицерона; он же переводил из Баттё, Макиавелли и Вернера, речь Шеллинга об искусствах, а также повесть Шатобриана "Рене". Кроме того, он читал замечания на мнения Карамзина о "Начале Русского государства", о характере Ивана Грозного. "Наши заседания были очень живы и некоторые из них даже блестящи и удостаивались присутствия всеми уважаемого и любимого московского генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына, И.И. Дмитриева

---

[27] *Раич С.Е.* Автобиография // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 28.

[28] Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 212.

и др. знаменитостей"[29]. Сочинения и переводы, в том числе и самих участников Общества друзей, подвергались критическому разбору, что "чрезвычайно подстрекало наше взаимное соревнование"[30].

Раич уделял большое внимание переводческой практике, считая, что благодаря ей усовершенствуется слог, что переводы доставят "неисчерпаемый запас новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин"[31]. Намечая план будущих работ общества, он записал: "составить курс литературы, основав ее на истории литературной"[32]. Раич был "человек ученый и вместе вполне литературный, отличный знаток классической древней и иностранной словесности... в высшей степени оригинальный, бескорыстный, чистый, вечно пребывавший в мире идиллических мечтаний, сам олицетворенная буколика, соединивший солидность ученого с каким-то девственным пылом и младенческим незлобием"[33]. Один из участников общества, М.А. Дмитриев, уже на склоне лет писал: "...с истинным удовольствием вспоминаю эти мирные суждения о литературе, чуждые всякого самолюбия и пристрастия"[34]. Несомненно, это была заслуга Раича, мудрого педагога, умевшего создать для

---

[29] *Кошелев А.И.* Записки. Berlin, 1884. С. 12.

[30] *Муравьев А.Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 5.

[31] Письмо к Ознобишину от 20 ноября 1825 г. (см.: *Васильев М.* Из переписки литераторов 20–30-х годов XIX века // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3–4. С. 175.

[32] *Раич С.Е.* Записная книжка, 1823 г. (*ПД*. 4218/XIII. С. 49. Л. 3).

[33] *Аксаков И.С.* Биография Ф.И. Тютчева. М. 1886. С. 12, 13.

[34] *Дмитриев М.А.* Воспоминание о С.Е. Раиче // Московские ведомости. 1855. № 141. 24 нояб. С. 577.

развития юных талантов атмосферу открытости и доброжелательности. Среди сочувственных воспоминаний современников (М.А. Дмитриева, М.П. Погодина, Ф.И. Тютчева, А.Н. Муравьева, Ф.Б. Миллера и др.) о личности Раича и его роли в деятельности Общества друзей выделяется несколько желчный и предвзятый отзыв К.А. Полевого, содержащий к тому же фактическую ошибку, к сожалению, не раз повторенную исследователями[35]: "Маленький ростом, какой-то чернокожий, тщедушный, почти монах по образу жизни, он любил в стихах своих выражать наслаждения жизнью, – буянил в стихах, как мы говаривали тогда, а в разговорах старался все поэтизировать... Неудивительно, что такой человек придал смешной характер литературному обществу молодых людей, избравших его своим председателем. Общество постоянно собиралось в назначенные дни, имело, кроме председателя, секретаря, который вел протоколы заседаний, читало в своих собраниях стишки и прозаические статейки членов, словом, по-детски подражало официальному Обществу российской словесности... Вся эта комедия не понравилась брату моему (Н.А. Полевому. – *Т.Г.*) с первого взгляда... Молодые люди уважали Раича, как бывшего своего наставника в пансионе; но этого похвального чувства не могло быть в человеке, знавшем в руководителе их только посредственного стихотворца и сладенького любителя классических гремушек"[36]. В вышеприведенных строках слышатся отголоски той журнальной полемики, которую вел издатель "Галатеи" Раич с издателем "Московского телеграфа" Н. Полевым. Раич не был пансионским наставником участников Общества друзей.

---

[35] См., напр.: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII в. – первая половина XIX в.) // ЛН. М., 1982. Т. 91. С. 717.

[36] *Полевой К.* Записки. СПб., 1888. С. 100–101.

Практические упражнения в российской словесности он стал вести в Университетском благородном пансионе только с февраля 1827 г. И все же эти высокообразованные и одаренные молодые люди именно его избрали председателем своего литературного общества. Это, несомненно, свидетельствовало о признании ими авторитета Раича как литератора и человека. Кроме встреч у Раича, были беседы у Погодина (он жил уже в собственном доме), Кубарева и Титова; они толковали о предметах возвышенных. Но уже не было среди них Тютчева. По окончании университета (23 ноября 1821 г.) поступивший на службу в Коллегию иностранных дел и причисленный к русской дипломатической миссии в Мюнхене, он 11 июня 1822 г. выехал к месту службы.

В 1823 г. начались собрания" любомудров",более узкого философского кружка, отделившегося от раичевского общества. В него входили Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Н.М. Рожалин, В.П. Титов, Н.А. Мельгунов. Посещали это общество также А.С. Хомяков, М.П. Погодин и С.П. Шевырев. Здесь изучали труды немецких философов (Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др.); особенно высоко ценили Спинозу; беседовали о них, иногда читали собственные философские сочинения. "Мы собирались у кн. Одоевского... Он председательствовал, а Д. Веневитинов всего более говорил и своими речами часто приводил нас в восторг"[37]. Хотя формально это были два независимые объединения, существовало взаимное проникновение членов одного кружка в другой[38]. Любомудры (Одоевский, Кошелев, И. Киреевский) принимали активное участие в работах Общества друзей, и, наоборот, те (Ал. Норов, М.А. Максимович и др.) бывали на субботах

---

[37] *Кошелев А.И.* Указ. соч. С. 12.

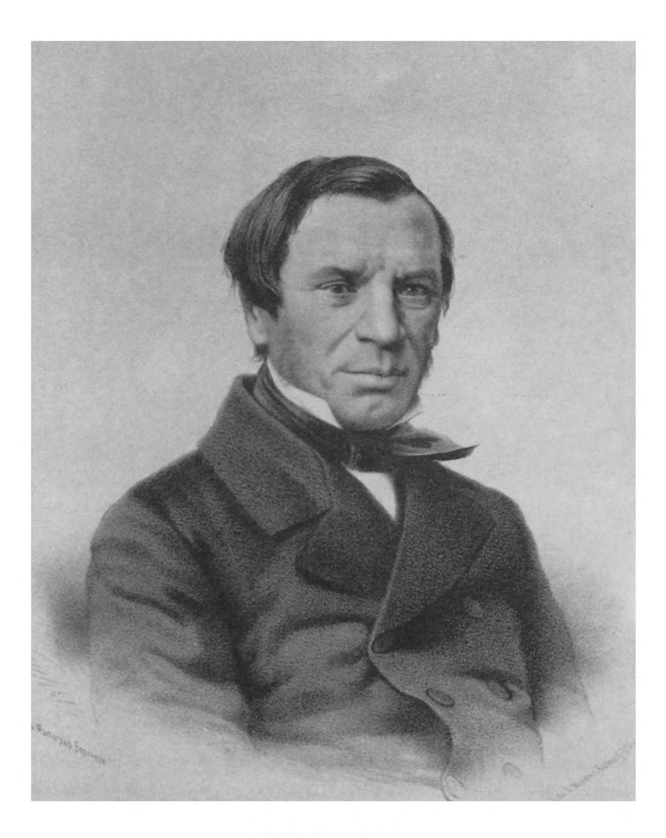
[38] *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 265.

любомудров. Погодин держался несколько в стороне от любомудров, постоянно ощущая недостаточность своих знаний, и сознавался, что "чувствует систему Шеллинга, хотя и не понимает ее"[39].

Первый этап деятельности раичевского кружка ознаменовался изданием альманаха "Новые аониды на 1823 г." (Цензурное разрешение 9 января 1823 г.), в который вошли произведения Пушкина, Д. Давыдова, Гнедича, Жуковского, Ф. Глинки, Вяземского, Баратынского, М. Дмитриева, Мансурова, С. Нечаева, А.А. Крылова, Олина; из молодых поэтов были представлены Тютчев и А. Писарев. Образцом для альманаха послужили "Аониды", изданные Н.М. Карамзиным (кн. 1–3. М., 1796–1799). Из предисловия к "Новым аонидам": "Несколько приятелей, занимаясь чтением разных произведений нашей словесности, появившихся в прошлом 1822 году, вознамерились остановить легкокрылое удовольствие и поделиться оным с другими. ...Собрав все хорошее, рассеянное по листкам многих журналов и книг, мы вместили в одну книжку и теперь предлагаем читателям плоды протекшего года... Может быть на будущий год и проза появится в сем издании... Счастливы будут наши Аониды, если привлекут такое же внимание, как предшественницы их". К перлам альманаха могут быть отнесены стихотворение "Муза" ("В младенчестве моем она меня любила...") и отрывки из "Кавказского пленника" Пушкина, элегии Д. Давыдова "В ужасах войны кровавой..." и "Примите меч! Я не достоин брани...", элегия Баратынского "Не искушай меня без нужды...", отрывки из "Шильонского узника" Байрона в переводе Жуковского, стихотворения Н. Гнедича "Арфа Давида" ("Разорваны струны на арфе забвенной...") и "Рыбаки" ("На острове Невском, омытом рекою и морем..."), стихотворение Тютчева "Одиночество" ("Как

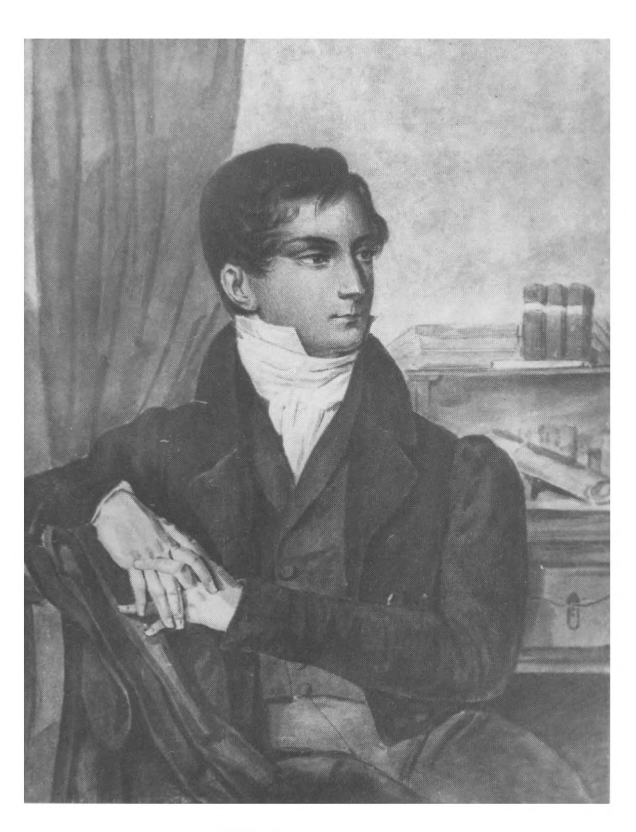
[39] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 303.

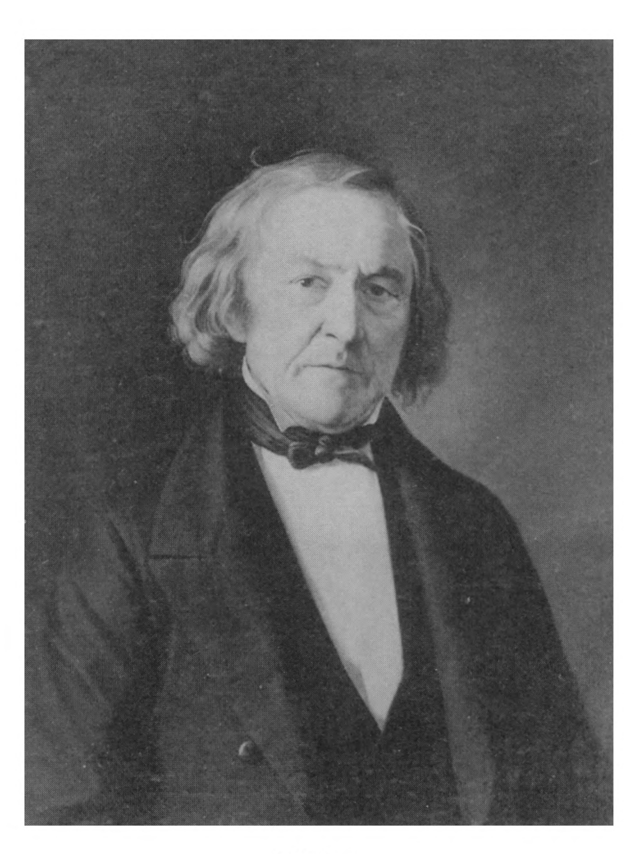
М.П. Погодин.
Фотография. Альбом
Пушкинской юбилейной выставки

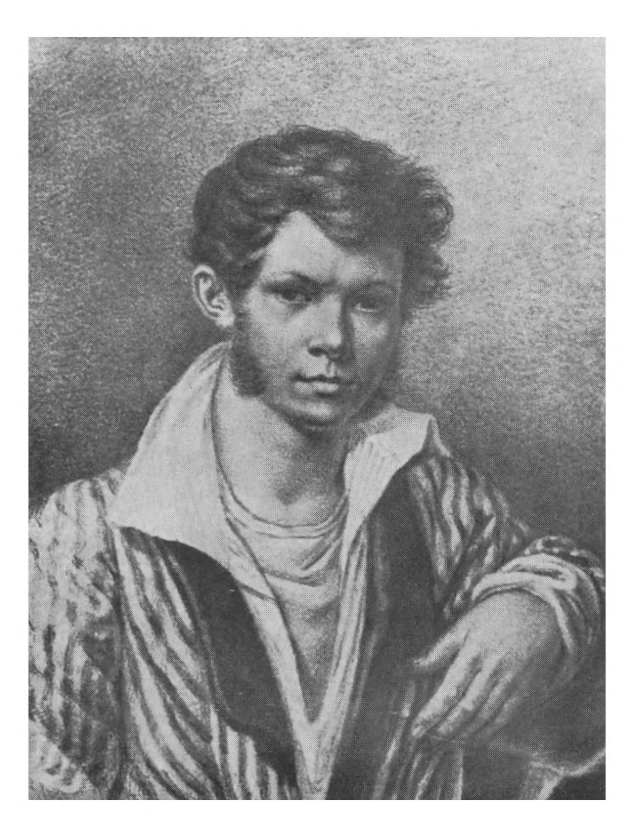
Е.А. Баратынский.
Живописный портрет А. Лагрене. 1826

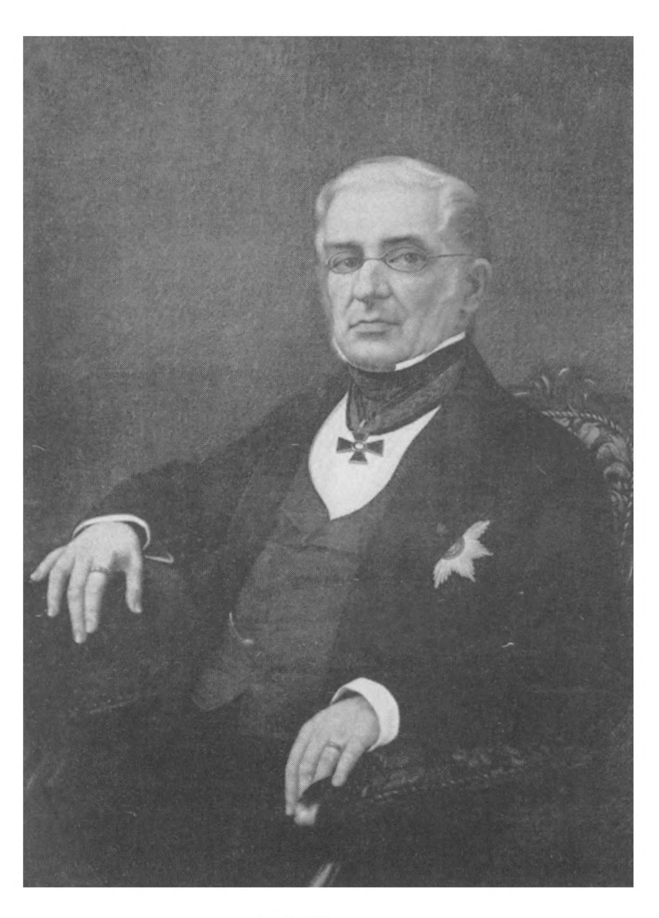
Д.В. Веневитинов.
Литография А.Э. Мюнстера

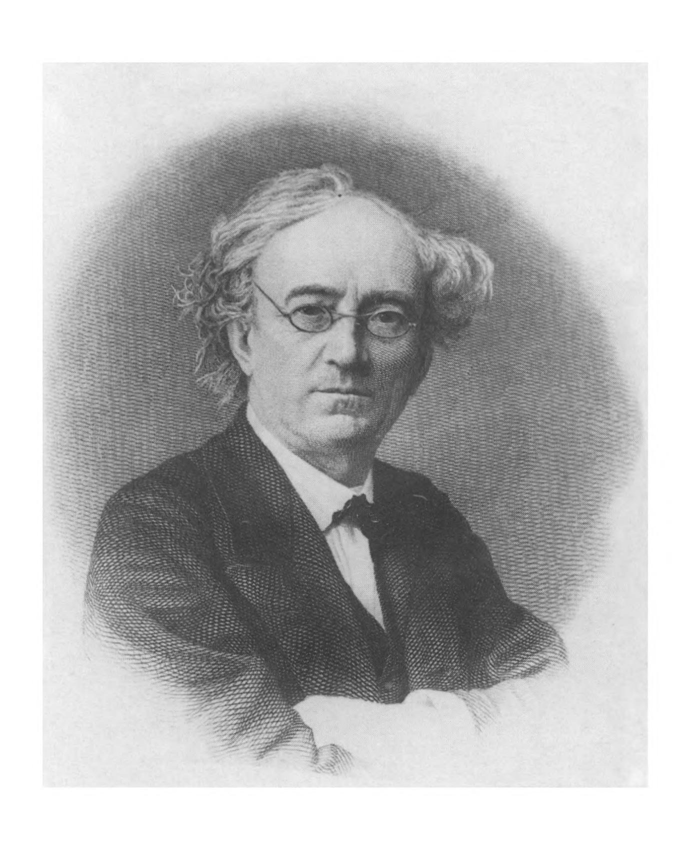
С.Е. Раич.
Фототипия К.А.Фишера
с портрета И.Д. Кавелина. 1855.
Музей ИРЛИ (ПД) РАН.
Местонахождение оригинала неизвестно

П.А. Вяземский.
Портрет работы И. Зонтаг.
Итал. карандаш, сепия. 1821

М.А. Дмитриев.
Фотография 1850–1860-х годов.
РГАЛИ

Ф.И. Тютчев.
Гравюра на стали Ф.А. Брокгауза
с фотографии С. Левицкого

А.С. Пушкин.
Гравюра И. Уткина
с портрета О. Кипренского. 1827

А.Ф. Мерзляков.
Гравюра К. Афанасьева. 1820

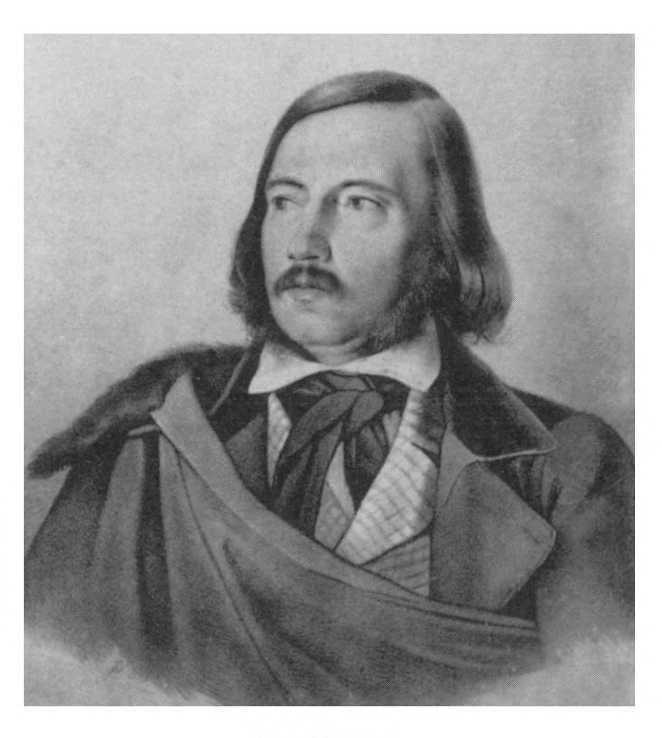
Д.В. Давыдов.
Гравюра Дюбурга. 1814

Д.П. Ознобишин.
Фотография с портрета 1860-х годов.
Музей ИРЛИ (ПД) РАН.
Местонахождение оригинала неизвестно

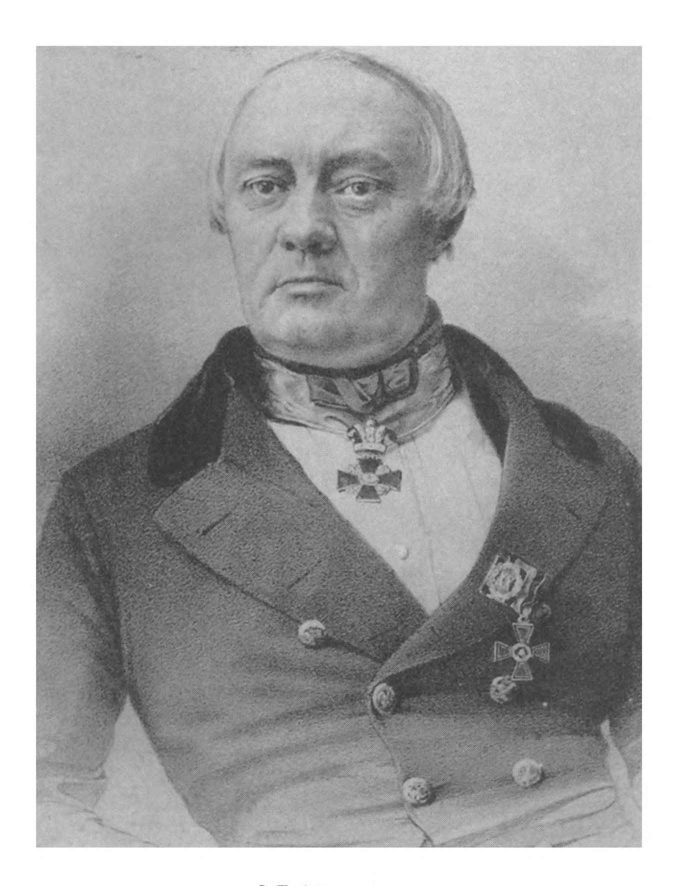
В.Ф. Одоевский.
Гравюра Ф.А. Брокгауза.
Из коллекции П.Я. Дашкова.
Альбом Пушкинской выставки

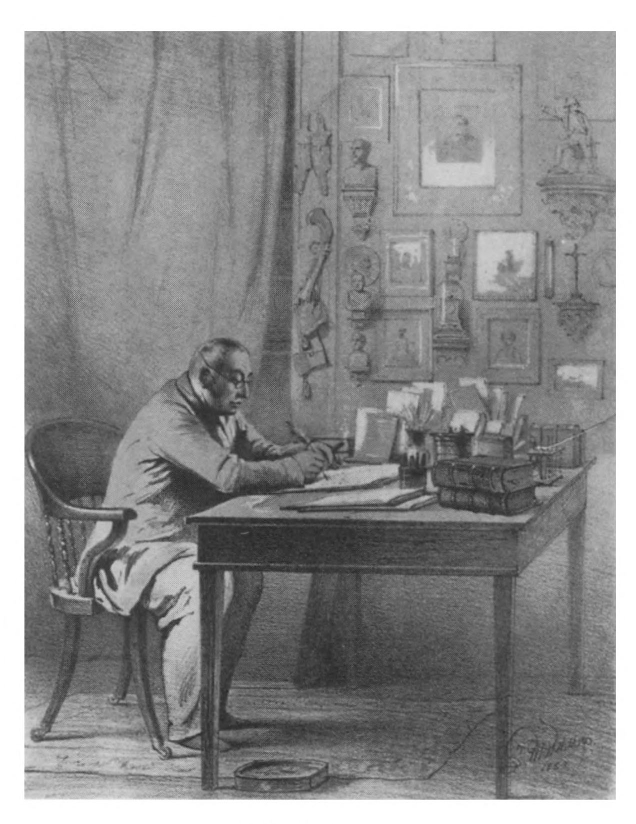
П.А. Муханов.
Литография. Из коллекции Н.П. и А.П. Барсуковых.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки

М.А. Максимович.
Фотография. Из коллекции Н.П. и А.П. Барсуковых.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки

С.П. Шевырев.
Фотография 1850-х годов.

Ф.В. Булгарин.
Портрет карандашом. 1830.
Из коллекции Н.П. и А.П. Барсуковых.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки.

часто бросив взор с утесистой вершины..." – перевод из А. Ламартина. И хотя в "Новых аонидах" были представлены "перепечатки" из других периодических изданий, выбор образцов поэзии характеризует основную эстетическую установку составителей альманаха: особость их литературной позиции – в широте диапазона романтического направления.

Но подобный альманах не мог удовлетворить ни участников Общества друзей, ни любомудров – ведь у них накопилось уже немало собственных сочинений в стихах и в прозе. Они намеревались издавать журнал: об этом шла речь на заседании 3 мая 1823 г., которое посетил Вяземский, впоследствии принимавший участие во всех погодинских изданиях. О "своем" журнале Погодин мечтал еще в студенческие годы, а в издатели его прочил себя, Кубарева, Калайдовича и Строева. Не случайно Погодин "говорил о себе, что в нем рано развился орган книгопечатания"[40]. Осенью того же года деятельность общества возобновилась. В заседании 31 октября толковали о Таците, которого Погодин начал тогда изучать. Он мечтал перевести его сочинение о Германии и о Цицероне; в день именин Погодина, 22 ноября, было заседание, и он прочел свой перевод из Аста, а 29 ноября читали еще не опубликованный "Бахчисарайский фонтан" Пушкина, который, по-видимому, произвел неблагоприятное впечатление. Таким образом, резкая полемика члена Общества друзей М.А. Дмитриева с Вяземским по поводу "Бахчисарайского фонтана" может быть опирается на эстетическую установку всего кружка"[41].

Тогда же В.К. Кюхельбекер вместе с В.Ф. Одоевским приступили к изданию "Мнемозины" (ч. 1–3. М., 1824) – альманаха, в котором, кроме самих издателей, приняли

---

[40] Цит. по: *Зиновьев А.З.* Указ. соч. Л. 8 об.

[41] *Аронсон М., Рейсер С.* Указ. соч. С. 270.

участие Раич, Шевырев, А. Писарев и В. Титов. В "Мнемозине" нашли отражение, с одной стороны, философские и эстетические взгляды декабристов – программные критические статьи Кюхельбекера "О направлении нашей поэзии, преимущественно лирической" (ч. 2-я) и "Разговор с Ф.В. Булгариным", а с другой – позиции русских шеллингианцев – "любомудров", представленных Одоевским. Н.А. Полевой, начавший посещать заседания Общества друзей, тоже собирался издавать журнал и даже получил разрешение на него. «Много толков было о журнале, которого программу представил Полевой [Н.А.], принятый в наше общество. Она не понравилась нам, и Полевой отстранился, объявив в следующем году подписку на "Телеграф"»[42].

Соединенные тесными узами дружбы, Раич, Погодин, Титов, Шевырев, Ознобишин, В. Оболенский любили проводить время вместе: часто устраивали себе праздники, где веселье и шутки не мешали увлекательной беседе о литературе, просвещении, религии, политике; весной совершали загородные прогулки. Расставаясь даже ненадолго, они скучали по товарищам. Так, Ознобишин писал Погодину из своего Троицкого: "Я мысленно переношусь в Москву, мысленно беседую с вами. Часто переселяюсь я в маленький садик, одушевленный дружбою и шампанским, – я думаю и вы не забыли тех веселых минут,

Когда под сводами ветвей
И зеленеющих акаций,
В кругу пирующих друзей,
В честь Вакха, муз и юных граций
Мы пили светлое вино...

[42] *Погодин М.П.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 7. Имеется в виду "Московский телеграф" (1825–34), издаваемый Н.А. Полевым.

Минуты быстрыя летели,
Как с Оболенским заодно
С земли на небо вы глядели
И всех пленяли остротой..."[43]

Ежегодно 22 ноября друзья собирались на именины к Погодину, и эта традиция сохранялась в течение многих лет.

Кроме занятий в доме Трубецких, Погодин с 1822 г. начал давать уроки дочери А.Ф. Малиновского, начальника Московского архива Коллегии иностранных дел, что позволило ему ближе сойтись с "архивными юношами": братьями Веневитиновыми, И. Киреевским, А.И. Кошелевым, Н.А. Мельгуновым, С.А. Соболевским и др. Здесь же он впервые встретился и познакомился с поэтом С.Д. Нечаевым и поэтом и писателем Авр. С. Норовым.

Поражает размах литературно-научной деятельности молодого Погодина, его трудолюбие, целеустремленность и неиссякаемая энергия. Так, только в 1825 г. он защищает магистерскую диссертацию "О происхождении Руси" и начинает преподавать в университете всеобщую историю; переводит научные труды Баттё и Макиавелли; пишет повести "Русая коса", "Как аукнется, так и откликнется", "Нищий"; а в ноябре того же года принимает участие в учреждении при Московском университете под председательством Мерзлякова Общества переводчиков для перевода книг с иностранных языков. В него вошли студенты, кандидаты и магистры, в том числе А. Леопольдов, А. Бюргер, Рожалин, Зиновьев, Лихонин, Максимович.

Тогда же Погодин, вдохновленный примером "Полярной звезды", задумал издать альманах под названием

---

[43] Письмо Ознобишина от 9 авг. 1823 г. (см.: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 219).

"Комета", которое впоследствии было изменено на "Уранию". Это название вполне отражало идейные устремления членов раичевского кружка и "любомудров", их принципиальную эстетическую установку. Образ Урании для них это не только и не столько муза астрономии, а божественное воплощение красоты, служащей источником и двигателем духовной культуры человечества. Именно такой она предстает в стихотворении юного Тютчева "Урания" (1820):

Урания одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещенье;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явленье...

Столь же нетрадиционное понимание образа Урании встречается в стихотворении Веневитинова "К изображению Урании (В альбом)", где она олицетворяет и поэзию:

Пять звезд увенчали чело вдохновенной:
  Поэзии дивной звезда,
Звезда благодатная милой надежды,
  Звезда беззакатной любви,
Звезда лучезарная искренней дружбы,
  Что пятая будет звезда?
Да будет она, благотворные боги,
  Душевного счастья звездой[44].

Лицевая сторона обложки альманаха во многом напоминала обложку "Полярной звезды на 1825 год": сходная форма и оформление лиры с переброшенным через нее венком, аналогичное расположение на ней

---

[44] Стихотворение написано к рисунку Ф. Скарятина, изображающему богиню Уранию с пятью звездами.

даты. По своей архитектонике "Урания", так же, как и изданная годом позже Раичем и Ознобишиным "Северная лира", напоминает не "Северные цветы", изданные Дельвигом, а альманах Бестужева и Рылеева: в нем тоже проза не была отделена от стихов.

Много лет спустя сам издатель так вспоминал о рождении "Урании": "Все московские литераторы, начиная с Мерзлякова, обещали мне свое содействие и надавали статей – Дм. Веневитинов, Тютчев, Дмитриев (М.А), Строев, Снегирев, Раич, Ознобишин, Титов; Муханов (Павел Александрович) подарил драгоценное письмо Ломоносова; кн. Вяземский достал даже от Пушкина несколько мелких стихотворений"[45]. В октябре 1825 г. Вяземский обратился к Пушкину с таким письмом: "Здесь есть Погодин университетский и, по-видимому, *хороших правил*; он издает альманах в Москве на будущий год и просит у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь из *Онегина* или что-нибудь из мелочей". Пушкин откликнулся так: "Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших"[46]. Разумеется, Вяземский не мог показать этот ответ Погодину, но передал для его альманаха присланные поэтом стихотворения: "Совет" ("Поверь: когда и мух и комаров..."), "Соловей и Кукушка" ("В лесах, во мраке ночи праздной..."), "Движение" ("Движенья нет, сказал мудрец брадатый..."), "Дружба" ("Что дружба? легкий пыл похмелья..."), "Мадригал" ("Нет ни в чем вам благодати..."). В свою очередь, Вяземский дал для "Урании" "Послание к Д.В. Давыдову" ("Давыдов! где ты? что ты? сроду...") и переводы басен польского поэта И. Красицкого. Он

---

[45] *Погодин М П.* Указ. соч. С. 7.

[46] *Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 239, 245.

сыграл значительную роль в подготовке альманаха, осуществляя связь с петербургскими литераторами. И Погодин, понимая это, писал Вяземскому: «Обязан вам благодарностию за радушное литературное пособие при издании "Урании"»[47].

Деятельное участие в альманахе принял Шевырев, ставший впоследствии соучастником всех предпринимаемых Погодиным журналов, в том числе "Московского вестника" (1827–1830) и "Москвитянина" (1841–1856). Еще до завершения печатания "Урании" Погодин уехал в Петербург, и Шевырев принял на себя окончание издания.

Издатель "Урании" попытался привлечь к участию в альманахе поэта, переводчика, филолога-слависта А. Востокова, но ничего не смог от него получить. Более посчастливилось Погодину в семье Капнистов. В ответ на его просьбу о присылке произведений В.В. Капниста из Обуховки пришло письмо от сына поэта, Семена Васильевича, который писал: "С удовольствием исполняю желание ваше, препровождая при сем его стихи. Приятно мне иметь новое доказательство, что есть люди, которые дорожат именем отца моего"[48]. У И.И. Дмитриева Погодин встретился с Баратынским и "выпросил у него несколько стихотворений"[49]. Мы встречаем в альманахе стихотворения Полежаева, посещавшего иногда Погодина, и Ротчева – представителей университетской разночинной молодежи, связанных с оппозиционными студенческими кружками (с братьями Критскими, Шишковыми). По-видимому, они бывали и на заседаниях у Раича, так что влияние Общества друзей

---

[47] Письмо Погодина к Вяземскому. 1828 г. (РГБ. Ф. 231. Р. II. К. 28. № 65. Л. 1).

[48] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 8.

[49] Там же.

на московскую университетскую молодежь было гораздо более широким, чем принято думать. О чем здесь только ни говорили: об истории России, ее прошлом, настоящем и будущем, о назначении человека, о замечательных качествах русского народа, о его песнях, о таинствах искусства, о собственной судьбе и судьбе России, о произведениях отечественной и иностранной словесности – о Пушкине и Байроне, о греках, о литературах Востока, о путях развития русского театра...

В "Урании" приняли участие писатели разных поколений. Наряду с маститыми авторами здесь выступили молодые, в том числе и едва известные. Такого же принципа при составлении альманаха придерживался Н.М. Карамзин, писавший в предисловии к "Аонидам" (М., 1796): "Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания. Читатель похвалит хорошее, извинит посредственное – и мы будем довольны".

К середине 20-х годов XIX в. многие подражатели школы "гармонической точности", эпигоны Пушкина, начали вызывать раздражение у представителей всех направлений поэзии. Растущее самосознание личности рождало поэзию, способную выразить тончайшие оттенки мысли. Более сложный комплекс понятий, чувств и переживаний нового лирического героя требовал нового поэтического языка. Поисками нового стиля занимались и участники Общества друзей, и любомудры. В их среде начала складываться та школа в русской поэзии, которую условно можно назвать "тютчевской", потому что ее характерные особенности с наибольшей полнотой выразились в творчестве Ф.И. Тютчева, который был здесь таким же вершинным явлением, как и Пушкин

по отношению к школе "гармонической точности"[50]. Раичевскому направлению, с одной стороны, присущи архаистические тенденции, тяга к дидактической поэзии и ломоносовскому образу, к возвышенному стиховому строю, а с другой – ориентация на "благозвучие" итальянской поэзии и традицию художественной песни, стремление к "опоэзению" русского стихотворного языка посредством переводов, которым придавалось здесь большое значение ("все языки совершенствуются переводами"). "Переводить – и переводить хорошо, так же трудно, как трудно хорошо сочинять, а может быть первое еще более представляет неудобств, но зато какая великая польза проистекает от переводов! Сколько оборотов, новых слов, не говоря уже об идеях, вводят они в язык! Одна от них невыгода, но это невыгода переводчика – и в особенности переводчика-поэта; они недолго живут у нас, по мере того, как язык совершенствуется, переводы стареют"[51]. Не случайно все молодые люди, группировавшиеся вокруг Раича, занимались художественным переводом поэзии и прозы с греческого, латинского, персидского, арабского, итальянского, немецкого, английского и французского языков.

Не могли не коснуться этой молодежи и вольнолюбивые идеи, которые носились в воздухе и которые заметны в произведениях Веневитинова ("Новгород"), Погодина ("Нищий"), Ротчева – «Песнь грека (Подражание Байрону из "Дон-Жуана")» и самого Раича ("Прощальная песнь в кругу друзей").

В альманахе выступили поэты разных течений: преромантики, романтики с бóльшим или меньшим

[50] См.: *Кожинов В.* После Пушкина: Тютчев и его школа // Кожинов В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978. С. 95–154.

[51] Галатея. 1830. Ч. XII. № 7. С. 9.

влиянием архаистических тенденций, представители философского романтизма, поэты, продолжавшие ориентироваться на школу "гармонической точности", которая "позволяла поэту создавать новое путем разнообразного варьирования".

Главное в альманахе – стихи. И издатель "Урании" учел это. Возможно, в их выборе он опирался и на советы Раича. Альманах открывался "Гимном Зевсу" Клеанта, гимном во славу природы и бытия, в переводе А. Мерзлякова.

Требуя от поэзии гражданственности и героизма, Мерзляков осуждал романтизм Жуковского и жанр баллад. К 20-м годам за ним закрепилась устойчивая репутация старовера (Кюхельбекер); непреложность правил он ставил выше "чувства", оправдываемого лишь в том случае, если оно соответствует "правилам"; авторитет его среди литераторов был достаточно высок: многие участники альманаха – его бывшие ученики. Положения Мерзлякова о необходимости системы, выверенных критериев для оценки произведений искусства, не утратили своего значения и были развиты любомудрами. Так, "вечным правилам" Мерзлякова Веневитинов противопоставил "правила исторические" ("Всякий век имеет свой отличительный характер, выражающийся во всех умственных произведениях")[52], позволяющие судить о новых художественных ценностях. Сходного мнения о Мерзлякове придерживался и другой его ученик – Тютчев[53]. Эстетическим взглядам Мерзлякова были свойственны противоречивость и эклектизм, что и вызывало нападки на него.

Мерзляков, автор русских лирических песен, стре-

---

[52] *Веневитинов Д.В.* Разбор рассуждения г. Мерзлякова... // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 156. (Сер. "Литературные памятники").

[53] См.: *Пигарев К.В.* Указ. соч. С. 19.

мился приблизить свой стих к подлинно народному стиху. Он познакомил русского читателя с античной поэзией; его переводы из Тиртея оказали влияние на русскую политическую лирику преддекабрьской эпохи. Гимны Гомера Мерзляков передал звучными и сильными стихами; он первый испытал гекзаметры на русском языке. Он хотел понять античность в её исторической конкретности, а в античной поэзии увидеть народную поэзию. В переложениях древних характерно стремление русского поэта создать демократическую поэзию в формах античного стиха. Более всего, пожалуй, это заметно в стихотворении Сафо "Венере":

. . . .
Низлетала ты – многодарная!
Наклоня ко мне свой бессмертный взор,
Вопрошала так, с нежной ласкою:
"Что с тобою, друг? – что сгрустилася? –
Что звала меня?..

Венера "низлетает" в колеснице, "Кою быстрые, красовитые/Мчат воробушки..." Содержанием этого стихотворения служит жалоба на неразделенное чувство и выдержанное в чисто фольклорных антитезах обещание Венеры:

Кто бежал тебя – скоро вслед пойдет;
Кто даров не брал – принесет свои;
Кто любовных мук не испытывал,
Тот узнает их, хоть бы этого
Не искала ты!

Мерзлякову удалось поразительно точно уловить дух оригинала.

Большое значение мелодической, музыкальной стороне стиха придавал и другой преромантик – Капнист, тонкий ценитель народно-песенного стиха, веривший в могучую традицию народной песни и также пере-

водивший античных поэтов. Капнисту, автору известной сатирической комедии "Ябеда" и смелой "Оды на рабство", близки и гражданский пафос классической оды, и зазвучавшая у русского поэта по-новому горацианская лирика, в которой он выступил как предшественник психологической лирики Батюшкова. Поэзия Капниста с ее утверждением ценности частной жизни, вне зависимости от участия человека в иерархической системе общества, оказалась близкой участникам раичевского общества (прежде всего, самому Раичу, проявлявшему интерес и к "легкой поэзии", и к дидактическим жанрам, и к народной песне). Один из них, драматург и переводчик А.И. Писарев, так говорил о притягательной силе таланта Капниста: "Капнист не изумляет, но привлекает читателя; он действует не вдруг, но оставляет впечатление продолжительное; узнавши его, нельзя не полюбить, полюбивши, невозможно изгладить из памяти; блестящие соперники могут отвлечь от него человека, избалованного счастием, но при первом обороте судьбы, Капнист предстанет ему как друг давнишний, всегда верный, постигающий его утраты, сострадающий его печалям и готовый вместе с ним проливать утешительные слезы"[54]. Его стихотворение "Милой Паше" (1817) подкупает теплотой и непосредственностью чувства.

Значителен вклад в "Уранию" Раича, поместившего здесь три оригинальных стихотворения ("Грусть на пиру", "Прощальная песнь в кругу друзей", "Перекати-поле"), одно переводное ("Проводы Алины" – подражание Метастазио) и два отрывка – "Источник смеха" и "Чародейство Исмена в дремучем лесу" – из еще не оконченного перевода поэмы Т. Тассо "Освобожденный Иерусалим", начатого им, по-видимому, в 1821–1822 гг.

[54] *Писарев А.* Похвальное слово В.В. Капнисту // Атеней. 1828. Ч. II. № 5. С. 67.

Первый отрывок из своего перевода в сопровождении статьи "О переводе эпических поэм Южной Европы и в особенности италианских" Раич опубликовал в 1823 г.[55] Он увлеченно работал над своим переводом, что видно из его писем Ознобишину: "Между тем меня утешает и то, что мой Тасс подается вперед и может быть далеко. Я теперь весь в нем... Слово *о простоте*. Я той веры, что если мы достигнем до той благородной простоты, которая владычествует в творениях италианцев и (это вам лучше знать) немцев, – то мы, русские, будем самые роскошные гости на пиру у Муз – но для этого нам надобно много писать и еще более переводить – и именно переводить те творения, в которых владычествует простота благородная, – и переводить, как переводили италианцы – с благоразумною свободою"[56]. 20–30-е годы, пожалуй, самые счастливые и плодотворные в деятельности Раича – поэта, переводчика, журналиста и педагога. Окруженный молодыми талантливыми друзьями и учениками, глубоко ценивший поэтическое слово, он внимательно присматривался к юным дарованиям, с которыми сталкивала его судьба, и умел дать им соответствующее направление. Раич входил в Союз благоденствия, общался с будущими декабристами, печатался в издаваемых ими альманахах, глубоко сочувствуя идее распространения просвещения. Тютчев писал о своем учителе в стихотворении "На камень жизни роковой...". 1822?):

Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы –
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы, –

---

[55] Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС. М., 1823. Ч. 3. Кн. 8. С. 211–221.

[56] Письмо к Ознобишину от 20 ноября 1825 г. (см.: *Васильев М.* Указ соч. С. 175).

Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру –
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.

По мнению К.В. Пигарева, в эти годы Раич «очевидно, не только переводил "Георгики" Вергилия, но и писал стихи политического содержания»[57]. К сожалению, поэтическое наследие Раича не выявлено еще в полном объеме: его стихотворения, опубликованные в периодических изданиях, не всегда подписаны, а автографы – весьма редки.

В стихотворениях Раича 20–30-х годов преобладают анакреонтические мотивы: воспевание радостей земной жизни – поэзии, любви, круга друзей-единомышленников, пирующих "у весны на новоселье":

На земле щедротой неба
Три блаженства нам дано:
Песни – дар бесценный Феба,
Прелесть-девы и вино...

Песни – радость наших дней –
Вам сей кубок, Аониды!
В кубках, други, нам ясней
Видны будущего виды...

Трем блаженствам мы отпили,
Про четвертое забыли, –
Кубок в кубок стукнем враз,
Дружбе в дань, в заветный час.

Но его поэзия даже и в ранний период не исчерпывалась анакреонтизмом, контрастно с ним звучали в его лирике мотивы одиночества, странничества, скитальчества ("Грусть на пиру", "Перекати-поле", "Амела").

---

[57] *Пигарев К.В.* Указ. соч. С. 27.

Образы одинокого скитальца перекати-поле и ютящейся на деревьях амелы ассоциировались с судьбой самого Раича – интеллигента-разночинца, наставника, жившего "на хлебах" в барских домах и в течение многих лет не имевшего своего угла. Выросший в большой патриархальной семье и ценивший родственные узы, он не мог не тосковать о своих близких и не ощущать собственного сиротства и обездоленности. Ко второй половине 20-х годов в поэзию Раича проникают трагические ноты. В стихотворении "Грусть на пиру" образ челнока, набежавшего на мель, символизирует жертву рока:

Други! видали ль вы в древней дуброве
Громом нежданным разбитую ель?
Зрели ль, когда, набежавший на мель,
Бренный челнок сокрушался в основе?
Легкие веслы и руль пополам...
Это ваш друг, обреченный слезам.

Этот же образ встречается в стихотворении "Друзьям" (1826) и в более позднем – "Жалобы Сальватора Розы" (1831):

Везде наперекор мне рок,
Везде меня встречает горе:
Спускаю ли я свой челнок
На море – и бушует море...

В стихотворении "Грусть на пиру", построенном в форме сокровенной беседы с друзьями, Раич выходит за рамки легкой поэзии, причем элементы античности вытесняются здесь образами фольклора ("мрачная дума", "горьки ль потери, судьбы ли угрозы", "отравившая душу любовь", "древняя дуброва", "русые кудри"), и по интонации оно напоминает русскую народную песню. Для Раича, как и для большинства участников Общества друзей, характерен устойчивый интерес к устному народному творчеству, связанный с поисками народности в

литературе. Лирический герой Раича – поэт, отмеченный высоким даром, противостоящий толпе: "Поэту" (1828), "Жаворонку" (1829), "Жалобы Сальватора Розы" (1831), "Жаворонок" (1838). Связь личной судьбы Раича с декабристским движением нашла отражение в поэме "Арета" (М., 1849). Соотнесенность темы Древнего Рима с русской действительностью включает эту поэму в круг декабристской литературы. В лирических отступлениях автор вспоминает молодость:

Я помню золотые годы,
Когда с беспечностью свободы,
В разливе полном бытия,
Мечтой переносился я
В края Италии заветной,
И дни мелькали незаметно,
Тогда я счастьем был богат, –
Его Вергилий и Торкват
Мне напевали, навевали...

В течение всей жизни он сохранял теплые отношения с друзьями: Погодиным, М. Дмитриевым, Ознобишиным. Тютчеву, Ознобишину и Дмитриеву он посвятил в "Арете" прочувствованные строки. Последний, в свою очередь, написал прекрасную элегию "С.Е. Раичу" по случаю смерти его жены. В элегии узнаваемы образы раичевской лирики:

. . . .
Чем твое утешить горе!
Я и сам, средь этой мглы
Проплывая жизни море,
Разбивался о скалы!..

Вспомним молодость мы нашу!
О! предательски мила,
Нам надежда жизни чашу,
Улыбаясь, подала!

И поэзия манила!
И любовь узнали мы!
Но цветов не сохранила
Мать-природа до зимы!

Вот и мы уже под снегом
И печалей и годов!
Кое-как нарвали бегом
Только горьких мы плодов!..[58]

Последнее стихотворение Раича – "Цветок на могилу К.Н. Батюшкова" (1855) – явилось своеобразной эпитафией и самому себе. Батюшков был близок ему светлым мироощущением, обращением к античности, к петрарковским мотивам, к Тассо:

. . . .
Как Тасс еще невоплощенный
В душе носил он идеал,
Как Тасс, недугом пораженный,
С собой его он в небо взял...

Для дольнего отживший света
И в горний воспаривший мир,
Он ждет на вызов свой ответа,
Ждет песни златострунных лир.

Их звуки, вздох, две-три слезинки,
Скатившихся на гроб певца –
Вот лучшие по нем поминки
Сроднивших в жизни с ним сердца![59]

В издаваемом Раичем еженедельном журнале "Галатея" (1829–1830 и 1839–1840), носившем просветитель-

---

[58] *Дмитриев М.А.* Стихотворения. М., 1865. Ч. I. С. 197.
[59] Москвитянин. 1855. Кн. 13–14.

ский характер, публиковались материалы, содержащие сведения по мировой литературе, рецензии на только что вышедшие произведения отечественной словесности и переводы, отчеты С.Т. Аксакова о московских спектаклях – "лучшие для своего времени критические отзывы о сценическом искусстве"[60]. В "Галатее" печатались Ф. Глинка, Тютчев, Шевырев, Полежаев, Ознобишин, Трилунный (Д.Ю. Струйский), З. Волконская, А.Ф. Вельтман, В.И. Красов, Е.П. Ростопчина. Здесь же Раич поместил ряд своих статей о Пушкине, большинство из которых появилось в 1839–1840 гг., в частности "Воспоминания о Пушкине[61].

К перлам "Урании" могут быть отнесены впервые опубликованные оригинальные стихотворения Капниста – "Милой Паше", эпиграммы Пушкина, Вяземского – "Д.В. Давыдову", Баратынского – "К***, посылая тетрадь стихов" ("В борьбе с тяжелою судьбой..."), Раича – "Грусть на пиру" ("Что ты замолк и сидишь одиноко..."), Тютчева – "Проблеск" и "К Нисе", М. Дмитриева – "Элегия" ("Не огорчай меня сомненьем..."), Шевырева – "Я есмь" и "Мой идеал", Ознобишина – "Миг восторга" и "Мысль".

Стихотворение "Проблеск" можно отнести к лучшим образцам русской философской лирики. Построенное на антитезе земля–небо, оно передает ощущение трагической разъединенности человека между небесным и земным. Душа человека, подобно воздушной арфе, отзывается на небесное, стремится к нему, но ей не дано достичь духовной полноты, универсума, заключенного в небесном. Природа человека чужда небесному, и, даже достигнув небосклона, он сливается с ним лишь на миг – и это только проблеск:

---

[60] *Колюпанов Н.П.* Биография А.И. Кошелева. М., 1889. Т. 1. кн. 2. С. 62.

[61] Галатея. 1840. № 10. С. 182–185.

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим...

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

"К Нисе" – из ранней любовной лирики Тютчева – изящная миниатюра, написанная на одном дыхании, подкупает искренностью интонации и непосредственностью чувства, "Миг восторга" Ознобишина привлекает ощущением полноты бытия, темпераментностью, которая достигается применением особого синтаксиса (анафора). Стихотворением "Мысль" Ознобишин входит в круг проблем, волновавших Тютчева и любомудров, но решает их по-своему, в духе просветительских идей: мысль человека бессмертна. В стихотворении "Я есмь" Шевырева отразились философские представления о единстве мироздания, о тождестве бытия и знания. В нем "предпринята попытка заглянуть в будущее, в "века грядущие", когда, по мысли Шеллинга, наступит последняя стадия в развитии мира – человек постигнет идею мироздания сполна, и история на этом завершится"[62]:

Греми сильней, о мощный глас!
И ныне и в веках грядущих
Звучи доколе, как слиясь
Со звездами миров, в ничтожество падущих,
Ты возгремишь в последний раз.

---

[62] *Усок И.Е.* Философская поэзия любомудров // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 113.

Послание "Д.В. Давыдову" ("Давыдов! где ты? что ты? сроду...") – одно из нескольких стихотворений Вяземского, посвященных поэту-партизану, – вносило новые штрихи в уже знакомый читателю образ. В творчестве Вяземского, ревностного арзамасца, непримиримого обличителя шишковской "Беседы", "отчетливо запечатлелось общее движение к "поэзии мысли", к расширению жанровых границ и обновлению поэтического словаря"[63].

Уровень поэзии альманаха достаточно высок: в нем, пожалуй, нет неизбежного в подобных изданиях балласта, что в известной мере объясняется необычайно высокой в ту пору культурой стиха. В нем помещены произведения почти всех поэтов – участников Общества друзей и любомудров (не хватает только А. Писарева и А. Муравьева). Причем все они выступали и как переводчики, что вполне соответствовало установкам этих объединений. Выбор оригинала для переводов отличается большим разнообразием. В круг переводимых авторов вошли Гомер, Тассо, Метастазио, Гердер, Гете, Шиллер, Матиссон, Блумауэр, Парни, Шенье, Шатобриан, Ламартин, Байрон, Красицкий. Одно только перечисление этих имен дает представление о размахе переводческой деятельности в России в первой четверти XIX в. Так, начиная с 20-х годов, многие поэты, в том числе Вяземский, И. Козлов, а также участники Общества друзей и московская молодежь, близкая к университету (Тютчев, Ал. Норов, Ю. Познанский), переводят Ламартина. К середине 20-х годов французский поэт-романтик становится настолько читаемым, что вызывает даже сетование Погодина: "...многие дамы наши ничего не хотят знать, кроме известий о модах и элегий Ламартиновых"[64]. В его стихотворении "Человек.

[63] *Коровин В.И.* Поэты пушкинской поры. М., 1980. С. 102.

[64] Московский вестник. 1827. № 2. С. 148.

К Байрону" отразилось двойственное отношение к личности английского поэта: восхищение перед мощью его таланта и неприятие его скептицизма и мятежного духа. Таким образом, публикация этого стихотворения, переведенного Полежаевым, оказалась весьма актуальной. Тем более, что интерес к личности и творчеству Байрона, к романтическим событиям его биографии, заметный в поэтическом движении с начала века и на протяжении 20–30-х годов, особенно усилился после героической и безвременной смерти поэта в 1824 г. Помещенное здесь же подражание приятеля Полежаева, Ротчева, "Песнь грека" из последней неоконченной поэмы Байрона "Дон-Жуан" об утраченной греками свободе и порабощении их страны турками звучало в духе аллюзионной декабристской поэзии и ассоциировалось с современной политической обстановкой в России:

...О Греция! в сынах твоих
Погас давно огонь священный!
Где ты, краса веков былых,
Свободы Гений незабвенный?..

Вотще я родины моей
Оковы рабства проклинаю! –
Но легче мне, когда о ней
Украдкой слёзы проливаю!..

О праотцы родной земли!
Ваш дух в забвенье погрузился...
Нет! нет! усопших глас вдали,
Как гром подземный, прокатился!
Воспряньте вы сперва от сна
И разбудите наши тени!..
Мечта пропала – тишина!..
И спят рабы – в позорной лени!..

В плане аллюзии могла восприниматься и "Песнь скандинавских воинов"– вольный перевод Тютчева из Гердера с его символическим призывом "На пир мечей, / На брань".

Хотя в 20-е годы прошлого столетия ведущую роль в литературном процессе сохраняла поэзия, но исподволь развивалась и проза. Представители старшего поколения (Карамзин, Жуковский, Нарежный) продолжали создавать свои произведения, но "лицо прозы с начала десятилетия определяют литераторы нового поколения"[65], а проза с ее ведущим жанром – повестью – становится неотъемлемой частью альманахов. Одной из заслуг романтической прозы молодых литераторов было стремление приобщить русскую публику к новым идеям в философии и эстетике. Особенно содействовали их распространению любомудры (Веневитинов, В. Титов, И. Киреевский).

В "Урании" широко представлена и проза, разнообразная по своему характеру: повесть – бытовая и светская ("Нищий" и "Как аукнется, так и откликнется" Погодина), "восточная" ("Спор" Ознобишина), философский этюд ("Утро, полдень, вечер и ночь" Веневитинова), аполог – "Заветная книга" В. Одоевского, нравоописательный очерк – "Светлая неделя. [Москвичи в праздник]" Петра Муханова, "Отрывок из жизни и мнений нового Тристрама" Я. де Санглена, отрывок из книги иностранного посла о Руси XVI века ("Отечественная старина" Строева), научная филологическая статья ("Синонимы" И. Снегирева). И, наконец, в альманахе помещены интересные исторические документы: "Письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову", "Письмо князя Г.А. Потемкина-Таврического к митрополиту Москов-

[65] *Петрунина Н.Н.* Орест Сомов и его проза // Сомов О.М. Были и небылицы. М., 1984. С. 12.

скому Платону" и "Письмо митрополита Платона к князю Г.А. Потемкину-Таврическому".

Повесть Погодина "Нищий" – один из первых опытов создания бытовой повести из "простонародной" жизни низших социальных слоев. В своей программной статье "Письмо о русских романах" Погодин писал о первоочередной задаче русских писателей – необходимости изображения русской народной жизни, быта и нравов разных сословий: "У каждого есть свой язык, свой дух, своя одежда, даже своя походка, свой почерк. Одним языком говорит у нас священник, другим купец, третьим помещик, четвертым крестьянин"[66]. В центре повести – рассказ нищего, в прошлом крестьянина, который поднял руку на своего барина, отнявшего у него невесту. Отбыв за это полный срок каторжной военной службы, он получает отставку и, выбившись из сил, живет подаянием. "В повести сопряжены таким образом две остросоциальные темы: взаимоотношения барина и мужика и судьба русского солдата"[67]. Погодин здесь поднимается до прямого протеста против крепостного права. Бесхитростный рассказ нищего подкупает своей простотой и непосредственностью и раскрывает глубокую социальную драму крепостного человека. Не случайно,что об этой его повести (как и о другой его повести – "Черная немочь") сочувственно писал Белинский: "Обе они замечательны по верному изображению русских простонародных нравов, по теплоте чувства, по мастерскому рассказу..."[68] Менее удалась Погодину светская повесть с элементами сатиры – "Как аукнется, так и откликнется", где "в одеждах психологии выступает сугубый рационализм. Он не дает нового

---

[66] Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 139.

[67] *Петрунина Н.Н.* Проза второй половины 1820-х – 1830-х гг. // История русской литературы. Л., 1981. Т. 2. С. 509.

[68] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 94.

объема, создает лишь видимость углубления... Подлинной стихией Погодина оказывается не психологический анализ, а констатация психологического факта"[69].

Уже начиная с 10-х годов на страницах журналов и альманахов появляются переводные и оригинальные повести – арабские, индийские, китайские. Большой популярностью пользовались "восточные" повести ученого-ориенталиста О.И. Сенковского. Наиболее значительная из них – "Бедуин" (перевод с арабского) – была напечатана в "Полярной звезде на 1823 год". Ознобишин, владевший персидским и арабским языками, – тоже автор нескольких "восточных" повестей, опубликованных им под псевдонимом Делибюрадер. Одна из них – "Спор", – восходящая к арабскому источнику, занимательна по сюжету и изящна по отделке. Проза в ней перемежается со стихами, что придает особую живость рассказу.

Внимание к исследованию быта русского народа, его обычаев и черт характера нашло отражение в "Светлой неделе" – очерке Петра Муханова, посвященном Москве и москвичам. В нем дана картина праздничной Москвы, с ее суетой, заботами и волнениями. Какая пестрота одежд и лиц! Тут и толпа подсудимых и тяжущихся с подношением у крыльца судей, и искатели мест – чиновники, ожидающие выхода вельможи, и отцы семейств, озабоченные предстоящими расходами, и мужики, толпящиеся у входа в тюрьму с подаянием для затворников. Большой православный праздник рождает чувство радостного освобождения от будничных забот: на гулянии под Новинским мы видим людей различных сословий: "Народ с утра толпится и составляет одну семью, в которой удовольствие, свобода – целью. – Вырвавшись из мастерских, передних, освободившись от

---

[69] *Виролайнен М.Н.* Молодой Погодин // Погодин М.П. Повести. Драма. М., 1984. С. 11.

своих занятий, все дышит одной веселостью; никто не думает о прошлых работах; все ловят минуты удовольствия; разнообразные качели, шутки веселых паясов и гаеров тешат народ". Главное для Муханова – описание народного веселья москвичей, объединяющего людей различных сословий ("Праздник уравнял все возрасты и звания"). Москва для декабриста Муханова – средоточие национального единства духа, истинная столица России, в противоположность официозному Петербургу. Эта мысль была особенно близка Погодину и его единомышленникам. Не случайно впоследствии мысль о праздновании 700-летия Москвы родилась именно в кружке Погодина.

"Отрывок из жизни и мнений нового Тристрама" Я. де Санглена, как это видно из заглавия, сочинение, связанное с традицией Стерна, автора романа "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена" – пародии на просветительский роман XVIII в. Композиция и стиль "Отрывка" де Санглена несколько напоминают это произведение английского писателя и его же "Сентиментальное путешествие", пародирующее жанр путешествий. Впрочем, это сходство ограничивается только манерой повествования – непринужденно-словоохотливой и рассудочно-наблюдательной, прерываемой свободными авторскими отступлениями, а также присутствием элементов иронии и чувствительности. Свои мысли о людях и их характерах де Санглен пытается вписать в контекст произведения Стерна. Он знакомит читателя со своим дедом-путешественником, который, как и в "Сентиментальном путешествии" Стерна, "совсем не похож на прочих путешественников, предшествовавших ему, современников его и грядущих за ним: нигде не прохлаждается, не пьет кофе, пуншу, – даже не обедает, не ужинает", а главное, не осматривает дотошно все достопримечательности и не занимается "учеными" этимологическими изысканиями.

Разрабатывая юмористическую сторону стернианства, Санглен пародирует наукообразные исследования (гл. 63 "Ученая чепуха"), создает образ чуткого и восприимчивого путешественника, жизнелюбивого, доверчивого и сентиментального – бледное отражение простодушного, застенчивого и доброго – Тоби Шенди. "Отрывок" Санглена еще раз свидетельствует о большом интересе к творчеству Стерна в России первой четверти XIX в.

Тон публикации Строева "Отечественная старина" в значительной мере задает эпиграф: русский народ велик даже в своих недостатках. Переводчик и публикатор предлагаемого фрагмента не боится оглянуться назад и увидеть "москвитян" времен Ивана Грозного глазами иностранца, принадлежащего к высшему кругу европейских дипломатов. Восхищаясь природными богатствами москвитян ("величайшие реки доставляют рыбу в изобилии, а леса не менее того дичи"), он считает, что при большей образованности и "не столь грубых обычаях" они "при небольших издержках могли бы жить в довольстве". Говоря о бедности и непритязательности земледельцев, которые "пекутся единственно о дневном пропитании и к удобрению земли мало прилагают рачения", он в то же время дает описание молотьбы, свидетельствующее о смекалке и изобретательности москвитян: "Молотьба производится так: сперва хлеб сушат в особых избах с печами (овинах), от чего происходит та выгода, что таким образом выкопченный, он может по нескольку лет лежать на одном месте, не подвергаясь гниению, как то иногда бывает у нас". Строев не может удержаться от полемики. На мнение посла о том, что москвитяне "народ гордый и тщеславный", предпочитающий своего государя всем монархам в мире и всячески его превозносящий, он отзывается таким комментарием: "Казавшееся ему странным ясно живописует народный характер русских, *душою* предан-

ных Отечеству и Монарху. Часто порицание иноплеменника бывает лучше похвалы". Публикатор так подобрал цитаты, что постоянно подразумевается полемика. Рассказывая о русской кухне и утверждая, что, кроме лука и чеснока, она не знает никаких приправ, употребительных "у народов нежнейших вкусом", он тут же продолжает: "К жаркому подают соленую сливу. При большом привозе лимонов, их употребляют с особенным удовольствием, с рыбою и другими яствами". Сетуя на неудобства и трудности, которые испытывают прибывающие в Московию торговые люди и путешественники, автор, между тем, лаконично, замечает: "Иностранных послов возят без платы", и еще: "Послам продовольствие идет от казны".

* * *

"Урания" поступила в продажу в самом начале января 1826 г. ("Московские ведомости", 1826, № 3, 9 янв., с. 52), и первый отзыв на нее прозвучал в стенах университета. Как вспоминает однокурсник Погодина, Зиновьев, «какой-то проказник, полуотворивши дверь в классную комнату, громко закричал: Спасибо, Мишенька, за "Уранию"»[70]. Известно, что альманахи пользовались большой популярностью в студенческой среде. Так, "Мнемозина", например, по свидетельству Герцена, была распространена "в университетах, лицеях и даже военных училищах"[71]. А сам он осенью 1833 г. подарил своей будущей жене Н.А. Захарьиной погодинский альманах "Урания"[72]. Не могло не порадовать Погодина и письмо,

---

[70] *Зиновьев А.З.* Указ. соч. Л. 9 об.

[71] *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. Ч. 1–3. С. 137.

[72] *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. М., 1980. С. 111.

полученное от издателя "Северных цветов". А. Дельвиг писал в нем: «"*Урания*" меня обрадовала одна в этом году, прочие соперники наши лучше бы сделали, если бы не родились. Вы мне давно знакомы и не по одним ученым, истинно критическим историческим трудам, но и как поэта знаю и люблю вас»[73].

Собираясь в Петербург, Погодин ничего не знал о происшедшем там 14 декабря восстании на Сенатской площади. Между прочим, напутствуя его в северную столицу, Петр Александрович Муханов советовал не сближаться с петербургскими литераторами и в то же время хотел передать с ним письмо к Рылееву. К счастью для Погодина, он выехал раньше назначенного времени, и письмо не было ему отдано. Но когда он узнал, что Муханов был взят в Москве, то забеспокоился о своей антикрепостнической повести "Нищий", опасаясь, как бы правительство не усмотрело в ней "согласия с образом мыслей заговорщиков" и "не притянуло к допросам". Находившийся в то время в Петербурге Тютчев старался ободрить своего товарища[74]. Причины для беспокойства у Погодина, разумеется, были: альманах вышел дней через двадцать после восстания декабристов и, проникнутый либеральным духом, оказался созвучным свободолюбивым идеям этого движения (повесть Погодина "Нищий", стихотворение Ротчева "Песнь грека", "Прощальная песнь в кругу друзей" Раича, "Песнь скандинавских воинов" Тютчева, "Два послания к Леониду" Нечаева). Не случайно среди авторов "Урании" находим декабриста Муханова и близких к оппозиционным кругам московского студенчества Полежаева и Ротчева. Впрочем, для Погодина все окончилось благополучно, и поездка в

---

[73] Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 319.
[74] Там же. С. 328.

Петербург оказалась удачной: он "успел увидеть Карамзина лицом к лицу и получить его благословение"[75], познакомился с учеными Академии наук – Кругом и Френом, а из литераторов – с Ф.В. Булгариным. Между прочим, собираясь издать вторую часть "Урании", Погодин просил у Булгарина вклада для альманаха, и тот прислал ему "пьеску" – возможно, рассказ "Янычар, или Жертва междуусобия", помещенный в альманахе "Северная лира на 1827 год".

Булгарин – автор в целом доброжелательно-снисходительной рецензии на "Уранию"[76]. Он положительно отзывается о повестях Погодина: "Познание света и русских нравов, и вообще сердца человеческого, составляют неотъемлемые достоинства сих повестей, а рассказ мил чрезвычайно, игрив или трогателен". Повесть "Нищий", по мнению рецензента, "написана народным русским слогом... Это первый удачный опыт в сем роде. Трудно соединить простоту и благородство: поговорки простонаречия и литературную возвышенность языка и слога, но г. Погодин преодолел сии трудности с необыкновенным искусством". Из произведений в прозе похвалы удостоились: "Отрывок из жизни нового Тристрама" де Санглена, "Утро, полдень, вечер и ночь" Веневитинова, "восточная" повесть "Спор" Ознобишина, статья Снегирева "Синонимы". О "Светлой неделе", соч. ZZ (П. Муханов. – *Т.Г.*), сказано, что в ней "все благополучно, нового ничего нет!" О стихотворной части альманаха, представляющей немало прекрасных произведений, рецензент говорит скупо, ограничиваясь перечислением "по азбучному порядку" имен поэтов-вкладчиков (причем Дм. Глебова ошибочно называет Дм. Глаголевым). А в заключение, сравнивая "Уранию"

---

[75] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 328.

[76] Северная пчела. 1826. № 7. 16 янв.

с "Календарем Муз на 1826 год", изданным в Петербурге А. Измайловым и П. Яковлевым, утверждает, что оба альманаха одинаково хороши. В этой рецензии, поверхностной и необъективной, виден ловкий журналист, желающий "ладить" со своими конкурентами. К тому же Погодин в течение 1826 г. деятельно сотрудничал в "Северном архиве", издаваемом Булгариным совместно с Гречем.

В январе 1826 г. Баратынский послал "Уранию" Пушкину – при письме: «Посылаю тебе "Уранию", милый Пушкин; не велико сокровище, но блажен, кто и малым доволен. Нам очень нужна философия», и далее с похвалой отозвался только об одном произведении – оде С. Шевырева "Я есмь"[77]. Именно тогда Шевырев впервые попал в поле зрения Пушкина как приверженец "поэзии мысли", в чьем творчестве ярко отразились идеи и эмоции натурфилософской эстетики Шеллинга. Пушкин с интересом следил за творчеством поэта-любомудра (в письме к Погодину с похвалой отозвался о его стихотворении "Мысль"[78]), а также за его опытами в области метрической реформы стиха, хотя они вызывали у него принципиальные возражения. В московском обществе появление Шевырева произвело впечатление. Он беспрестанно получал приглашения, а Погодин тоже "разъезжал" под его "эгидою"[79].

Успех "Урании" ободрил Погодина и его друзей. Вместе с Веневитиновым он составил план издания литературного сборника, посвященного переводам из классических писателей, древних и новых, под заглавием "Гермес". Одновременно Погодин продолжал собирать

---

[77] *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 254.

[78] Там же. Т. 14. С. 21.

[79] Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича князю П.А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива). СПб., 1901. С. 7.

материалы для "Урании"; по-видимому, он хотел, чтобы его альманах стал ежегодным, подобно "Северным цветам" Дельвига. 23 ноября 1825 г. он вновь обратился с письмом к Вяземскому, которого просил "исходатайствовать" у Жуковского чего-нибудь для его "Урании". Отправляя письмо Погодина к Жуковскому, Вяземский сделал на нем такую приписку: "Этот Погодин университетский, но со всем тем умный и порядочный человек. Он издает Московский альманах. Пособи ему чем можешь... Сочини кое-что и пришли, если хочешь... Только дай скорее решительный ответ. Этот Погодин мне сильно рекомендован"[80].

На просьбу Погодина о присылке стихотворений для своего альманаха откликнулся в июле 1827 г. из Петрозаводска опальный Ф.Н. Глинка: "С особенным удовольствием поспешаю исполнить желание ваше, – писал он, – препровождая несколько стихотворений для будущего альманаха Урания на 1828 год. Уранию за 1826 год получил и с большим удовольствием читаю"[81]. Это было началом их литературного сотрудничества и дружеских отношений, продолжавшихся всю жизнь.

В самом начале лета 1825 г. Раич уехал на Украину с семьей Рахманова в качестве воспитателя его сына и племянника, и собрания Общества друзей прекратились. В августе 1826 г. он возвратился в Москву. К тому времени следственная комиссия по делу декабристов установила принадлежность Раича к Союзу благоденствия, но его оставили "без внимания", как и других членов этой организации, не проявивших заметной политической активности после ее распада в 1821 г. По-видимому, он часто встречался с участниками Общества

[80] Там же. С. 4.

[81] См.: *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма / Сост., вступ. ст. и комм. С. Серкова и Ю. Удеревского. М., 1985. С. 330.

друзей, так как вместе с Ознобишиным собирал материалы для альманаха "Северная лира".

Хотя после 14 декабря 1825 г. Общество любомудрия было распущено, формальное прекращение его деятельности не привело к ослаблению литературной и мировоззренческой общности, а их дружеские связи стали более тесными: "Те литературные и философские задачи, которые они перед собой ставили, после декабрьского разгрома, не просто не потеряли своего смысла, но обрели новый и живой интерес. ⟨...⟩ любомудры начали свое подлинное историческое бытие не тогда, когда возникло их общество, но с той самой поры, когда оно организационно перестало существовать"[82].

И любомудров, и членов раичевского общества не могла не волновать судьба "заговорщиков". Они познакомились с декабристами незадолго перед восстанием, и их отношение к ним носило романтический характер. Среди осужденных оказались родственники, друзья, близкие знакомые: Нарышкин, Рылеев, Кюхельбекер, А. Бестужев, А. Одоевский, Петр Муханов, В. Норов, Петр Титов. Весть о казни пятерых потрясла всех, она "как громом поразила Погодина", он не мог заснуть, "и ему все мерещились виселица, каторга"[83]. "Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, – нет возможности: словно каждый лишался своего отца или брата"[84]. 25 июля 1826 г. Николай I приехал в Москву для церемонии коронования; въезд его в древнюю столицу, коронация и балы – "все происходило под тяжким впечатлением совершившихся казней". По свидетельству того же Кошелева, "принимали участие в упомянутых торжествах только люди к тому обязанные

---

[82] *Маймин Е.А.* Д. Веневитинов и его наследие // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. С. 416.

[83] *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Изд. 2-е. СПб., 1904. Кн. 2. С. 32.

[84] *Кошелев А.И.* Указ. соч. С. 18.

по службе. Император был чрезвычайно мрачен, вид его производил на всех отталкивающее действие"[85]. Погодин, наблюдавший въезд Николая I в Москву, также заметил, что "государь был пасмурен".

С особым недоверием относился император к московскому студенчеству. И тут ему передали донос жандармского полковника Бибикова на Московский университет со списком поэмы Полежаева "Сашка". В ночь на 28 июля недавно сдавший выпускные экзамены Полежаев был увезен в Кремль, а утром читал царю свою поэму, герой которой, московский студент, дерзнул неуважительно говорить не только о религии и церкви, но и о политическом устройстве российского общества. По предложению Николая I, увидевшего в "Сашке" "следы, последние остатки" декабризма, поэт мог "очиститься" только военной службой. Превратившаяся для поэта в 12-летнюю кабалу, она трагически оборвала его жизнь. Подозрительное отношение правительственных кругов распространялось и на Университетский благородный пансион, который рассматривался ими как потенциальный рассадник свободомыслия.

Ярким событием в жизни Москвы стал приезд Пушкина, вызванного царем из михайловской ссылки. 11 сентября 1826 г. у Веневитиновых состоялось личное знакомство Погодина с Пушкиным. В эти же дни решилась судьба "Гермеса". Пушкин решительно высказался против издания альманаха, считая, что нужен не альманах, а журнал, что "пора задушить альманахи"[86]. 12 октября в доме Веневитиновых поэт читал "Бориса Годунова", о чем много лет спустя вспоминал Погодин: "Первые явления мы выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем далее, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с

[85] Там же.

[86] *Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 314.

Григорием просто всех ошеломила... Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил сдерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления... Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше внимание"[87]. Это чтение и его восторженный прием слушателями послужили началом сближения Пушкина с любомудрами. Пушкин не только ценил их эрудицию, одаренность, серьезное отношение к поэзии, увлеченность науками и искусствами и энтузиазм, но и видел в этих юношах людей, близких к декабристам (В.Ф. Одоевский, например, был соиздателем Кюхельбекера по "Мнемозине"), что, по-видимому, и явилось главной предпосылкой его союза с любомудрами. К тому же, «сам факт, что Пушкин вынес свое самое "заветное" произведение на суд именно "архивных юношей", свидетельствует о том, что он хотел проверить собственные литературные ориентации на мнениях той группы литераторов, которая, по его наблюдению, "стала символом какого-то важного поворота в обстановке осложнившейся общественно-литературной борьбы"»[88]. Любомудры интересовали Пушкина прежде всего как теоретическая сила. В частности, его внимание привлек разбор Веневитиновым статьи Н. Полевого о первой главе "Евгения Онегина"[89]: по словам А.В. Веневитинова, Пушкин отозвался о нем как о "единственной статье", которую он "прочел с любовью и

---

[87] *Погодин М.П.* Указ. соч. С. 9–10.

[88] *Кошелев В.А.* Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 27.

[89] Разбор статьи о "Евгении Онегине", помещенной в № 5 "Московского телеграфа" на 1825 год // Сын Отечества, 1825. № 8.

вниманием. Все остальное – или брань или переслащенная дичь"[90]. Разбор Веневитинова, отличавшийся от других критических отзывов (литераторов-декабристов, Н. Полевого и Плетнева) постановкой вопроса об анализе романа в связи с вопросами философии, заинтересовал Пушкина как первое проявление в литературе нового духа той московской философской школы, о сущности которой он был уже предупрежден Баратынским[91].

Пушкин поддержал намерение "любомудров" издавать журнал: он тоже давно мечтал "завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно"[92]. Познакомившись с планом издания, поэт дал журналу прямое благословение и вошел в редколлегию: ему было оговорено право решающего влияния на его направление. Так возник "Московский вестник" (1827–1830) – журнал с просветительским и философским направлением, главным содержанием которого явилась разработка философских основ литературной критики и эстетики. Редактором его был назначен Погодин. 24 октября 1826 г. по случаю рождения журнала в доме Хомякова был устроен обед, на котором присутствовали Пушкин, Баратынский, Д.В. и А.В. Веневитиновы, А.С. и Ф.С. Хомяковы, И.В. и П.В. Киреевские, Шевырев, Титов, Мальцов, Рожалин, Раич, Рихтер, В. Оболенский, Соболевский. Первый номер журнала был открыт сценой из "Бориса Годунова": "Ночь. Келья в Чудовом монастыре", в которой тема цареубийства звучала как аллюзия, как полемическое выступление поэта против тех посмертных славословий Александру I,

---

[90] *Пятковский А.П.* Из истории нашего литературного и общественного развития. Историко-литературные характеристики: Князь В. Одоевский и Д. Веневитинов. СПб., 1901. С. 126.

[91] *Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 254.

[92] Там же. С. 304.

которыми тогда была заполнена печать. Но направление журнала определялось все же не Пушкиным, а любомудрами. Истинным вдохновителем "Московского вестника" был Веневитинов, выступавший в нем как поэт, прозаик и критик. В ноябре 1826 г. он уехал из Москвы в Петербург, к месту новой службы. При въезде в столицу Веневитинов и его спутник, француз Воше, незадолго перед тем сопровождавший в Сибирь княгиню Е.И. Трубецкую, были арестованы. Несколько дней поэт провел на гауптвахте и был подвергнут допросу. А в марте следующего года друзья Веневитинова были потрясены известием о его внезапной смерти. Тело поэта было перевезено в Москву и предано земле в Симоновом монастыре. Вскоре в "Московском вестнике" появилось стихотворение "Прерванная дума поэта" – ответ на стихотворение Веневитинова "Поэт":

....
Волшебный сон зачем вы перервали!
О как тот час был светел и могуч;
Но вы души певца не разгадали...
Когда бы миг один вы переждали,
Сей взгляд блеснул бы молнией из туч,
Сии уста, сомкнутые для стона,
Издали б звук, как статуя Мемнона,
Когда её встревожит солнца луч.[93]

Вместо подписи стояло: "Казань, 1827". Автор стихотворения – Д.П. Ознобишин[94], переживший многих своих друзей. Но из всех его эпитафий, им посвященных, эта, первая, пожалуй, самая проникновенная. А Погодин записал 19 марта 1827 г. в свой дневник:

"...Кого мы лишились? Нам нет полного счастья теперь! Только что соединился было круг, и какое

[93] Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 17. С. 9.
[94] Автограф см.: ПД. Ф. 213 (Ознобишина). № 24. Л. 77.

кольцо вырвано. Ужасно! ужасно!"[95]. Со смертью Веневитинова окончился определенный период в жизни его друзей-единомышленников.

После смерти Веневитинова и переезда в Петербург Кошелева и Титова Погодину стало труднее вести журнал. Пушкин поддерживал его ободряющими письмами и советами. И тут до поэта дошли слухи о том, что Погодин снова собирается издавать "Уранию". 31 августа 1827 г. он писал Погодину: «...Вы хотите издать "Уранию"!!! et tu, Brute!!. Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве. Вы, честный литератор между лавочниками литературы, вы!...... Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью. У вас *много накопилось статей, которые не входят в журнал*; но каких же?.. *Есть и другие причины*. Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога, не покидайте Вестника; на будущий год обещаю Вам *безусловно* деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашниками обеих столиц. Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными; стихотворная часть у нас славная; проза может быть еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для "Урании"? давайте ее в "Вестник"... Вестник Московский, по моему беспристрастному совестному мнению, – лучший из русских журналов... P.S. Еще слово: издание "Урании", ей-богу, может, хотя и несправедливо, повредить вам в общем мнении порядочных людей... Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом. Лучше

[95] *Погодин М.П.* Из дневника // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 15.

уж прекратить издание, но сие было бы стыдно"[96]. По-видимому, у Пушкина, кроме всего прочего, возникли опасения, что издание альманаха отвлечет Погодина от редактирования "Московского вестника" и тем самым нанесет ущерб журналу. С другой стороны, поэт, постоянно поддерживавший своими вкладами "Северные цветы", возможно, видел в "Урании" опасного конкурента для альманаха Дельвига. Таким образом, издание "Урании" в 1828 г. не осуществилось.

С конца 1820-х годов московская печать начинает приобретать особое значение в культурной жизни России, и Пушкин не мог этого не заметить: "Литераторы петербургские, – писал он через несколько лет, – по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы. Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Московская критика с честию отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews"...[97]

* * *

"Урания" – альманах кружковый, в котором большую роль играли дружеские связи. Его материалы обладают определенной идейно-художественной целостностью и направленностью и дают представление о состоянии русской литературы в 20–30-е годы XIX в. В этом альманахе отразились размышления, поиски и принципиальные установки его участников. Так, одним из принципов

---

[96] *Пушкин.* Пол. собр. соч. Т. 13. С. 340–342.
[97] Там же. Т. 11. С. 247–248.

в подборе материалов было сочетание художественности и научности. Подобного же принципа придерживались, например, и издатели "Мнемозины". Кроме того, наряду с публикацией оригинальных произведений, здесь, как и в другом альманахе москвичей – "Северной лире" (М., 1827), большое внимание уделялось переводам не только и не столько как средству знакомства с иноязычными литературами, но и как одному из важных источников обогащения языка собственной словесности. Интерес к прошлому России – ее истории, обычаям и нравам, также нашедший отражение в "Урании", вполне отвечал эстетическим установкам романтизма. Материалы альманаха проникнуты вольнолюбивым либеральным духом: его участники – романтики, у которых все было связано с "трагическими веяниями недавней катастрофы" – декабрьскими событиями 1825 года.

В "Урании" сложился тот авторский коллектив, который почти в таком же составе выступил в "Северной лире", а затем в "Московском вестнике" и "Галатее": эти издания, как и "Северные цветы" Дельвига, противостояли торговому направлению и литературной невзыскательности. Дружеские связи участников раичевского общества и любомудров не прерывались в течение всей их жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание воспроизводит текст московского альманаха "Урания. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности. Изданная М. Погодиным". По содержанию, идеологическим и эстетическим установкам и по составу участников этот альманах оказался близким предшественником другого московского альманаха – "Северная лира на 1827 год", изданного в серии "Литературные памятники" в 1984 г.

Оригиналом текста послужил экземпляр Библиотеки Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Подведены наиболее существенные другие редакции, варианты рукописей и авторизованных печатных публикаций.

В разделе "Другие редакции и варианты" применена система, принятая в большинстве современных академических изданий.

Для стихотворных текстов основной единицей подачи вариантов является стих.

Варианты прозаических текстов привязываются к соответствующему месту текста арабской цифрой, означающей порядковый номер варианта, со звездочкой (^{1*}, ^{2*}, ^{3*} и т.д.).

Прежде всего выписывается то место основного текста, которому соответствует приводимый вариант. Это место отделяется от варианта наклонной чертой /. Текст, выписанный слева от черты, по объему своему точно соответствует варианту, помещенному от черты справа.

Если вариант дается к более или менее обширному тексту, приводятся только его первые и последние слова, между которыми ставится знак "тильда" (~).

В текстах альманаха исправлены опечатки издания 1826 г.; орфография и пунктуация текста приближены к нынешним нормам. Переводы иноязычных слов принадлежат Редакции издания.

Текст издания подготовлен и общая редакция осуществлена А.Л. Гришуниным. Автор сопроводительной статьи Т.М. Гольц. Примечания написали Т.М. Гольц и А.Л. Гришунин.

ГИМН ЗЕВСУ

Клеанта

Стихотворение А.Ф. Мерзлякова. Автограф неизвестен. Впервые – *ПиП*. Ч. 2. С. 3–8. Одновременно напечатано в "Урании".

[1] *Зевс*, или Зевес (греч., римск.) – верховное божество Олимпа, царь и отец богов и людей, управляющий всеми небесными явлениями, прежде всего громом и молнией.

[2] *Клеант* (Клеанф, ок. 330 – ок. 232 г. до н.э.) – древнегреческий философ-стоик, ученик Зенона. Автор торжественных гимнов Зевсу, сохраненных византийским компилятором VI в. Иоанном Стоблейским. С 1795 г. в Германии появился ряд переводов этого гимна на немецкий язык (изд. 1819, 1825 г. и др.), откуда, видимо, и заимствовал текст для своего перевода А.Ф. Мерзляков.

[3] *...под разными всечтимый именами...* – Главный бог древнегреческой религии Зевс (у римлян – Юпитер) был известен под разными именами.

[4] *Эреб*, или Эрев (греч. миф.) – олицетворение вечного мрака в подземном царстве, сын Хаоса, брат или муж Ночи.

К ФАНТАЗИИ

Стихотворение М.А. Дмитриева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вошло в книгу "Стихотворений" М. Дмитриева (Ч. 1–2. М., 1830. Ч. 1. С. 52–53), где датируется 1823 г.

В этой элегии, как и в трех других ("Предчувствия любви", "Равнодушие", "Весна"), поэт вспоминает свою жену, скончавшуюся в 1821 г., через несколько месяцев после свадьбы.

Образы "пира жизни", "кубка (чаши) жизни" – устойчивые и у Раича, и у поэтов-любомудров, и у Лермонтова.

ГРУСТЬ НА ПИРУ

Стихотворение С.Е. Раича. Писарская копия 1830-х годов в рукописном "Сборнике стихотворений и песен" (*РГБ*. Ф. 354. № 214. Л. 21). В "Урании" – первая публикация.

[1] *Геба* (греч. миф.) – богиня юности, дочь Зевса и Геры; на Олимпе подносила богам нектар и амброзию.

МОЙ ИДЕАЛ

Стихотворение С.П. Шевырева. Автографы – в *РНБ* и в *РГАЛИ*. В "Урании" – первая публикация. Перепечатано в "Эвтерпе" (М., 1831. С. 56) без заглавия, с разночтением в последнем стихе (см. Другие редакции и варианты).

К ЛАИСЕ

Из Парни

Стихотворение Д.П. Ознобишина. Датируется 1821–1822 гг. Автографы – в *ПД*. Первый – под названием "Совет (К Лаисе)" с эпиграфом из Горация (Ф. 213. № 22. Л. 37–37 об.) и второй – под названием "Полночь" (Ф. 213. № 5. Л. 54 об.), с разночтениями (см. Другие редакции и варианты). В "Урании" – первая публикация. Вольный перевод стихотворения Парни "Billet" из его "Эротических стихотворений".

[1] *Парни* (Parny) Эварист Дезире Деформ (1753–1814) – французский поэт, прославившийся своей эротически-элегической лирикой.

НАДПИСИ К ПОРТРЕТУ

Стихотворение Ф. Соловьева. Первое стихотворение вошло в кн.: Русская эпиграмма. М., 1990. С. 100.

[1] ...*свободен от постоя.* – Надпись на частных жилых домах, означавшая освобождение данного домовладения от заселения

воинскими подразделениями. В контексте стихотворения указывает на бессодержательность и тупость портретируемого персонажа.

[2] *Возков* – вероятно, вымышленный, типовой адресат эпиграммы.

НИЩИЙ

Повесть М.П. Погодина. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Написана в Знаменском летом 1825 г. Со значительной стилистической правкой (см. Другие редакции и варианты) вошла в "Повести Михаила Погодина". М., 1832. Ч. 1. С. 53–77.

После событий 14 декабря 1825 г. Погодин опасался, что этой повестью, изображающей одно из злоупотреблений крепостного права, он навлек на себя подозрения властей.

[1] *Плошки* – глиняные чашки, заливаемые салом. Использовались для наружного освещения, для праздничной иллюминации.

[2] *...в Марьиной роще...* – Роща в северной части Москвы, за камер-коллежским Сущевским валом. Образовалась в результате вырубки леса возле деревни Марьино в середине XVIII в.; стала местом народных гуляний. В 1880-х годах роща вырублена и застроена малоэтажными домами. См.: *Загоскин М.Н.* Сочинения: В 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 386–394.

[3] *...церкви Воскресения в Барашах...* – На углу Покровки и Барашевского переулка (д. 26/1). Построена в 1734 г. Сохранилась в испорченном постройками виде. Барашевская слобода за Покровскими воротами возникла в XVI в., заселена "барашами" – царскими шатерничими, которые в походах расставляли шатры.

[4] *...пора уже посадить меня на тягло...* – Т.е. женить и отделить от родителей. Тягло – мера земли и полная подать за нее, приходящиеся на семью (на две души).

[5] *...пред первым Спасом...* – Так называемым медовым в отличие от последующих – яблочного (Спас-Преображенье) и орешного. Приходится на 1 августа по старому стилю.

[6] *Съездили уже мы в поезд к невесте...* – Торжественная обрядовая езда свадебных чинов и гостей, сопровождавших жениха и невесту.

[7] *...поезжие...* – Участники свадебного поезда.

[8] *...огневка.* – Горячка.

[9] *...вспрыскивала меня Богоявленскою водою.* – Т.е. водой, освященной в церкви в день Богоявления (Крещения), 6 января по старому стилю.

[10] *На другой год полк наш выступил в поход...* – Имеется в виду итальянский поход Суворова в апреле–октябре 1799 г.

[11] *...генерал наш Суворов...* – О встрече Погодина с суворовским солдатом рассказывается в его "Дневнике" (1821, 21 января). Суворов был для Погодина идеалом воина. "Вот полководец, – восклицает он, – не имевший себе подобных. Ни на одном сражении не был побежден; притом какая самонадеянность, признак гения. Я иду разбить Макдональда, пишет он, и разбивает. Не делал никогда планов: их развевает ветер. Если бы, кажется, о России не было известно ничего, кроме того, что она произвела Петра, Суворова и Ломоносова, и тогда она имела бы право на бессмертие. Ни древняя, ни новая история не представляет им равных" (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 139).

[12] *...был я под туркою, под шведом, а наконец в Грузии.* – Вероятно, имеются в виду русско-турецкая война 1806–1812 гг., русско-шведская война 1808–1809 гг. и события, связанные с присоединением Грузии к России.

[13] *...в поминанье.* – В списке с именами умерших для поминания в молитвах.

Д.В. ДАВЫДОВУ

(1816 года)

Стихотворение П.А. Вяземского. Автограф – в *РГАЛИ* (Ф. 195. Оп.1. № 863. Л. 1–1 об.). Черновой набросок – там же, № 855. Копия – в тетради А.И. Тургенева, состоящей из копий стихотворений Вяземскому 1810–1823 гг. (*ПД*. Ф. 309. № 1032).

Распространившийся в романтической литературе жанр дружеских посланий особенно удавался Вяземскому.

Сам Вяземский отнес послание к 1816 г., т.е. ко времени "Арзамаса", когда жанр таких посланий был особенно в ходу.

Ранняя рукописная редакция стихотворения (см. Другие редакции и варианты) сохранила отчетливые следы литературной полемики с литераторами шишковской "Беседы", которая там прямо названа; с другой стороны, послание пародирует стилистическую манеру сентименталистов, типа Шаликова – "певцов конфект и опахал", прибегая к излюбленным ими усложненным перифразам: "Май два раза природу / Зеленым бархатом постлал..." (т.е. прошло два года); упоминается в негативном плане скучнейшее "перо Хераскова", а с другой стороны – милые сердцу поэта жизнелюбивые, яркие Богданович, Анакреон, Гораций, Парни.

Для публикации в "Урании" Вяземский переработал стихотворение, как можно думать, по цензурным соображениям. Однако текст "Урании" был перепечатан Полным собранием сочинений Вяземского (СПб., 1880. Т. III. С. 128–130). Безуспешную попытку пересмотреть эту традицию (закрепленную серией "Библиотека поэта" и другими авторитетными изданиями) предприняла В.С. Нечаева в издании: *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения. М.; Л., 1935. С. 111–113. Послание "Д.В. Давыдову" напечатано здесь в первоначальной, рукописной, редакции; варианты не подведены. Отдав должное достижениям В.С. Нечаевой в работе над текстами Вяземского по материалам Остафьевского архива, К.А. Кумпан (вслед за Л.Я. Гинзбург – см. ее примечания в кн.: *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1958. С. 407) справедливо отметила, что "текстологические принципы этого издания не вполне отвечают современным требованиям: в соответствии с установками 1930-х годов редактор отдавал предпочтение ранним рукописным редакциям перед печатными (к которым высказывалось известное недоверие) и пользовался списками так называемого "Нового рукописного сборника", неавторского и текстологически сомнительного" (*Вяземский П.А.* Стихотворения. 3-е изд. Л., 1986. С. 435).

Сам Вяземский ценил это свое послание Д. Давыдову и в "Автобиографическом введении" к Полному собранию сочинений (гл. XII) выразил неудовольствие тем, что М.Н. Лонгинов

не воспроизвел его в книге Вяземского "В дороге и дома" (М., 1862). Вспомнил его и А.С. Пушкин, видимо, знавший стихотворение по рукописи еще с "арзамасских" времен: 14 октября 1823 г. в письме к Вяземскому из Одессы он спрашивал (имея в виду "Кавказского пленника"): "Не лучше ли, как думаешь? *верил я надежде И уповательным мечтам*. Это что? *Упоительным* мечтам. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову?" (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Л., 1937–1949. Т. 13. С. 69). Возможно, это напоминание Пушкина и послужило причиной решения Вяземского дать Погодину в альманах именно это, тогда еще не напечатанное, стихотворение.

[1] *Давыдов* Денис Васильевич (1784–1839) – поэт и военный писатель; участник литературного общества "Арзамас". Прославился в 1812 г. как один из организаторов партизанской войны против войск Наполеона; герой Отечественной войны 1812 г. Создал новый тип послания, эстетизирующий походный быт гусарского офицерства. С Давыдовым у Вяземского сохранялись давние дружеские связи (см. книгу "Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю П.А. Вяземскому" (Пг., 1917), содержащую письма с августа 1811 по май 1837 г.).

Кроме послания 1816 г., Вяземский посвятил Давыдову еще пять стихотворений: "К партизану-поэту (В 1814 году)", "К партизану-поэту" ("Давыдов, баловень счастливый...", 1814), "Катай-валяй" (1820?), "К старому гусару" (1832), "Эперне" ("Икалось ли тебе, Давыдов...", 1839–1854). Имитируя в этих посланиях стиль Давыдова, Вяземский создает обаятельный образ рубаки-поэта, вольного гусара и патриота.

[2] *Давыдов! где ты, что ты?..* – В 1816 г. Д.В. Давыдов находился на Украине, в Елисаветграде.

[3] *Грации* (римск. миф.) – богини красоты и радости; у древних греков – Хариты.

[4] *Но в клире нравственных певцов // Перо Хераскова приемлешь...* – Херасков Михаил Матвеевич (1739–1807), пи-

сатель-классицист, поэт, драматург, автор романов и повестей, в том числе нравственно-политического романа "Нума Помпилий" и поэмы-эпопеи "Россияда", необыкновенно длинной и вызывавшей насмешки Вяземского: "Я представляю себе Хераскова за стихами в виде старой бабы за чулком: руки ее сами собой идут, а она дремлет, но чулок между тем вяжется ⟨...⟩ Будто это поэзия!" (*Вяземский П.А.* Записные книжки. 1818–1848. М., 1963. С. 36, 55). Поэзия Хераскова отличалась подчеркнутой нравоучительностью. Вяземский определил ее как "торжество посредственности" (Там же. С. 55).

[5] *Роскошной Душеньки певец...* – Богданович Ипполит Федорович (1743–1803), поэт и переводчик, автор широко известной в то время поэмы "Душенька" (1783), в которой он русифицировал античный миф о любви Амура и Психеи. Отношение Вяземского к Богдановичу было неоднозначным. Отмечая легкость стихосложения как главное достоинство поэта, он указывает и на главный порок "Душеньки" – однообразие (*Вяземкий П.А.* Записные книжки. 1818–1848. С. 34).

[6] *Теоса мудрый греховодник...* – Греческий лирик Анакреон (ок. 570–478 до н.э.), воспевавший земные радости, любовь и вино; преобладающий мотив его творчества – культ чувственного наслаждения. Родился в городе Теосе в Ионии (Малая Азия) и провел там последние годы жизни.

[7] *Гораций* Квинт Флакк (65–8 до н.э.), римский поэт.

[8] *Парни* – см. примеч. 1 к стихотворению Д.П. Ознобишина "К Лаисе. Из Парни".

[9] *Не испугавшись Молиера, // Играешь ролю лицемера...* – Намек на классический образ лицемера Тартюфа в одноименной комедии Мольера.

[10] *Лихого Бурцова знакомец...* – Бурцов Алексей Петрович, однополчанин Давыдова, герой многих его стихотворений. По характеристике С.П. Жихарева, "величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков" (*Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 74, 706). В "Русском архиве" 1890 г., экземпляре Соболевского, – примечание рукой П.Н. Бартенева (племянника Бурцова): "Умер в 1813 году, вследствие пари, заключенного в

пьяном виде. Наскакал со всего бегу на околицу и разбил себе череп. Примеч. П. Барт." (Библ. М.Н. Лонгинова в Пушкинском доме. Шифр. Ло. 34. I. 1). По другим сведениям, Бурцов в Отечественную войну 1812 г. выказал чудеса храбрости, "был ранен и скончался в корчме на соломе" (*Марин С.Н.* Полн. собр. соч. М., 1948. С. 487–489).

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Стихотворение С.Е. Раича. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

Вакхический мотив наслаждения жизнью ("carpe diem" – "лови день") восходит к античным лирикам.

[1] *Феб* (греч. миф.) – бог солнца и поэзии, покровитель муз; то же, что Аполлон.

[2] *Будем петь, пока поется...* – Ср. у М.Ю. Лермонтова в первой и второй редакциях "Посвящения" к поэме "Демон" (1829 и 1830 г.): "Я буду петь, пока поется".

[3] *Цитра* – струнный щипковый музыкальный инструмент.

[4] *Аониды*, или Музы (греч. миф.) – богини поэзии, искусств и наук, дочери Мнемозины и Зевса. Их было девять, любимое местопребывание – гора Геликон в Беотии и Парнас.

[5] *Дар Ленея...* – Вино; Ленеи – древнегреческие праздники по случаю прессования винограда и получения нового вина (от греч. ληνός – виноградные тиски).

[6] *У весны на новоселье...* – Устойчивый образ у Раича: "Что же петь певцу весны // У весны на новоселье?" (стих. "Зависть", 1838); "...мы беззаботно праздновали у весны на новоселье" (*Раич С.Е.* Автобиография // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 19).

К НИСЕ

Стихотворение Ф.И. Тютчева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вторично – в альманахе "Роза граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола". М., 1831. С. 56–57. Вошло в издание стихотворений Тютчева 1854 г. (с. 125) и 1868 г. (с. 83).

Датируется не позднее 26 ноября 1825 г. (Цензурное разрешение альманаха "Урания".)

ГИМН ВЕНЕРЕ

Гомера

Стихотворение А.Ф. Мерзлякова. Автограф неизвестен. Перевод гомеровского гимна. Впервые – *ПиП*. Ч. 2. С. 50–51. Одновременно было напечатано в "Урании".

Кроме эпических поэм "Илиада" и "Одиссея", традиция античных комментаторов приписывает Гомеру ряд гимнов.

По свидетельству С.Т. Аксакова (лето 1849), "Гоголь читал с большим одушевлением переводы древних Мерзлякова, из которых особенно ему нравились гимны Гомера" (*Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4-х т. М., 1956. Т. 3. С. 372).

[1] *Венера* – богиня любви и красоты у древних римлян; в греческой мифологии – Афродита.

[2] *Зефиры* – легкие западные ветры и олицетворяющие их мифологические существа у греков и римлян.

ГИМН МАРСУ

Гомера

Стихотворение А.Ф. Мерзлякова. Автограф неизвестен. Перевод гомеровского гимна. Впервые – *ПиП*. Ч. 2. С. 54–55.

[1] *Арей* (греч. миф.) – бог войны, сын Зевса и Геры; в римск. мифологии – Марс.

[2] *Олимп* (греч. миф.) – священная гора, обиталище богов; собрание, сонм богов.

ПИСЬМО М.В. ЛОМОНОСОВА К И.И. ШУВАЛОВУ

К Шувалову обращен ряд стихотворных посланий и писем Ломоносова. Как поэт и теоретик стиха, Ломоносов вел борьбу с поэтом, ученым и переводчиком В.К. Тредиаковским (1703–1768) и с поэтом и драматургом А.П. Сумароковым, который отличался неуживчивым и болезненно самолюбивым нравом

(см.: *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 92–146).

[1] *Шувалов* Иван Иванович (1717–1797) – елизаветинский вельможа и государственный деятель. Разносторонне образованный человек, сыграл значительную роль в истории русской культуры XVIII в. Вместе с Ломоносовым, которому он покровительствовал, основал Московский университет (1755) и был первым его куратором.

[2] *Сумароков* Александр Петрович (1727/1718–1777) – писатель, поэт и драматург, родоначальник русской трагедии и комедии, один из основных теоретиков русского классицизма. Несмотря на личные стычки и несогласия по ряду литературных вопросов "типично дворянского идеолога Сумарокова с "плебеем" Ломоносовым, первых деятелей новой литературы объединяют пафос служения обществу, просветительская программа, общая политическая платформа..." (*Благой Д.* От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 32). Сумароков писал о Ломоносове: "Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен" ("Эпистола. О стихотворстве". 1747).

[3] *Тауберт* Иоганн Каспар (1717-1771), адъюнкт исторического класса, библиотекарь и советник канцелярии Академии наук. Вместе с Г.-Ф. Миллером ведал академическими изданиями, в том числе журналом "Ежемесячные сочинения", где постоянно печатался Сумароков. Однако с 1759 г. Тауберт и Миллер стали ему в этом отказывать, что и вызвало столкновения.

[4] *Миллер* Герард-Фридрих (Федор Иванович, 1705–1783), историк и археограф, академик; приехал в Петербург из Германии в 1725 г. В диссертации "Происхождение народа и имени российского" (1749) в духе норманистов излагал историю России, что вызвало резкую критику Ломоносова и других русских академиков, обвинивших его в антипатриотизме. Ломоносов был не совсем справедлив к Миллеру, который, несмотря на свою в общем ошибочную историческую концепцию, сделал много полезного, собирая материалы по русской истории, в частности по истории Сибири (см. его кн.: История Сибири. М.; Л., 1937–1938. Т. 1–2). Миллер издавал "Санкт-Петербургские ведомости" и сборники статей по русской истории.

[5] *Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет.* – Эти слова Ломоносова, напечатанные в "Урании", наверняка запомнились Пушкину, у которого в дневнике 1834 г. есть близкая их реминисценция: "Г⟨осударю⟩ неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. – Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутом не буду и у царя Небесного" (*Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 329). В "Путешествии из Москвы в Петербург", в главе "Ломоносов", Пушкин привел из "Урании" эти слова Ломоносова (Там же. Т. 11. С. 254). См. также выписки из письма Ломоносова к И.И. Шувалову – презрительные оценки Сумарокова и др. – там же, с. 226, 249.

[6] *...жена и дочь моя...* – Жена – Елизавета Андреевна Ломоносова, урожденная Цильх (1720–1766). Вышла замуж за Ломоносова в Марбурге 6 июня 1740 г.; дочь – Елена Михайловна Ломоносова (1749–1772), в замужестве Константинова.

[7] *...с комедиянтами...* – Намек на Сумарокова, который общался с актерами. С 1756 г., при создании постоянного Российского театра, он был назначен его директором.

ПИСЬМО КНЯЗЯ Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО К МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ ПЛАТОНУ

[1] *Потемкин* Григорий Александрович (1739–1791) – государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал и князь Таврический (с 1784 г.); фаворит и ближайший помощник Екатерины II, с которой он с 1774 г. состоял в тайном браке (см.: Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 / Изд. подготовил В.С. Лопатин. М., 1997. Сер. "Литературные памятники"). Потемкин был главнокомандующим русской армией в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. В последние годы жизни, к которым относятся письма, Потемкин жил в Яссах, изредка наезжая в Петербург.

[2] *Платон* (в миру Петр Егорович Левшин, 1737-1812) – митрополит Московский (с 1775 г.). Выдающийся проповедник, педагог, богослов и историк церкви.

[3] *Снегирев* Иван Михайлович (1793–1868) – фольклорист, этнограф, археолог, профессор Московского университета, знаток древностей. Автор книги "Жизнь Московского митрополита Платона" (М., 1857).

[4] *Аще Бог по нас, кто на ны.* – Вариант пословицы: "Аще Бог с нами, никто же на ны"; "Коли Бог по нас, никто на нас" ("...против нас") (*Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 36).

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА К КНЯЗЮ Г.А. ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ

О Потемкине и Платоне см. примеч. к предыдущему письму.

[1] *...весть о взятии Очакова...* – Турецкая крепость Очаков была взята штурмом после длительной осады 6 декабря 1788 г.

Я ЕСМЬ

Стихотворение С.П. Шевырева. Автограф – в *РГАЛИ* (записная книжка. Ф. 563. Оп. 1. № 4. Л. 1–2 об.) и в *РНБ*. В "Урании" – первая публикация.

Посылая Пушкину "Уранию" в январе 1826 г., Баратынский. особо отметив это стихотворение как свидетельство даровитости юного автора, писал о нем: "Однако ж позволь тебе указать на пьесу под заглавием: Я есмь. Сочинитель мальчик лет осмнадцати и, кажется, подает надежду. Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком темная для стихов. Надо тебе сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии" (*Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 254). Любомудры были поклонниками Шеллинга, автора "Системы трансцендентального идеализма" (Тюбинген, 1800).

В том же 1826 году в Москве состоялось личное знакомство Шевырева с Пушкиным, сотрудничавшим в журнале "Мос-

ковский вестник". «Шевыреву выразил он свое удовольствие за его "Я есмь" и прочел наизусть некоторые его стихи; мне сказал любезности за повести, напечатанные в "Урании"», – вспоминал М.П. Погодин (Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Редакция, вступит. статья и примеч. Н.Л. Бродского. М., 1930. С. 166).

Я есмь (по-гречески εγω ειμι, по-еврейски "ани-ху") – выражение, встречающееся в Ветхом Завете (Исайя 43, 10; 48, 12 и др.) и означающее: "Сущий". Слово произносилось первосвященником на богослужении праздника Кущей, когда святые слова заглушал трубный звук и крики народа. Христос употребил его в иерусалимской проповеди в знак своего божественного происхождения и соответствующей миссии: "Я есмь путь и истина и жизнь..." (Ин. 14, 6).

ЕЛЕГИЯ

Стихотворение М.А. Дмитриева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вошло в книгу М.А. Дмитриева "Стихотворения" (М., 1830. Ч. 1. С. 56) под заглавием "Недоверчивость", где датируется 1825 г., с разночтениями (см. Другие редакции и варианты).

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

Вольные переводы Д.П. Ознобишина. Датированный автограф стихотворения "Венок" – *ПД*. Ф. 213. № 22 (сб. "Мечты". 1822. Ч. 2. Л. 38). В "Урании" – первая публикация. Стихотворение "Весна" вошло в кн.: "Опыт русской антологии..." 1828. С. 174.

[1] *Киприда* (греч. миф.) – то же, что Венера, Афродита; см. примеч. 1 к стихотворению А.Ф. Мерзлякова "Гимн Венере".

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

Вольный перевод Ф.И. Тютчева стихотворения немецкого историка, философа, филолога и писателя И.Г. Гердера (1744–1803) "Morgengesang im Kriege" ("Утренняя песнь на войне").

Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вошло в "Современник". 1854. Т. XLV. С. 10; в собр. соч. Тютчева: изд. 1854 г. (с. 126) и 1868 г. (с. 81). Датируется не позднее 26 ноября 1825 г. (цензурное разрешение альманаха "Урания").

Строка 37 в издании: *Тютчев Ф.И.* Лирика. М., 1965. Т. II. С. 341. (сер. "Литературные памятники") – исправлена по списку *РГАЛИ* (505/52. Л. 27–27 об.): "Кровавыя битвы..." вместо "Кровавая битва", где эпитет относится не к слову "битва", а к последующему существительному "волна". Эта поправка принята и в настоящем издании.

[1] *Петел* (устар.) – петух.

[2] *Перун* – бог грома и молнии, повелитель стихий у древних славян.

К АГАТОНУ

(Из Матиссона)

Перевод С.П. Шевырева стихотворения Матиссона "An Agathon". Автограф – в *РГАЛИ* (Ф. 563. Оп. 1. № 4. Л. 1–1 об.). В "Урании" первая публикация.

[1] *Агатон* (V в. до н.э.) – греческий трагик, друг Платона и Еврипида.

[2] *Матиссон* (Маттисон) Фридрих (1761–1831) фон – немецкий поэт-предромантик, мастер элегии. Матиссона переводили также Батюшков, М. Дмитриев, А. Глебов.

[3] *Психея* (греч. миф.) – олицетворение человеческой души; обычно изображалась в виде бабочки или молодой девушки с крыльями бабочки. По Апулею – возлюбленная Эрота (Амура).

[4] *Пестум* – греческая колония на юге Италии, основанная в VII в. до н.э. Город славился своими розами, которые цвели дважды в год – в мае и ноябре.

[5] *Орфей* (греч. миф.) – фракийский певец, изобретатель музыки и стихосложения, очаровывавший своим искусством диких зверей, деревья и скалы.

[6] *Филомела* – соловей.

К***

Посылая тетрадь стихов

Стихотворение Е.А. Баратынского. Автограф – в *ПД*.

В "Урании" – первая публикация, по тексту автографа. Включено в альманах "Зимцерла на 1829 г." В издание стихотворений Е. Баратынского 1827 г. не вошло; в издании 1835 г. – без заглавия и в иной редакции. В собрании сочинений Баратынского, осуществленном сыном поэта, Н.Е. Баратынским (Казань, 1884), помещено под заглавием "Г.З.", т.е. – "Графине Закревской". Аграфена Федоровна Закревская, урожд. Толстая (1799–1879), жена финляндского генерал-губернатора, предмет увлечений Баратынского, Вяземского, А.С. Пушкина, который посвятил ей стихотворение "Портрет" (1828), где она названа "беззаконной кометой в кругу расчисленном светил".

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕР И НОЧЬ

Статья Д.В. Веневитинва. Автограф неизвестен. В "Урании" первая публикация. М.А. Чернышев датирует сочинение серединой июля – началом августа 1825 г., когда были написаны "Анаксагор" и два письма к А.И. Кошелеву, основные положения которых о трех периодах развития трансформируются в этом этюде, но не позднее 26 ноября 1825 г., когда материалы "Урании" прошли цензуру. В стиле сочинения М.А. Чернышев усматривает влияние Жана Поля Рихтера (см.: *Веневитинов Д.В* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 501).

[1] *...два Серафима, память и желание с пламенными мечами...* – Возможно, к этим строкам восходит вариант окончания стихотворения Пушкина "Воспоминание" (19 мая 1828 г.):

И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые –
Но оба с крыльями, и с пламенным мечом –
И стерегут – и мстят мне оба –
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастия и гроба.

(*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 3, кн. 2. С. 651–655; см. также статью И.И. Подольской "Биография или метафора?" // Лит. учеба. 1970. № 6 и примечания М.А. Чернышева в изд.: *Веневитинов Д.В*. Стихотворения. Проза. С. 501).

[2] *Предметы, пробудившие ее к существованию, не останавливают ее более...* – При первой публикации ошибочно попало перед словом *не останавливают* слово *быстро*, нами опущенное; исправлено также и в издании стихотворений Веневитинова (1829–1831).

ПОТЕРЯННЫЕ ПОЦЕЛУИ

(Из Шенье)

Перевод Д.П. Ознобишина стихотворения А. Шенье "J'étais un faible enfant qu'etle était grande et belle..."

Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Напечатано также в альманахе "Эвтерпа... Собрание новейших романсов и песен". М., 1828.

Кроме этого стихотворения, Ознобишин перевел из Шенье стихотворения: "Неера", "Письмо" (см.: *Шенье А*. Сочинения. 1819 / Изд. подготовила Е.П. Гречаная. М., 1995. С. 285–289. Сер. "Литературные памятники"). О стихотворении "Письмо" Гречаная пишет, что в нем Ознобишин, "точно следуя сюжетной канве оригинала", "с легкостью вышивает по ней узор, полный деталей иной, русской, жизни" (С. 459). Там же (С. 552) сообщается (со слов А.Н. Гиривенко), что в собрании книг Ознобишина, хранящемся в составе библиотеки Н.М. Карамзина (Дворец книги, г. Ульяновск), имеется сборник А. Шенье 1822 г. (Ceuvres de André de Chénier. P., 1822) с пометами владельца (№ 0-8316).

[1] *Шенье* Андре-Мари (1762–1794) – французский поэт, драматург и публицист; один из предшественников романтизма. Погиб на эшафоте во время Великой французской революции. Первый сборник его стихотворений вышел из печати в 1819 г. и имел широкий резонанс, в частности, в русской литературе, воспринявшей стихи Шенье и самый его образ как символ "великого гражданина", бесстрашно

бросившегося на борьбу с насилием, заведомо зная о своей обреченности. Стихотворения А. Шенье переводили многие русские поэты – от Пушкина и Лермонтова до Цветаевой и Мандельштама.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Стихотворение С.Е. Раича. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

ГИМН ПАНУ

Гомера

Перевод А.Ф. Мерзлякова гомеровского гимна Ets *πανα*. Автограф неизвестен. Впервые – *ПиП* Ч. 2. С. 54–56. В том же 1826 г. стихотворение было напечатано в "Урании".

[1] *Пан* (греч. миф.) – аркадский бог лесов и рощ, сын Гермеса.

[2] *Меркурий* (римск. миф.) – бог торговли, то же, что Гермес у древних греков.

[3] *Пинд* – горный хребет в Греции, связывавшийся с именем Аполлона.

[4] *Нимфы* (греч. миф.) – многочисленные божества, олицетворяющие силы и явления природы.

[5] *Аркадия* – область Пелопоннеса в Греции. Отсталая в ремесленном отношении, славилась скотоводством. Жители занимались пастушеством.

[6] *...там роща // Ему процветает Циренская...* – Циренские (Киленские) горы в Аркадии, по имени нимфы Киллены, дочери Зевса и Каллисты, по некоторым источникам – сестры Пана.

[7] *Дриопа* (Дриола) – в греческой мифологии возлюбленная Гермеса (Меркурия), от которого родила бога Пана.

[8] *Бахус* – латинская форма имени Вакх, одного из имен Диониса (греч. миф.); бог вина.

ИСТОЧНИК СМЕХА
Отрывок из Тассова Иерусалима

Перевод фрагмента из XIII песни поэмы итальянского поэта Т. Тассо (1544–1595) "Освобожденный Иерусалим". Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

По свидетельству самого Раича, к этому переводу он приступил после переложения Вергилиевых "Георгик", т.е. в 1821–1822 гг. (см.: *Раич С Е.* Автобиография // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 28). Отрывок из VII песни "Освобожденного Иерусалима" ("Эрминия") в переводе Раича читался 7 августа 1822 г. в заседании Вольного общества любителей российской словесности (см. приложение к кн.: *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 379). Этот же фрагмент был напечатан в "Соревнователе просвещения..." (1822. Ч. XIX, кн. II. № VIII. С. 195–206: "Меж тем ретивый конь принес..."; подпись: "Р...". Отрывок из "Освобожденного Иерусалима" в сопровождении статьи Раича "О переводе эпических поэм Южной Европы и в особенности италианских" был помещен в "Сочинениях в прозе и стихах" (Труды ОЛРС. М., 1823. Ч. 3, кн. 8. С. 204–211, 211–221). В этой статье Раич пытался обосновать правильность избранного им русского эквивалента октавы – двенадцатистишной строфы с последовательным чередованием четырехстопных и трехстопных ямбических строк.

Работа над переводом растянулась на несколько лет. 19 сентября 1825 г. Раич, находившийся на Украине, писал Д.П. Ознобишину: "...бросил начатое для Тасса. – С первых чисел сентября я начал опять перевод – и иду понемногу – день пройдет и октаву принесет" (цит. по: *Васильев М.* Из переписки литераторов 20–30-х годов XIX века // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань. [б.г.] Т. 34. Вып. 3–4. С. 175). Отрывки из поэмы печатались также в "Полярной звезде на 1825 год", "Северной лире на 1827 год", "Литературном музеуме на 1827 год", "Альбоме северных муз" (СПб., 1828) и в "Атенее" (М., 1828, окт. № 20. С. 312–322). В 1828 г. вышел перевод в 4-х томах малого (16°) формата. В конце последнего, четвертого, тома напечатано стихотворение Раича с точной датой (25 августа 1828 г.), в котором он прощается со своим трудом:

Ерусалим! Ерусалим!
Тобою очарован. –
Семь лет к твоим стенам святым
Я мыслью был прикован;
Те годы для меня текли,
Лились как воды Рая...
Их нет!.. Но память на земли
Осталась их живая...

В поэме Тассо рассказывается об осаде Иерусалима войсками крестоносцев под предводительством Готфрида Бульонского.

[1] *Готфред* (Готфрид) IV Бульонский (Годфруа Буйонский, ок. 1060–1100) – герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого крестового похода (1096–1099), первый правитель Иерусалимского королевства; принял титул "защитника Гроба Господня".

[2] *Ринальд* (Ринальдо) – изображенный в поэме рыцарь из стана крестоносцев, легендарный предок современных Тассо феррарских герцогов д'Эсте; пленник волшебницы Армиды.

[3] *Армида* – героиня поэмы Тассо "Освобожденный Иерусалим", красавица-сарацинка, полюбившая рыцаря-крестоносца Ринальда, которого она увезла на далекий остров, откуда тот бежал, но после долгих странствий признался Армиде в любви и объявил себя ее рыцарем.

[4] *Гурии,* хурии (араб. *хур.* – черноокая) – дева рая. Гурия в мусульманской мифологии: вечно юная красавица, услаждающая попавших туда праведников.

[5] *Любви и нег Царица...* – Богиня Венера.

ОЖИДАНИЕ

Стихотворение Е.А. Баратынского. Перевод элегии Парни "Réflexion amoureuse" (Любовные размышления). В "Урании" – первая публикация. В издании стихотворений Баратынского 1827 г. – с подзаголовком: "Подражание Парни"; в издании 1835 г. – без заглавия.

По наблюдениям Л.Г. Фризмана, в данном стихотворении Баратынский «смягчает эротическую напряженность, очень ощутимую в оригинале. В частности, стихи: "Des voluptés je sens déja l'ivresse, Et le désir précipte mes pas..." (Я уже чувствую, что опьянен наслаждением, и желание ускоряет мои шаги) заменены нейтральным описанием: "Приют укромный будет нам / Под сими вязами густыми"» (см.: *Баратынский Е.А.* Стихотворения М., 1982. С. 598).

Стихотворение, как и весь сборник 1835 г., вызвало резкую критику В.Г. Белинского в статье "О стихотворениях г. Баратынского" (Телескоп. 1835. № 9), как "ничтожное по мысли и выражению". (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 326–327).

СПОР

(Восточная повесть)

Сочинение Д.П. Ознобишина. Писарская копия с авторской правкой Ознобишина "Арабески, или Собрание восточных повестей" – *ПД*. Ф. 213. № 46 – содержит десять новелл, восходящих к арабскому источнику, в том числе и "Спор" (Л. 30–36). В "Урании" – первая публикация.

[1] *Халиф* – правитель мусульман, соединяющий в себе светскую и духовную власть.

[2] *Гарун аль Рашид* (Харун ар-Рашид), 763 (766?)–809 гг. – пятый халиф (786–809) из династии Аббасидов. Во время его правления халифат достиг наивысшего могущества. Идеализированный образ Харуна ар-Рашида воссоздан в сказочном цикле "Тысяча и одна ночь".

[3] *Бассора* (Басра) – главный город провинции тогдашней Азиатской Турции, населенный арабами, средоточие индийских и европейских товаров.

[4] *Шейх* – ученый, духовное лицо, "старейшина".

МАДРИГАЛ

Стихотворение А.С. Пушкина. Автограф – при письме к П.А. Вяземскому от конца ноября–начала декабря 1825 г. (*ПД*). В "Урании" – первая публикация. Без изменений вошло

в "Стихотворения Александра Пушкина". СПб., 1829. Ч. 2. С. 169 – в разделе стихотворений "разных годов", без заглавия.

М.А. Цявловский датировал стихотворение июнем (не ранее 11-го)–ноябрем 1825.

Адресат послания неизвестен.

БАСНИ

(С польского из Красицкого)

Семь басен Красицкого в переводе П.А. Вяземского, включая и помещенные в "Урании", напечатаны в Полном собрании сочинений князя П.А. Вяземского (СПб., 1880. Т. 3. С. 402–404). Автографы – в *РГАЛИ* (Ф. 195. Оп. 1. Т. I. № 865).

С начала 1818 г. по апрель 1827 г. Вяземский служил в Варшаве, в канцелярии Н.Н. Новосильцева (с 1815 г. – полномочный делегат при Правительствующем Сенате Царства Польского) в качестве чиновника по иностранной переписке. За это время он много размышлял о трагической судьбе польского народа и сочувствовал его стремлению к национальной независимости: в стихах и письмах к друзьям Вяземский резко осуждал жестокую политику русского самодержавия, считая, что Польше надо предоставить возможность самой выбрать себе "род жизни": он разделял с декабристами тот пункт их программы, который предусматривал восстановление государственной независимости Польши (*Нечаева В.С.* Записные книжки П.А. Вяземского // Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 362–364). Тотчас после удаления Вяземского из Варшавы популярный поэт-патриот Ю.У. Немцевич писал ему: "...Ваш открытый характер, Ваш образ мыслей, Ваш литературный вкус, наконец, просвещенность снискали Вам общую любовь и уважение..." (см.: *Нечаева В.С.* Указ. соч. С. 363).

[1] *Красицкий* Игнацы (Krasicki Jgnacy, 1735–1801) – польский поэт, писатель, публицист, переводчик. Из обедневшей аристократической семьи, принял сан священника. С 1795 г. – гнезненский архиепископ. Один из основателей Общества друзей наук в Варшаве (1800). Автор сатирических поэм и басен, осмеивающих косность, ханжество, нравы польского

монашества и пороки шляхты. Его стилистически виртуозные, необыкновенно лапидарные "Басни и притчи..." ("Bajki i przypowiésci na cztery częsci podzielone", 1779) и "Новые басни" ("Bajki nowe", изд. 1802) отличаются остроумием, выразительностью образов, живостью диалога, легкостью стиха, простотой языка. Они лишены внешнего морализаторства, овеяны лишь духом пессимизма и скептицизма. Мораль естественно вытекает из самих ситуаций. Эти изящные басни-эпиграммы пользовались особым успехом и не утратили своего значения до нашего времени.

ХРАМ

Из Ламартина

Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Ал. Норову принадлежит также подражание Ламартину – "Бессмертие" (Новости литературы. 1824. Октябрь. Кн. 9. С. 161–166; подпись: Норов младший).

[1] *Ламартин* (Lamartine) Альфонс Мари Луи де (1790–1869) – французский поэт-романтик и политический деятель. Стихотворение "Le Temple" ("Храм") вошло в его сборник "Me´ditations poetiques" ("Поэтические размышления", 1820), имевший во Франции огромный успех (в 1831 г. он был издан в девятнадцатый раз) и пользовавшийся большой популярностью в России. Элегии Ламартина, медитативные по своей природе, вполне отвечали характеру рефлективной философской поэзии, вызревавшей в среде, близкой к Московскому университету. Ламартина переводили также Тютчев, Полежаев, Ознобишин. Д. Глебов, И. Тюрин и др. См.: Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 305–434, 492–564.

[2] *О сколь Невидимый в безмолвьи сем велик!..* – Здесь – Бог.

ДВА ПОСЛАНИЯ К ЛЕОНИДУ

Стихотворения С.Д. Нечаева. В "Урании" – первая публикация. Предназначалась для альманаха "Звездочка"; набраны не были, сохранились в цензурной рукописи под заглавием

"К ЛИОДОРУ" (*ЦГВИА*). По этой рукописи с неточностями опубликованы в "Русской старине" (1883. № 7. С. 76) и в "Полярной звезде", изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 784. Письмо С.Д. Нечаева к А.А. Бестужеву – *Русская старина*. 1989. № 2. С. 320.

[1] *Фавны* (римск. миф.) – лесные божества, то же что Пан у греков.

[2] *Эпикуров и Овидиев...* – Эпикур (341–270 до н.э.) – древнегреческий философ, учивший, что счастье человека – в стремлении к удовольствию; Овидий Назон (43 до н.э.– 17 н.э.) – римский поэт, подвергшийся ссылке за произведения эротического содержания.

[3] *Принялся было за Стоиков...* – Стоики – древнегреческие и римские философы, проповедовавшие верность долгу и равнодушие к жизненным благам.

[4] *...ринулся в Дедал пременчивых желаний...* – Древнегреческий мифологический герой Дедал, строитель лабиринта на о. Крите, бежал с острова, перелетев Эгейское море на сделанных им восковых крыльях. Последовавший за ним на таких же крыльях его сын Икар слишком приблизился к Солнцу; крылья расплавились, Икар упал в море и утонул. Здесь *Дедал* означает лабиринт, трудный и опасный, рискованный путь.

[5] *Скрижали Пиэрид..* – Пиэриды (греч., римск. миф.) – музы; девять дочерей Пиэры, соперничавшие с музами в искусстве пения.

НОВЫЙ ЭПИМЕНИД

Стихотворение С.П. Шевырева. Автограф – в *РГАЛИ* (Записная книжка. Ф. 563. Оп. 1. № 4).

В "Урании" – первая публикация.

[1] *Эпименид* – критский жрец (VII в. до н.э.), согласно легенде, находился в очарованном сне в течение 57 лет.

[2] *Морфей* (греч. миф.) – бог сновидений, сын бога Гипноса.

[3] *Плутос* (греч. миф.) – бог богатства и изобилия, сын Деметры и Иасиона, родившийся на Крите; дарует людям обилие запасов и стад.

[4] *Фемида* (греч. миф.) – богиня правосудия, закона и предсказаний, жена Зевса.

[5] *Сатурн* (римск. миф.) – бог земли и посевов, отец Юпитера.

МИГ ВОСТОРГА

Стихотворение Д.П. Ознобишина. Автограф – в *ПД* (Ф. 213. № 22. Сб. "Мечты". 1822. Ч. 2. Л. 31).

В "Урании" – первая публикация.

[1] *Парки* (римск. миф.) – богини человеческой судьбы; тождественны греческим мойрам.

К-не

при стихах А.С. Пушкина *К морю*

Стихотворение М.А. Максимовича. Автограф неизвестен.

В "Урании" – первая публикация. В этом альманахе состоялся литературный дебют Максимовича, поэта и фольклориста.

СИНОНИМЫ

Острота и остроумие – страсть и пристрастие

Статья И.М. Снегирева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

Предшественником И.М. Снегирева в исследовании этой темы был Д.М. Княжевич (1788–1844). В "Полярной звезде на 1824 г." он напечатал статью "Синонимы", заслужив похвалу А.А. Бестужева. В "Невском альманахе на 1825 г." Княжевич поместил статью "Взгляд, взор, воззрение (Отрывок из собрания синонимов)". Печатал статьи преимущественно о русских синонимах в "Соревнователе"..." (1821–1822).

[1] *..остроумному Нютону...* – Ньютон Исаак (1643–1727), английский физик, астроном и математик, создавший теоретические основы механики и астрономии. Открыл закон всемирного тяготения – один из универсальных законов природы.

[2] *Шварц* Бертольд (XIV в.) – полулегендарный изобретатель пороха.

[3] *Хвостов* Александр Семенович (1753–1820) – поэт, переводчик. Председатель 3-го разряда "Беседы любителей русского слова", один из теоретиков старших архаистов, участник литературных полемик 1770-х годов. Автор программной статьи "О стихотворстве" и популярной в начале XIX в. шуточной оды "К бессмертию". Хвостов славился остроумием и был известен серией эпиграмм на своего двоюродного брата, графомана Д.И. Хвостова. В 1790-е годы русский поверенный в Константинополе; в последние годы жизни – директор Заемного банка.

[4] *Что не всегда bon mot ума бывает знак...* и далее. – Источник цитаты не обнаружен.

[5] *"Острота, – говорит сам остроумный фон Визин, – не управляемая рассудком, не может быть способна ни на что, кроме мелочей"*. – Фонвизин (Фон-Визин) Денис Иванович (1745–1792) – драматург, поэт, переводчик, публицист и журналист. По-видимому, слова Фонвизина дошли до Снегирева в устной передаче. Сходные мысли об остроумии и рассудке встречаем в автобиографических записках "Чистосердечное признание о делах моих и помышлениях", созданных в последние годы жизни писателя: "Природа дала мне ум острый, но не дала мне здравого рассудка... Острые слова мои носились по Москве... Молодые люди! не думайте, чтоб острые слова ваши составили вашу истинную славу... Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли" (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 90).

[6] *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1709–1744) – русский поэт-сатирик, переводчик и дипломат; один из основоположников русского классицизма и новой сатирической поэзии. Автор девяти сатир, которые распространялись в России в списках;

опубликованы в 1762 г. в Петербурге. Знаток античных авторов, вместе с Феофаном Прокоповичем и В.Н. Татищевым составлял так называемую ученую дружину. Сын перешедшего на службу к Петру I господаря (правителя) Молдавии, известного ученого и писателя Дмитрия Кантемира. Энтузиаст петровских реформ и культурного прогресса в России. Принял активное участие в перевороте 1730 г., в результате которого Анна Иоанновна избавилась от "верховников". С 1732 г. посол в Англии, в 1738–1744 гг. – во Франции.

7 *Если б из двух нужен был выбор неотменный*... и далее. – Эта и две следующие строки из седьмой сатиры "О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому" (1739). По-видимому, Снегирев цитирует по памяти, что привело к неточностям. Следует читать:

Если б предписан был с двух выбор неотменный:
С чистою совестью ум избрал бы я простый,
И оставил бы я с злым сердцем разум острый.

(*Кантемир А*. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 160).

Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1767) – государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал; друг Кантемира. В 1730 г. – один из активных участников борьбы против "верховников" в поддержку императрицы Анны Иоанновны. С 1740 г. – сибирский губернатор. Ему же адресовано стихотворение "Письмо I. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому".

8 *Памва Берында* – (50–70-е годы XVI в.–ум. 1632) – украинский лексикограф, поэт, переводчик. Автор словаря "Лексикон славенороссийский..." (1627), оказавшего большое влияние на развитие украинской, русской, белорусской лексикографии и стихов панегирического и духовного содержания. См.: Лексикон славенороссийский... // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2, кн. 5.

9 *...напоминающее нам грозное слово и дело*. – "Слово и дело" – система политического сыска в России XVII–XVIII вв., начиная с царствования Михаила Федоровича. Обязывала каждого доносить о злых умыслах по отношению к царю, оскорблении царского имени, государственной измене и т.п.

Привлеченные к следствию, в том числе и доносчики, заключались в тюрьму и подвергались пытке. Отменена указом 21 февраля 1762 г.

[10] "*Страстию... называется сильная и чувственная охота или неохота...*" – Неточная цитата из главы шестой "О возбуждении, утолении и изображении страстей" (§ 96) "Риторики". Следует читать: "Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов; при чем всегда бывает услаждение или скука" (*Ломоносов М.В.* Сочинения / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. А.А. Морозова. М., 1957. С. 290). Полное название этой книги: "Краткое руководство к красноречию, разделение первое, состоящее из Риторики, или Общих правил обоего красноречия, т.е. оратории и поэзии". 1-е издание: М., 1748; 2-е издание; М., 1759. "Риторика" Ломоносова стала настольной книгой русского читателя на протяжении всего XVIII и начала XIX в.

[11] *Мопертюи* (Maupertuis) Пьер Луи Моро де (1698–1759) – французский математик, физик и философ. Член Парижской Академии наук (1743). С 1745 г. – президент Берлинской Академии наук. Автор трудов по математике, астрономии, географии, биологии и философии. Впервые сформулировал принцип наименьшего действия (1740).

[12] *Кант* Иммануил (1724–1804) – немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии.

[13] *Не судит ни об ком рассудок беспристрастный, // Лишь страсти говорят.* – Источник цитаты не обнаружен.

[14] *Жуковский* Василий Андреевич (1783–1852) – поэт, переводчик, критик.

[15] *Что пред тобой ничтожный суд...* и далее. – Неточная цитата из послания Жуковского "К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину". 3-й стих следует читать: Толпы, в решениях пристрастной... (*Жуковский В.А.* Сочинения: В 3-х т. / Сост., вступ. ст. и комм. И.М. Семенко. М., 1980. Т. 1. С. 199).

[16] *Державин* Гаврила Романович (1743–1816) – поэт.

[17] *К богатствам, титлам, власти, славе...* и далее. – Цитируются 6-я и 7-я строфы стихотворения "Памятник герою" (1791). В 6-й строфе первые три стиха следует читать:

Прямой герой страстьми не движим,
Он строг к себе и благ ко ближним;
К богатствам, титлам, власти, славе...

(*Державин Г.Р.* Сочинения / Сост. В.П. Степанов и Г.П. Макогоненко. Вступ. ст. Г.П. Макогоненко. Примеч. В.П. Степанова. Л., 1987. С. 74).

[18] *И самый лучший из людей // Бывал игралищем страстей.* – Источник цитаты не установлен.

[19] *Аннибал* (Ганнибал) Барка (Hannibal Barca) (247 или 246 до н.э.–183 до н.э.) – карфагенский полководец и государственный деятель, один из величайших полководцев древности. Несмотря на поражение в войне с Римом (его победил римский полководец Сципион Африканский, 234–183 до н.э.), оставил значительный след в истории военного искусства.

[20] *Тит Ливий* (59 до н.э.–17 н.э.) – римский историк. Автор "Римской истории от основания города", написанной риторично, пространным живописным стилем. Из 142 его книг сохранилось 35.

[21] *Масинисса* (лат. Masinissa, ок. 240–149 до н.э.) – царь Нумидии в 201–149 до н.э.

ПРОБЛЕСК

Стихотворение Ф.И. Тютчева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вошло (с ошибочным чтением стиха 12) в "Современник" (Т. XLV. 1854. С. 10). В издании стихотворений Тютчева 1854 – С. 128; в издании 1868 г. – С. 157.

Написано не позднее 26 ноября 1825 г. (дата цензурного разрешения альманаха). Могло быть лично передано автором М.П. Погодину летом 1825 г., по приезде в Москву из Мюнхена.

По некоторым предположениям, стихотворение "вызвано воздушной (эоловой) арфой, бывшей у Раича..." (*Брандт Р.Ф.* Материалы для исследования "Федор Иванович Тютчев и его поэзия" // Изв. Отдел. рус. языка и словесности имп. Академии наук. 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 161). Однако, по замечанию К.В. Пигарева (*Тютчев Ф.И.* Лирика. I. М., 1965. С. 377), во время пребывания Тютчева в России в 1825 г. С.Е. Раича в Москве

не было; относить же стихотворение к более ранним годам, предшествовавшим отъезду Тютчева за границу, нет оснований.

Л.Н. Толстой в принадлежавшем ему экземпляре стихотворений Тютчева отметил "Проблеск" надписью: "Т. !!!!" (т.е., мысль и выражения тютчевские), подчеркнул строки 23, 24 и каждую строчку заключительной строфы (Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 146).

[1] *Воздушной арфы легкий звон...* – Воздушная, или Эолова, арфа, по имени бога ветров Эола (греч. миф.); струнный инструмент; состоит из узкого деревянного ящика (резонатора) с отверстием, над которым натянуто 9–13 струн различной толщины, настроенных в унисон. Воздушная струя колеблет струны, звучание которых меняется в зависимости от силы ветра. Получила распространение с конца XVIII в. Устанавливалась на крышах зданий, в гротах, беседках и т.п. Получила отражение в романтической поэзии и живописи.

МАЛОРОССИЙСКИЕ ПЕСНИ

Интерес к украинской истории и украинской народной поэзии характерен для литераторов-романтиков 20-х годов XIX в., в том числе и членов Общества друзей, рассматривавших фольклор как источник развития самобытной поэзии. В одно и то же время собиранием украинских народных песен занимались М.А. Максимович и Д.П. Ознобишин. В архиве Ознобишина (ГЛМ) сохранилось одиннадцать записей "малороссийских песен", причем почти все они относятся к 1820-м годам, так как сделаны на бумаге выпуска 1821 г. Исследователи обратили внимание на совпадение этих записей с некоторыми песнями, включенными в сборник "Малороссийские песни", изданный М. Максимовичем (М., 1827). См.: *ЛН*. Т. 79. М., 1968. С. 516.

[1] *Веют ветры // Веют буйны...* и далее. – Автограф – *в ГЛМ*. В "Урании" – первая публикация. Вошла в сборник Максимовича без разночтений (№ 26).

Сборник "Малороссийские песни" Максимовича был высоко оценен современниками. О. Сомов охарактеризовал его как "труд похвальный и хорошо исполненный" (Северные

цветы на 1828 г. СПб., 1827. С. 42). С.П. Шевырев писал в своем отзыве: "Любители и любительницы поэзии найдут в малороссийских песнях светлые мысли и теплые чувствования сердца. Поэты найдут в них источник вдохновения, а филологи пищу для своего ума наблюдательного" (Московский вестник. 1827. № 23. С. 310–317). В.К. Кюхельбекер писал 7 января 1832 г.: «Перелистывал я "Малороссийские песни, изданные Максимовичем", и нашел некоторые удивительные; между прочим, две того же содержания, какого великорусская известная "Уж как пал туман" и пр. Малороссийские мне по простоте своей еще лучше нравятся. Еще превосходнее их песня "У поле крыниченька" – не знаю ни на каком языке ничего, что бы могло сравниться с окончанием этой песни: она хватает прямо за сердце" (*Кюхельбекер В.К.* Дневник (1831–1845) // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. [М.Г. Альтшуллер,] Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 82 (Сер. "Литературные памятники").

[2] *Хилилися густы лозы...* и далее. – В "Урании" – первая публикация. Вошла в сборник "Малороссийские песни". М., 1827. Кн. 3. С. 101–102.

[3] *Туман яром, туман яром...* и далее. – В "Урании" – первая публикация. Вошла в сборник "Малороссийские песни" (М., 1827. Кн. 3).

ГИМН ЛУНЕ

Стихотворение А.Ф. Мерзлякова. Автограф неизвестен. Впервые – в *ПиП*. Ч. 1 и одновременно в "Урании".

[1] *Пандия,* Пандемониум – собрание богов, сонм.

[2] *Цинтия* (римск. миф.) – одно из имен Артемиды.

ДВИЖЕНИЕ

Стихотворение А.С. Пушкина. Автограф – при письме Пушкина к П.А. Вяземскому от конца ноября–начала декабря 1825 г. В "Урании" – первая публикация.

В "Стихотворениях Александра Пушкина" (изд. 1829 г., ч. II)

отнесено к 1825 г. План стихотворения изложен в особой заметке Пушкина (на французском языке): "Восхищались циником, который стал ходить перед тем, кто отрицал движение. Солнце совершает то же, что и Диоген, но никого не убеждает" (*Пушкин А.С.* Стихотворения. Л., 1955. Т. 3. С. 808).

Академик М.П. Алексеев обратил внимание на неслучайность выбора Пушкиным темы "Движения", а также на то, что в письме к П.А. Вяземскому Пушкин называет все пять посланных им для "Урании" пьес "эпиграммами". Все эти пьесы М.П. Алексеев назвал "злободневным эпиграмматическим циклом": каждый "имеет в виду конкретный объект насмешки или обличения" (*Алексеев М.П.* Пушкин и наука его времени // Он же. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 49).

Рассмотрев известный Пушкину материал истории вопроса в отечественной и зарубежной литературе, М.П. Алексеев приходит к выводу, что «"Движение" Пушкина – это удивительное по своей мысли философское суждение, имеющее в то же время явно полемический характер...» (Там же. С.53).

"Мудрец" античного философского анекдота, отрицавший движение, – это греческий философ V в. до н.э. Зенон Элейский. Его оппонентом долго считали "киника" Диогена (который, однако, жил намного позже Зенона). На этом основании Гл. Глебов отметил неточность Пушкина в его вышеприведенной заметке: приписанное Диогену должно относиться к Антисфену, тоже кинику (*Глебов Гл.* Философская эпиграмма Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.; Л. 1937. Вып. 3. С. 400).

М.П. Алексеев устанавливает и непосредственный повод написания пьесы: им явилась статья В.Ф. Одоевского в альманахе "Мнемозина" – "Секта идеалистико-элеатическая", где речь шла и о Зеноне, полагавшем "все сущее" неподвижным, и оправдывался известный его парадокс о "летящей стреле", в каждый данный момент находящейся в пространстве, ей равном, и, следовательно, – в покое.

В XIX в. вопрос этот породил большую философскую литературу. Пушкин мог пользоваться имевшимся у него "Историческим и критическим словарем" Пьера Бейля, где помещена большая статья "Зенон". Привлекая разнообразные материалы из древних и новых авторов, Бейль выводил, что

"Ответ, подобный данному Диогеном, более софистичен, чем доводы нашего Зенона".

Пушкин пошел дальше "безмолвного" критика Зенона и его защитников в новейшей философии, понимая, что речь должна идти о сущности, а не о видимости движения.

Процесс создания стихотворения "Движение" М.П. Алексеев представил так: получив в Михайловском 4-ю книжку "Мнемозины" со статьей В.Ф. Одоевского, с которым тогда еще он не был лично знаком, Пушкин заглянул в указанный Одоевским словарь Бейля, где был и анекдот о "безмолвном" оппоненте Зенона. «Это и послужило поводом для создания эпиграммы "Движение", направленной прежде всего против идеалистической концепции Одоевского и защищаемых им теорий новейших "умозрителей", опровергавших "опытность" как метод познания мира» (*Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 61).

Напоминание о "другом примере" было уже во французской выписке, но указание на "упрямого Галилея" присочинено самим Пушкиным; в литературе на эту тему оно отсутствует.

Основываясь на своей гипотезе о возникновении стихотворения Пушкина после чтения статьи Одоевского, М.П. Алексеев уточнил датировку "Движения": между октябрем и ноябрем 1825 г., т.е. после получения 4-го выпуска "Мнемозины" (Там же. С. 60). В "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина" М.А. Цявловский давал более широкую дату: между январем и ноябрем 1825 г.

Таким образом, заключал М.П. Алексеев, «в истории спора о "движении" как научном понятии Пушкин занял самостоятельную позицию, сумев близко подойти к важнейшим гносеологическим выводам» (Там же. С. 63). В немногих отечественных работах на эту тему (М.П. Алексеев их называет) упоминается и эпиграмма Пушкина, которую автор исследования расценивает как "один из шедевров русской философской лирики" (Там же. С. 65).

"Поэт требует контроля разума над чувственным восприятием", – заключает в упомянутой статье Гл. Глебов.

[1] *...мудрец брадатый.* – Греческий философ Зенон Элейский (ок. 490–430 г. до н.э.). Отрицал движение, которое, по его мнению, "есть только название, данное целому ряду одина-

ковых положений, из которых каждое, отдельно взятое, есть покой".

[2] *Другой смолчал...* – Из приведенной заметки Пушкина явствует, что имеется в виду Диоген, греческий философ-киник (V в. до н.э.). На самом же деле речь должна идти о кинике Антисфене.

[3] *Галилей* Галилео (1564–1649) – итальянский астроном и математик; подтвердил учение Коперника о вращении Земли вокруг Солнца, за что подвергся церковному суду. Вынужденный отречься от своих "еретических взглядов", Галилей, по преданию, все же воскликнул перед смертью: "А все-таки она вертится!"

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Повесть

Повесть М.П. Погодина. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вторично, с изменениями (см. Другие редакции и варианты), – в изд.: Повести Михаила Погодина. М.: В типографии С. Селивановского. 1832. Ч. I. С. 25–52. Для отдельного издания повесть была подвергнута значительной авторской переработке.

[1] *...во время милой болезни ни то ни се, прославленной нашим Дмитриевым...* – В сказке И.И. Дмитриева "Модная жена" (1792) говорится об ухищрениях молодой женщины:

Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то ни се...

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт, государственный деятель. Охотно общался с литераторами нового поколения – М.П. Погодиным, Е.А. Баратынским, С.Е. Раичем, С.П. Шевыревым.

[2] *Канифас* – легкая ткань с рельефным рисунком.

[3] *...говорить о Ростове...* – Имеется в виду город Ростов Великий, куда отправлялись на богомолье.

[4] *Пусть французские теоретики утверждают, что нет красоты безусловной, что все нам нравится по отно-*

шениям. – Погодин, вместе со своими друзьями увлеченно изучавший немецкую философию, полемизирует с французскими философами-просветителями Буало и Вольтером (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 90).

[5] *Мандарин* (португ. mandarin, санскр. mantrin) – европейское наименование крупных чиновников в феодальном Китае.

[6] *Тот не в чинах, другой без орденов...* и далее. – Цитата из басни И.А. Крылова "Разборчивая невеста" (1806).

[7] *Селадон* – изначально: герой романа французского писателя О. д'Юрфе (1568–1625) "Астрея", повествовавшего в изысканной манере о любовных переживаниях пастуха Селадона и пастушки Астреи. Позднее: нарицательное имя галантного кавалера; волокита.

[8] *Красавицы! видал я много раз...* и далее. – Цитата из басни И.А. Крылова "Тень и человек" (1813).

[9] *...отпраздновав первое мая в Сокольниках...* – 1 мая в Сокольниках устраивалось народное гуляние.

[10] *Вознесеньев день* – приходился на 26 мая по старому стилю.

[11] *...могла обворожить хоть Катона.* – Катон (Марк Порций Катон Старший, 234–149 до н.э.), римский писатель и государственный деятель. Имя Катона употреблялось нарицательно, обозначая презрение к жизненным радостям.

[12] *...как на электрических креслах.* – После того как итальянский физик Алессандро Вольта (1745–1827) к 1800 г. создал учение об электрическом токе и произвел первые гальванические опыты, одним из способов смертной казни стала электролокуация (казнь электричеством).

[13] *Платон Михайлович Горич* – персонаж комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума", олицетворение бесхарактерного подкаблучного мужа. Это место повести М.П. Погодина – одно из самых ранних упоминаний "Горя от ума", задолго до опубликования полного текста комедии.

[14] *Хмельницкий* Николай Иванович (1789–1845) – комедиограф и переводчик, один из соавторов Грибоедова ("Замужняя невеста").

[15] *Загоскин* Михаил Николаевич (1789–1852) – автор истори-

ческих романов, прозаик, комедиограф. В "Урании" (с. 175) – ошибка в инициале (М.С.).

[16] *Писарев* Александр Иванович (1803–1828) – драматург, критик, переводчик, автор комедий и водевилей.

[17] *Грибоедов* Александр Сергеевич (1795, по другим сведениям 1790–1829) – драматург, поэт, дипломат.

[18] *Кокошкин* Федор Федорович (1773–1838) – драматург и переводчик.

[19] *Шаховской* Александр Александрович (1777–1846) – поэт, драматург.

[20] *Свенельд* – воевода киевского князя Игоря Рюриковича, норманн (варяг) по происхождению. Участвовал в походах Святослава Игоревича, был ближайшим советником Ярослава Святославича. О нем не раз упоминается в "Повести временных лет" (см.: *Артамонов М.И.* Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966).

[21] *Нимвроды-охотники* – нимврод в ветхозаветной мифологии – богатырь и охотник, сын Хуша (Куша) и внук Хама.

[22] *...толки философов, простых и трансцендентальных...* – Трансцендентальный (от лат. transendens – перешагивающий, выходящий за пределы) – т.е. обозначающий такие аспекты бытия, которые выходят за сферу ограниченного существования, конечного эмпирического мира. Трансцендентальные философы занимались не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов. Трансцендентальную философию увлеченно изучали в кружке любомудров Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Н.М. Рожалин, В.П. Титов, Ф.С. Хомяков (брат А.С. Хомякова). Так, Веневитинов главным предметом философии считал познание человеком природы и самого себя: "...всякий человек рожден счастливым, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противоречиями мира. Взгляни на младенца – душа его в совершенном согласии с природою; но он не улыбается природе, ибо ему недостает еще одного чувства – совершенного самопознания" (*Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза / Изд. подг. Е.А. Маймин и М.А. Чернышев. М., 1980. С. 125).

В упоминании М.П. Погодиным философов "простых и трансцендентальных" есть иронический оттенок.

[23] *Аристотель* (384–322 гг. до н.э.) – греческий философ, ученый-энциклопедист, автор философских трактатов "Поэтика" и "Риторика". После эпохи классицизма сочинения Аристотеля трактовались часто лишь как сводка формалистически воспринимаемых теоретических принципов.

ПЕСНЬ ГРЕКА

(Подражание Байрону из "Дон-Жуана")

Стихотворение А.Г. Ротчева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Подражание третьей Песни поэмы Байрона "Дон-Жуан".

Поэма была опубликована в августе 1821 г. и уже в 20-е годы приобрела известность в России. Среди ранних ее переводчиков выделяется И.И. Козлов, переложивший хорошими стихами строфы 122–123 Песни первой (1829). А еще раньше, в 1825 г., в "Московском телеграфе" появился прозаический перевод нескольких строф Песни тринадцатой. "Песнь грека" Ротчева – одна из первых русских интерпретаций поэмы Байрона.

Смерть поэта, погибшего за освобождение Греции (он умер от лихорадки в боевом лагере греков 7 апреля 1824 г.), вызвала скорбные отклики во многих странах мира, в том числе и в России. "Какая поэтическая смерть – смерть Бейрона! – писал П.А. Вяземский А.И. Тургеневу. – Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской. Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину... Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый – это океан поэзии". См.: Остафьевский архив князей Вяземских. Изд. графа С.Д. Шереметева / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899–1909. СПб., 1908. Т. 2. С. 48–49. На смерть Байрона откликнулись стихами Рылеев, Кюхельбекер, Д.В. Веневитинов, И.И. Козлов и др.

[1] *Делос* (Dĕlos) – остров у берегов Греции, где на склоне горы Кинф находился знаменитый храм Аполлона и где, согласно мифу, родились близнецы Аполлон и Артемида; главный центр культа Аполлона.

[2] *Сафо*, Сапфо (конец VII–VI в. до н.э.) – греческая поэтесса с острова Лесбос. Возглавляла у себя на родине одну из музыкально-поэтических школ. Главная тема Сафо – неодолимая любовь, иногда мучительная страсть.

[3] *Маратон* (Марафон) – замкнутая горами, полукруглая Марафонская равнина в Аттике, на берегу моря, в 42 километрах от Афин. Байрон побывал там 25 января 1810 г.

[4] *Страшит доныне персов он, – // Как пыльный гроб протекшей славы!..* – Имеется в виду Марафонская битва 12 сентября 490 г. до н.э., первое крупное сражение во время греко-персидских войн, в котором греческие войска одержали победу над армией персидского царя Дария I. Эта битва вошла в историю как пример победы над значительно превосходящими силами противника не только благодаря лучшему вооружению, но и из-за неколебимой стойкости воинов, отстаивавших независимость своей родины.

[5] *Вои* (арх.) – воины.

[6] *Спарта* (Spárte), Лакедемон (Lakedáimon) – аристократическое рабовладельческое государство Древней Греции, расположенное на юге полуострова Пелопоннес, в долине реки Эврот (обл. Лаконика). С начала греко-персидских войн (500–449 гг.) Спарта формально возглавила оборонительный союз греческих городов.

КЛИМЕНЕ

Стихотворение Е.А. Баратынского. Автограф неизвестен. Впервые – Новости литературы. 1823. Ч. 6. № 40. С. 14, под заглавием: "Хлое", с вариантами. Под заглавием "К К...о" рассматривалось, было одобрено и избрано на заседании Вольного общества любителей российской словесности 7 марта 1821 г. (*Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 353). Вошло в издание 1827 г. ("Смесь". С. 80) и в издание "Стихотворения Е. Баратынского" (М., 1835) – без заглавия, с разночтениями. Варианты см. в разделе "Другие редакции и варианты" наст. изд.

ЧАРОДЕЙСТВО ИСМЕНА В ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ

Отрывок из XIII песни "Освобожденного Иерусалима"

Перевод С.Е. Раича из поэмы Тассо "Освобожденный Иерусалим". Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

Приступая к переводу поэмы Тассо, Раич пытался учесть законы итальянского стихосложения, подыскать русский эквивалент октавы. В статье "О переводе эпических поэм Южной Европы и в особенности италианских" он писал: "Октава (ottava, или ottava rima) состоит из осьми одиннадцати-сложных стихов; первый имеет рифму с третьим и пятым, второй с четвертым и шестым, седьмой с осьмым. Стихи не подчинены строгой цезуре, часто убивственной для гармонии в александрических стихах; она может иметь место после четвертого, шестого и осьмого слога. Долгие слоги перемешиваются с короткими музыкально, по законам утонченного вкуса, или, если можно так выразиться, по такту сердца. Ударений или долгих слогов в целом стихе не более четырех. Каждая, или почти каждая октава, разделясь на две равновесные части, имеет какую-то округлость, симметрию, полноту; словом – это отдельно взятое небольшое сочинение, в котором есть начало, середина и конец; – ето размер наших лирических стихотворений. Теперь спрашивается: не куплетами ли должно переводить Тасса, Ариоста, епиков португальских и испанских, заимствовавших у италианцев октаву для своих поем? На вопрос сей смею ожидать ответа положительного; иначе, кажется, и быть не может..." (Сочинения в прозе и стихах // Труды ОЛРС. М., 1823. Ч. 3. С. 208–210).

[1] *Айдес* (греч. миф) – владыка подземного царства.

[2] *Прещенье* (устар.) – запрещенье, запрет.

ЗАВЕТНАЯ КНИГА

Древнее предание

Одно из ранних художественно-литературных произведений В.Ф. Одоевского. Написано в форме притчи философского характера, как и ряд других его произведений, опубликованных в издаваемом им совместно с В.К. Кюхельбекером альманахе

"Мнемозина" (М., 1824) и вошедших в первую книжку писателя "Четыре аполога" (М., 1824).

[1] *Верстовский* Алексей Николаевич (1799–1862) – композитор и театральный деятель, самый значительный представитель романтизма в русской музыке. В 1823 г. поселился в Москве и в течение тридцати пяти лет занимал ведущее положение в ее театральной жизни. Вместе с А.И. Писаревым издал "Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год". Кн. 1–2. М., [1825]. Автор имевшей успех оперы "Аскольдова могила" и многих романсов, исполняемых и поныне. В.Ф. Одоевский сочувственно относился к творчеству Верстовского и пропагандировал его произведения.

[2] *Брамин* (брахман) – человек, принадлежащий к высшей жреческой касте в Индии.

[3] *Верея* – один из двух столбов, на которые навешиваются створки ворот.

[4] *Чивен* (Шива) – в индуистской мифологии один из высших богов, наряду с Брахмой и Вишну; олицетворяет как созидающие, так и разрушающие силы.

СОВЕТ

Стихотворение А.С. Пушкина. Автограф – при письме Пушкина к П.А. Вяземскому от конца ноября–начала декабря (до 3-го) 1825 г. В "Урании" – первая публикация. В "Стихотворениях Александра Пушкина" (1829. Ч. 2. С. 32) отнесено к 1825 г. (с вариантом в 1-м стихе).

Б.В. Томашевский полагает, что "Совет" обращен к Вяземскому, так как именно он постоянно выступал с полемическими статьями в ответ на нападки журналистов (*Пушкин А.С.* Стихотворения. Л., 1955. Т. 3. С. 803).

МИЛОЙ ПАШЕ

При посылке ей своих сочинений

Одно из поздних стихотворений В.В. Капниста. Автограф вклеен между форзацем и фронтисписом в книге "Лирические сочинения Василия Капниста" издания 1806 г. Экземпляр книги

Капнист послал в дар П.Н. Бороздиной. Внизу автографа имеется дата: "1817 года сентября 10 дня". В "Урании" – первая публикация.

Адресат этого стихотворения – Парасковья Николаевна, дочь Н.А. Львова, по мужу Бороздина, в течение многих лет жившая в доме Державина. Державин диктовал ей объяснения на свои сочинения. В августе 1813 г. она приезжала вместе с Г.Р. и Д.А. Державиными в Обуховку к Капнисту. Капнист в своих письмах к Державину постоянно обращался к ней. "Целую тебя, милая Параша, – писал он в приписке к письму Державину от 18 августа 1813 г. – Помни, люби нас: а мы любим тебя как душу". В письме к Державину от 4 октября 1813 г.: "Целую милую Пашеньку". В приписке к письму Державину от 14 ноября 1813 г.: "Как ни тороплюсь отправлять письма на почту, а всетаки успеваю поцеловать тебя, милая Паша".

РОМАНС

Из Шатобриана

Стихотворение Д.П. Глебова. Автограф неизвестен.

[1] *Шатобриан* (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768–1848), виконт де – французский писатель-романтик и политический деятель.

Сочувственный отзыв о переводах Д. Глебова дал в рецензии на его книгу "Элегии и другие стихотворения" П.А. Вяземский (Московский телеграф. 1827. Ч. 17. Отд. 1. С. 38–41, 45–52). В ней Вяземский писал: "Критик беспристрастный не подосадует на г-на Глебова, что он передает нам произведения французских стихотворцев, а, напротив, поощрит его изучать прилежнее свои подлинники, если дарование его влечет избрать их себе образцами... Скажем только: читатель в книге его не почерпнет впечатлений глубоких, ощущений сильных, но найдет во многих местах чувства, приятно и верно выраженные, ценитель искусства оценит в ней язык вообще чистый и правильный, стихосложение до-

вольно свободное, вкус по большей части непогрешительный..." (*Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 84).

ПОХВАЛА ОСЛУ

Подражание Блюмауэру

Стихотворение Н.В. Неведомского. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

[1] *Блумауэр* (Blumauer) Алоис (1755–1798) – австрийский писатель-просветитель.

ОТРЫВОК ИЗ ЖИЗНИ И МНЕНИЙ НОВОГО ТРИСТРАМА

Фрагменты из книги Я.И. де-Санглена "Жизнь и мнения нового Тристрама" (М., 1825), содержащей 58 глав. Автограф неизвестен. Первые отрывки из этого сочинения были опубликованы в альманахе "Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов..." (М., 1825. Ч. 2. Ц.р. 22 января 1825 г.). В "Урании" – первая публикация последующих десяти глав (до 77-й включительно).

[1] *Бильбао* (Bilbao, первоначально Belvao, на языке басков – прекрасный брод), – город в северной Испании, в низовьях реки Нервьон, у Бискайского залива Атлантического океана. Центр исторической области Страны басков и провинции Бискайя.

[2] *Лафатер* (Lavater) Иоганн Каспар (1741–1801) – швейцарский писатель, поэт-сентименталист религиозного направления, богослов, физиономист, автор философского сочинения "Физиогномические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви" (1775–1778). В нем он пытался установить связь между духовным обликом человека и очертанием его черепа и лица.

[3] *...система общего мира...* – Идеи "вечного" и "всеобщего" мира, выдвинутые французским просветителем, аббатом Сен-

Пьером (1658–1743) и поддержанные Ж.-Ж. Руссо, подверглись в свое время широкому обсуждению. Ими, в частности, заинтересовался Пушкин. (См.: *Алексеев М.П.* Пушкин и проблема "вечного мира" // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 160–207.)

ПОКОРНОСТЬ ПРОВИДЕНИЮ

Из Шиллера

Стихотворение М.А. Дмитриева. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация. Вошло в книгу М.А. Дмитриева "Стихотворения" (М., 1830. Ч. 1. С. 149) и датировано 1823 г.

[1] *Шиллер* Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805) – немецкий поэт, драматург, теоретик искусства. И любомудры, и участники Общества друзей Раича испытали влияние немецких преромантиков, в частности творчества Шиллера. Переводчиками его сочинений были Тютчев, Шевырев, Андросов, А. Писарев, Лихонин. Увлечены были Шиллером и Погодин (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды Погодина. Кн. 2. С. 18–20), и Веневитинов.

[2] *Аркадия* – центральная область Пеллопоннеса в Греции. Воспевалась как страна невинности, простоты нравов и мирного счастья.

ТИШИНА НА МОРЕ И СЧАСТЛИВОЕ ПЛАВАНИЕ

Из Гёте

Стихотворения Гете "Штиль на море" и "Счастливое плаванье", оба 1795 г. ("Meeres Stille", "Glückliche Fahrt"). В "Урании" – первая публикация. Вторично – в альманахе "Роза граций, или Собрание стихотворений..."

Криптоним переводчика (*П.*) считался нераскрытым (см.: *Бухштаб Б.* Русские переводы из Гете. Библиографический указатель // ЛН. Т. 4–6. М., 1932. С. 987). Позднее им предпо-

ложительно назван издатель "Урании" М.П. Погодин (см.: *Житомирская С.В.* Иоганн Вольфганг Гёте. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1780–1971. М., 1972. С. 55).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СТАРИНА

Извлечения из книги иностранного посла о Руси XVI века, сделанные П.М. Строевым. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

[1] *И дым Отечества нам сладок и приятен!* – Неточная цитата из стихотворения Г.Р. Державина "Арфа" (1808. Первая редакция – Аониды. 1798–1799. Кн. 3, под загл. "К арфе N.N.", у Державина: "Отечества и дым нам сладок и приятен"). Источником этого стиха могли служить строки из "Одиссеи" Гомера (песнь I, ст. 56–58: "Но, напрасно желая видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий, Смерти единой он молит...") или из Овидия, прямо ссылавшегося на "Одиссею" (Письма с Понта, I, 3, 33): "Впрочем, не глуп был и Одиссей, а все-таки он жаждет иметь возможность видеть хоть дым с отеческих очагов. Родная земля влечет к себе человека, пленив его какою-то невыразимою сладостию, и не допускает забыть о себе". Я.К. Грот обнаружил на заглавном листе "Российского музеума" (изд. Ф. Туманским, 1792–1794) латинский эпиграф, происхождение которого неизвестно: "Et fumus patriae dulcis" (и дым отечества сладок). Последний стих "Арфы" часто цитировали русские поэты: К.Н. Батюшков в послании к И.М. Муравьеву-Апостолу ("отчизны сладкий дым"), Грибоедов в одном из монологов Чацкого в "Горе от ума", сделав в начале этого стиха инверсию: "И дым отечества...", – и выделив стих курсивом, как заимствованный у Державина; Вяземский в стихотворении "Самовар". См.: *Державин Г.Р.* Анакреонтические песни. М., 1987. С. 430.

[2] *Карамзин* Николай Михайлович (1766–1826) – прозаик, поэт, журналист; историк.

[3] *Рихтер* Вильгельм Михаил (1767–1822) – врач, профессор Московского университета, президент учрежденного в

1804 г. при университете физико-медицинского общества. Автор книги "История медицины в России" (1811–1812), изданной им с помощью молодых слушателей на свои средства на немецком языке. В 1820 г. был напечатан ее перевод, сделанный Н.А. Бекетовым на средства "ученого грека" З.П. Зосимы (*Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 134). В.К. Кюхельбекер так писал об этом сочинении 30 ноября 1832 г.: «В Рихтеровой "Истории медицины" указ Феодора I-го об учреждении больницы и дома призрения бедных: в этом указе дышит такой дух, который бы принес честь и 19 веку» (*Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 205).

4 *Бухау Даниил*, князь (1546–1608) – германский чрезвычайный посол в Москве в 1576 и 1578 гг., писатель. Полный перевод его записки о Московском государстве, писанной на латинском языке в 1577 г., впервые напечатан по-русски в "Чтениях Московского Общества истории и древностей", 1876, кн. 3 и 4.

5 *Древняя российская вивлиофика* – многотомное издание письменных источников по истории России, предпринятое в 1773–1775 гг. Н.И. Новиковым.

6 *Литургия Златоуста* – наиболее читаемое из православных богослужений, установленное архиепископом Константинопольским, св. Иоанном Златоустом (347–407).

7 *Святослав* – Святослав Игоревич (ум. 972 или 973), киевский князь и полководец. При нем государством до 969 г. правила его мать, княгиня Ольга, поскольку Святослав почти все время проводил в походах.

8 *Малвазия* – белое ликерное вино из специально отобранных ягод винограда того же названия на острове Мадейра в Италии, а также в Греции, Турции, Франции, Австрии и др. Отличается необыкновенно приятным и сладким вкусом.

9 *Крестовик* – петровский серебряный рубль (с вензелем, вычеканенным в виде креста).

10 *Ефимки* – иностранная серебряная монета, бывшая в обращении в Московской Руси в XVI–XVII вв.

11 *Сии монеты назывались пулы...* – Ср. перс.: пул – деньги, монеты, монета.

ВЕНЕРЕ ОТ САФО

Стихотворение А.Ф. Мерзлякова; перевод стихотворения Сафо – греческой поэтессы VII в. до н.э. – Πονχιλοδρον' αϑανατ' Αφροδιτα. Автограф неизвестен. Впервые – *ПиП*. Ч. 2. С. 57 (под загл. "Гимн Венере от Сафы"). Одновременно было опубликовано и в "Урании".

Ю.М. Лотман обратил внимание на опыты Мерзлякова в том, что он называл "сафическим" размером: «Именно в работе над переводами из Сафо Мерзляков приходит к отказу от силлабо-тоники, к тому тоническому размеру, который был охарактеризован Востоковым как присущий русской песне. Понятие "стопы" было заменено Востоковым "прозодическим периодом". В основе размера – ударения, "коих число не изменяется" (*Востоков А.* Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817. С. 95) 〈...〉 Мерзляков, видимо, учитывал рассуждения Востокова, сознательно сближая античную поэзию с системой, осознаваемой им как русская, народно-поэтическая» (*Мерзляков А.Ф.* Стихотворения / Вступит. статья, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Л., 1958. С. 47). Сапфическая строфа, одна из наиболее употребительных в античном стихосложении, состоит из трех 11-сложных сапфических стихов и 5-сложного "адония".

До Мерзлякова эту оду переводили Н. Эмин (в книге "Подражания древним") и Державин ("Анакреонтические песни"), предпринявший попытку перевести ее анакреоновым стихом (вместо сафической строфы).

СКОРОСПЕЛКА

(Primevere. – В альбом М.Г.Г-н)

Стихотворение М.А. Максимовича. Автограф неизвестен. Впервые – в "Урании". Положено на музыку А.А. Алябьевым под названием "Первоцвет". Адресат стихотворения неизвестен.

ПЕСНЯ

Стихотворение М.А. Максимовича. Автограф неизвестен. Впервые – в "Урании". Опубликовано также в альманахах "Эвтерпа... на 1828 г." (М.) и "Лира граций..." (М., 1832; без подписи, под заглавием "Романс").

МЫСЛЬ

Стихотворение Д.П. Ознобишина. Автограф – в *ПД*. Ф. 213. № 23. Л. 68–68об. Вошло в книгу "Думы и песни русских поэтов от Ломоносова до наших дней". М., 1900. Т. 1. С. 79. Другое стихотворение Ознобишина – "Мысль" ("Дочь ясных дум и вдохновенья...") – напечатено в "Московском наблюдателе" (1836. Ч. 7) – журнале любомудров, где публиковались также произведения участников бывшего раичевского Общества друзей.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

Стихотворение А.С. Пушкина. Автограф – при письме Пушкина к П.А. Вяземскому от конца ноября – начала декабря 1825 г. (*ПД*). В "Урании" – первая публикация. В "Сочинениях Александра Пушкина" (ч. II. 1829) отнесено к 1825 г.

Отклик на эстетические дискуссии 1820-х годов. В.К. Кюхельбекер в статьях "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" и "Разговор с Ф.В. Булгариным" (1824–1825) выступил с резкими нападками на жанр унылой элегии. Пушкин, сам когда-то отдавший дань этому эпигонски вырождавшемуся жанру, вслед за Кюхельбекером осудил "элегические куку".

Е.А. Баратынский, тоже один из крупных "элегиков", по выходе "Урании", посылая Пушкину эту книжку, в январе 1826 г. писал ему: "Как ты отделал элегиков в своей эпиграмме. Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно

Вытье жеманное поэтов наших лет"

(*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 254).

В стихотворениях Е.А. Баратынского этот стих нами, однако, не обнаружен.

ПРОВОДЫ АЛИНЫ

Подражание Метастазиевой песне: Ecco quel fiero istante

Стихотворение С.Е. Раича. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

[1] *Метастазио* Пиетро Антонио (наст. фам. Трапасси, 1698–1782) – итальянский поэт и драматург.

ДРУЖБА

Стихотворение А.С. Пушкина. Автограф – при письме Пушкина к П.А. Вяземскому от конца ноября – начала декабря 1825 г. (*ПД*). В "Урании" – первая публикация. Датируется 1825 г. Черновая редакция: *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 982–983.

ЧЕЛОВЕК. К БАЙРОНУ

(Из Ламартина)

Стихотворение А.И. Полежаева. Перевод стихотворения Ламартина "L'Homme".

[1] *Невтон* – принятая в то время транскрипция имени Исаака Ньютона (1643–1727).

[2] *...в останках вековых // Катонов* . – *Катон* Старший (234–149 до н.э.) – римский цензор, оратор, писатель и государственный деятель, враг Карфагена; *Катон* Младший (95–47 до н.э.) – римский политический деятель, республиканец, противник Цезаря.

[3] *Цезарь* Кай Юлий (100–44 до н.э.) – римский государственный деятель, полководец и писатель.

[4] В тексте "Урании" – цензурный пропуск двух стихов:

Вся жизнь его была лишь жизнию моей,
И душу я его считал душой своей...

(*Полежаев А.И.* Полное собрание стихотворений. М., 1939).

СВЕТЛАЯ НЕДЕЛЯ

Нравоописательный очерк П.А. Муханова. Автограф неизвестен. В "Урании" – первая публикация.

Буквами "ZZ" Муханов подписывал свои сочинения и до ареста (см., например, его письмо по литературным вопросам к М.П. Погодину – *РГБ*. Ф. 231. Р. II. К. 21. № 75).

[1] *...плюмажной шляпой очищают себе путь...* – Плюмаж – перяная опушка на шляпе.

[2] *Рыдван* – большая дорожная карета.

[3] *Цуг* – богатый способ езды, при котором лошади запряжены гуськом, в две или три пары.

[4] *Ландо* – четырехместная коляска с откидным верхом.

[5] *Гарпагон* – герой комедии Мольера "Скупой" (1669).

[6] *Гаеры* – шуты, паяцы.

[7] *...гулянье под Новинским...* – Новинское (теперешний Новинский бульвар) – одно из любимых мест увеселения москвичей.

Праздник идет чередом! Под Новинским кипит гулянье!
Новый возник городок, азиатский, красивый, цветистый!
Музыка, скачки, паяцы, качели; все весело, шумно,
Живо, нарядно, пестро...

(*Дмитриев М.А.* Московские элегии.
М., 1858. С. 54).

ДОПОЛНЕНИЯ

Ф.В. Булгарин

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬМАНАХ "УРАНИЯ"

Рецензия напечатана в газете Ф.В. Булгарина "Северная пчела" (СПб., 1826. № 7, 16 янв.) в рубрике "Новые книги", под № 6.

[1] *...Дм. Глаголева...* – Ошибка Булгарина; должно быть: Глебова.

СОТРУДНИКИ "УРАНИИ"

БАРАТЫНСКИЙ (БОРАТЫНСКИЙ) ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ (1800–1844), поэт. Из древнего дворянского польского рода. Воспитывался дома, с 1812 г. – в Пажеском корпусе. Через А.А. Дельвига познакомился с А.С. Пушкиным и принят как свой в "союз поэтов". В 1823–1824 гг. сблизился с А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым, постоянно печатался в "Полярной звезде" и "Северных цветах". С октября 1824 до февраля 1825 г. служил в Гельсингфорсе при штабе генерал-губернатора Финляндии А.А. Закревского, адъютант которого, Н.В. Путята (1802–1877), стал его другом, а позднее близким семейно. В январе 1826 г., выйдя в отставку, поселился в Москве, где сблизился с П.А. Вяземским, который ввел его в салон Зинаиды Волконской. Там Баратынский познакомился с "любомудрами" – С.П. Шевыревым, Д.В. Веневитиновым, И.В. Киреевским; с А.Н. Муравьевым (см.: *Муравьев А.Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 10–11, 14), возможно, и с С.Е. Раичем (в Общество друзей Раича входил и Н.В. Путята); с Пушкиным сходится "короче прежнего" осенью 1826 г. (письмо Пушкину, февраль–март 1828 г.). Вместе с Пушкиным 24 октября 1826 г. присутствовал на обеде в честь начала "Московского вестника", где были также Погодин, Шевырев, Раич, Оболенский (*Барсуков Н П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 48). Участвовал в московских журналах и альманахах: "Новые аониды" (1823), "Мнемозина" (1825), "Северная лира" (1827), "Московский вестник", "Галатея" и др.

Шевырев называл Баратынского "скорее... поэтом выражения, нежели мысли и чувства" (Московский вестник. 1828. № 1. С. 71); известная пушкинская оценка: "Оригинален, ибо мыслит". Подвергся критике в "Галатее" Раича (Галатея. 1830. Ч. 12. № 7. С. 88–89).

В "Урании" напечатал стихотворения: "К***, посылая тетрадь стихов", "Ожидание" и "Климене".

ВЕНЕВИТИНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1805–1827) – поэт, философ, критик, один из инициаторов Общества любомудрия (основано в 1823 г.). Происходил из знатной и культурной дворянской семьи. Получив разностороннее домашнее образование, вольнослушателем посещал лекции в Московском университете (1822–1823). По-видимому, бывал и на заседаниях Общества друзей Раича (см.: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 270). Служил в Московском архиве Министерства иностранных дел. Был душою журнала "Московский вестник" (1827–1830), где опубликовал свои стихотворения и др. произведения. Знакомство с М.П. Погодиным в июле 1822 г. (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 186) переросло в дружбу. Сорок лет спустя после смерти поэта Погодин писал: "Дмитрий Веневитинов был любимцем, сокровищем всего нашего кружка... Двадцать пять лет собирались мы остальные в этот роковой день, 15 марта, в Симонов монастырь, служили панихиду, а потом обедали вместе, оставляя один прибор для отбывшего друга" (Русский. 1867. № 7–8. 3 апр.). Д.П. Ознобишин посвятил Веневитинову два стихотворения – "Прерванная дума поэта" (Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 17. С. 9) и "На память Дмитрия Владимировича Веневитинова..." (Русский. 1867. № 7–8. 3 апр. С. 110). В "Урании" представлен философским этюдом "Утро, полдень, вечер и ночь".

ВЯЗЕМСКИЙ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ, князь (1792–1878) – поэт, критик, журналист, мемуарист. Из старинной феодальной знати, потомков удельных князей ("рюриковичей"). Учился в Петербурге, затем, возвратившись в Москву (1807), брал частные уроки у профессоров университета. 25 июля 1812 г. вступил в ополченческий Московский дворянский полк, участвовал в Бородинском сражении, где под ним были убиты две лошади. Родственные связи с Н.М. Карамзиным, женившимся на старшей сестре Вяземского, Екатерине Андреевне, ввели его в круг видных литераторов-"арзамасцев": Жуковского, Батюшкова, Д. Давыдова, В.Л. Пушкина. В 1817 г. был определен на

службу в Варшаву, в канцелярию императорского комиссара Н.Н. Новосильцева, вел иностранную переписку, переводил и редактировал государственные бумаги. В Варшаве Вяземский сблизился с польскими оппозиционными кругами. В 1821 г., уличенный в "польских симпатиях" и в "несогласии с видами правительства", он был уволен из Варшавы, отстранен от службы и подвергнут опале. За ним был учрежден тайный полицейский надзор. Живя в Москве и в подмосковном Остафьеве, занимался литературой. В эпоху европейской реакции отличался оппозиционными взглядами, во многом сочувствовал декабризму, не входя в тайные организации, создает ряд оппозиционных стихотворений ("Петербург", "Негодование", остросатирическое стихотворение "Русский бог"). Участвовал в альманахах: "Полярная звезда", "Северные цветы", "Новые аониды" (1823), "Мнемозина" (1824), "Северная лира" (1827), "Литературный музеум" (1827), "Денница" (1830), "Радуга" (1830), "Сиротка" (1831). В 1825 г. принял участие в организации журнала Н.А. Полевого "Московский телеграф". В 1828 г. произошел его разрыв с Полевым.

В Москве в 1822 г. Вяземский сблизился с Погодиным, познакомил его с Давыдовым и обратился к Пушкину и Жуковскому с просьбой принять участие в задуманном альманахе "Урания" и сам дал для него послание "Д.В. Давыдову" и перевод с польского трех басен И. Красицкого. Эти произведения Погодин получил от Вяземского в письме от 23 июня 1825 г.. что отмечено в дневнике Погодина (Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. XIX–XX. С. 71).

В дальнейшем либерализм и фрондерство Вяземского пошли на убыль. Он примирился с правительством, поступил на ненавистную ему службу в Министерство финансов. С воцарением Александра II занял высокий пост в Министерстве народного просвещения – стал во главе цензурного комитета, держась охранительной позиции.

В 1850–1860-е годы Вяземский теснее сближается с некоторыми из участников Общества друзей Раича – Ф.И. Тютчевым, С.П. Шевыревым, М.П. Погодиным, Д.П. Ознобишиным,

В.П. Титовым. С первыми двумя его связывали многолетние приятельские отношения. Тютчев посвятил ему стихотворение "Князю П.А. Вяземскому" ("Теперь не то, что за полгода...", 1861), "Есть телеграф за неименьем ног... – Князю Вяземскому", (1865) и "Враг отрицательности узкой..." (1871). В Шевыреве, не надеясь пережить его, Вяземский желал найти своего биографа, что выразил печатно в стихах: "... Мой биогра́ф, – быть может Шевырев, / Меня, давно забытого молвою, / Напомнит вновь вниманью земляков" (Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича князю П.А. Вяземскому 1825–1876 гг. СПб., 1901. С. 8). Ознобишин в письме к Вяземскому от 4 марта 1876 г., восторженно отзываясь о его стихотворении, посвященном памяти М.П. Погодина, благодарит поэта, тепло вспомнившего "давно минувшие дни нашего незабвенного уже несуществующего литературного кружка!" (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2456. Л. 7).

ГЛЕБОВ ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (1789–1843) – поэт, переводчик. Из старинного дворянского рода. Учился в Московском университетском благородном пансионе. Служил в Московском архиве коллегии иностранных дел. Первые стихи напечатал в 1807 г. в журнале "Минерва". В период антинаполеоновских войн сочинял патриотические оды, в том числе и об Отечественной войне, в которой он сам участвовал. Перевел поэму Мильвуа "Материнская любовь" (М., 1819) и его повесть в стихах "Эмма и Эгинар, или Мщение Карла Великого" (М., 1825), поэму Легуве "Воспоминания" (М., 1823). Собрание его стихотворений и переводов ("Элегии и другие стихотворения") вышло в Москве в 1827 г. Песня Глебова "Скушно, матушка, мне сердцем жить одной" (1817) получила широкую популярность и исполняется поныне ("Вдоль по улице метелица метет...") на музыку А.Е. Варламова.

ДМИТРИЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1796–1866) – критик, поэт, переводчик, мемуарист. Из старинного дворянского рода; племянник поэта и баснописца И.И. Дмитриева.

Обучался в Московском университетском благородном пансионе (1813–1817). С 1811 г. зачислен в Московский архив коллегии иностранных дел, где служил до 1825 г., затем – чиновник особых поручений при московском военном генерал-губернаторе. С 1826 г. – судья Московского надворного суда. Организовал в Москве, в подражание "Арзамасу", из университетских товарищей (среди которых был С.Е. Раич) литературное Общество громкого смеха (1816–1820) (см.: *Грумм-Гржимайло А.Г., Сорокин В.В.* "Общество громкого смеха "// Декабристы в Москве. М., 1963. С. 146–149). Член Общества друзей Раича; поддерживал особенно тесные отношения с А.И. Писаревым. 15 декабря 1824 г. по рекомендации К.Ф. Рылеева он избран членом Вольного общества любителей российской словесности. Известен критико-полемическими выступлениями против предисловия П.А. Вяземского к "Бахчисарайскому фонтану" Пушкина (Вестник Европы. 1824. № 7), критикой плана и характера главного героя комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума" (Вестник Европы. 1825. № 6), зарекомендовал себя сторонником классицизма. Но и сам бывал под огнем критики и эпиграмм Грибоедова, Вяземского (см.: Русская эпиграмма (XVIII–XIX вв.). Л., 1958. С. 119–120, 128–129), недоброжелателями пренебрежительно именовался "Лже-Дмитриевым" (*Вяземский П.А.* Старая записная книжка. М., 1963. С. 192).

Дмитриев – автор переводов из Шиллера, Гете, Матиссона, Горация Флакка. Печатался в "Трудах ОЛРС", "Вестнике Европы", "Сыне Отечества", "Московском вестнике", "Атенее", "Телескопе", а также в альманахах – "Новые аониды" (М., 1823), "Полярная звезда на 1824 год", "Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год" (М.), "Литературный музеум на 1827 год" (М.), "Северная лира на 1827 год" (М.), "Невский альманах на 1829 год", "Эвтерпа" (М., 1828), "Радуга" (М., 1830). Первый поэтический сборник Дмитриева "Стихотворения" (ч. 1–2) вышел в Москве в 1830 г. Был близок кругу "Московского вестника". На протяжении всей жизни поддерживал дружеские отношения с Раичем и Погодиным. С начала 40-х годов печатал свои стихи, статьи и рецензии в

"Москвитянине". С Раичем обменивался поэтическими посланиями (см.: "Послание к М.А. Дмитриеву" С.Е. Раича (*ПД*) и послание М. Дмитриева к Раичу 15 апреля 1855 г. // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 14). Автор "Воспоминаний о Семене Егоровиче Раиче" (Московские ведомости. 1855. № 141. 24 нояб. С. 577). Его мемуары "Мелочи из запаса моей памяти" (М., 1854; 2-е изд. – 1869) живо рисуют московский литературный быт середины XVIII – первой трети XIX в. В "Урании" представлен стихотворениями "К фантазии", "Элегия" и "Покорность Провидению" (Из Шиллера).

КАПНИСТ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1758, по др. сведениям – 1757–1823) – поэт державинского круга; драматург, автор острой социальной комедии "Ябеда" (1793) – опубликована и поставлена на сцене в 1798 г. Сын украинского помещика из Полтавщины. Писал в жанре горацианской элегической оды с меланхолическими размышлениями и "скорбными думами". Лирические стихотворения Капниста в рамках умеренного эпикурейства отличаются изяществом формы, простотой и легкостью языка и позволяют говорить о поэте как о предшественнике психологической лирики и "легкой поэзии" К.Н. Батюшкова и юного Пушкина. По словам Н.В. Гоголя, стихам Капниста присущи "аромат истинно душевного чувства и какая-то особенная антологическая прелесть, дотоле не знакомая" (*Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1950. Т. 6. С. 147). В "Урании" посмертно помещено одно стихотворение Капниста – "Милой Паше. При посылке ей своих сочинений" – характерный образец его поздней элегической медитации "на случай".

ЛОМОНОСОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (1711–1765) – поэт и ученый-энциклопедист, автор многих трудов по физике, химии, геологии и минералогии, металлургии, механике; один из зачинателей новой русской литературы, теоретик языка и словесности, реформатор литературного русского языка и стиха.

МАКСИМОВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1804–1873) – украинский и русский филолог, историк, этнограф, фольклорист, поэт; ботаник. Учился в Новгород-Северской гимназии (1812–1819). В конце 1819 г. поступил на словесное отделение Московского университета, через два года перешел на физико-математическое. В 1823 г. окончил университет. С 1826 г. – адъюнкт, с 1833 – ординарный профессор ботаники Московского университета; заведовал университетским ботаническим садом и гербарием. Член Общества друзей Раича. В 1820 г. Максимович познакомился с М.П. Погодиным. В течение всей жизни был в дружеских отношениях с ним и Раичем. С 1826 г. начались его тесные литературные контакты с Пушкиным. Посещал аксаковские субботы, вечерние собрания у Елагиных и Сухово-Кобылиных. С мая 1834 г. – профессор русской словесности, а с октября – ректор Киевского университета. Составитель сборников "Малороссийские песни" (М., 1827. Кн. 1–4), "Украинские народные песни" (М., 1834. Ч. 1, кн. 1–3) и "Сборник украинских песен" (Киев, 1849. Ч. 1). Подготовил и издал три выпуска альманаха "Денница" (М., 1830, 1831, 1834. Кн. 1–3), в которых помещены произведения многих участников Общества друзей Раича, три выпуска альманаха "Киевлянин" (Киев, 1840. Кн. 1; Киев, 1841. Кн. 2; М., 1850. Кн. 3), два сборника "Украинец" (М., 1859. Кн. 1; Киев, 1864. Кн. 2). Печатался в "Московском телеграфе", "Атенее", "Телескопе"; в 40-е годы – в "Москвитянине", а также в "Литературной газете", в "Молве" и альманахах: "Северная лира" (М., 1827), "Эвтерпа..." (М., 1828), "Венера" (М., 1831), "Северные цветы" (СПб., 1832), "Лира граций" (М., 1832), "Денница" (М., 1830, 1831, 1834), "Одесский альманах на 1839 год". В "Урании" состоялся дебют М.А. Максимовича – поэта и фольклориста.

МЕРЗЛЯКОВ АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ (1778–1830) – поэт, переводчик, критик, теоретик русской и западной литературы, педагог. Родился в Перми, сын монастырского служки. Учился в Пермском народном училище. В 14 лет написал "Оду

на заключение мира со Швецией" (1792). Стихотворение имело успех и было представлено Екатерине II, и та повелела воспитывать Мерзлякова в гимназии при Московском университете, сообщать ей каждые полгода о его успехах. С 1795 по 1799 г. Мерзляков обучался в Московском университете, с которым оказалась связанной вся его жизнь. Кончив курс, в 1804 г. Мерзляков занял в университете место магистра кафедры "российского красноречия, стихотворства и языка", а с 1817 г. уже в звании профессора стал деканом факультета. Вместе с Александром и Андреем Тургеневыми, В.А. Жуковским, А.С. Кайсаровым и А.Ф. Воейковым участвовал в Дружеском литературном обществе (1801–1804), главным направлением деятельности которого было "самовоспитание патриотизма, самовоспитание гражданственности". Под влиянием Андрея Тургенева в творчестве Мерзлякова возникают тираноборческие мотивы ("Слава", "Разрушение Вавилона" и др.); он тяготеет к высоким общественным темам. Позднее принял участие в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств и в Обществе любителей российской словесности. Тогда же определился его интерес к гражданской лирике, фольклору, народной самобытности. В содружестве с крепостным композитором Д.И. Кашиным создал несколько песен на народные мотивы ("Чернобровый, черноглазый...", "Ах, что ж ты, голубчик...", "Ах, девица-красавица...", "Не липочка кудрявая...", "Я не думала ни о чем в свете тужить..."). Из популярных песен поэта в современном репертуаре сохранились "Ах, что ж ты, мой голубчик..." и "Среди долины ровныя...". Сборник "Песни и романсы" Мерзлякова вышел в Москве в 1830 г.

Мерзляков переводил Тиртея, Горация, эклоги Вергилия, отрывки из Гомера, Еврипида, Овидия, "Освобожденный Иерусалим" Т. Тассо. Его "Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев" (М., 1825–1826. Ч. 1–2) приобрели необычайную известность, особенно среди молодежи. В 1810 г. впервые в России Мерзляков читал публичные лекции в Москве в домах князя Д.В. Голицына и Ф.Ф. Кокошкина. Эти

лекции посещали и вельможи, и литераторы, и актеры, и чиновники, и дипломаты. В 1810-е годы Мерзляков становится виднейшим критиком и теоретиком искусства. Свои идеи он развивал в двух прочитанных им курсах: "Теория изящных искусств" (1812) и "Критики" (1816). Учебник Мерзлякова по изящной словесности "Краткая риторика" в течение четверти века выдержал пять изданий (1809, 1812, 1815, 1821, 1827). По нему преподавали в Московском университетском благородном пансионе Д.Н. Дубенский, С.Е. Раич, а затем А.З. Зиновьев и Н.И. Надеждин. Был популярным лектором, воспитывавшим вкус университетской молодежи. Среди его слушателей и учеников – П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, Ф.И. Тютчев, В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, А.И. Полежаев, М.Ю. Лермонтов, С.П. Шевырев, Д.П. Ознобишин. Мерзляков оказал большое влияние на своих учеников, в том числе и на М.П. Погодина. Печатался в "Вестнике Европы", "Приятном и полезном препровождении времени", "Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете", "Амфионе", "Московском вестнике" и в альманахах: "Аглая" (М., 1794. Кн. 1; М., 1795. Кн. 2; М., 1796. Кн. 1–2), "Утренняя заря" (М., 1806. Кн. 4; М., 1808. Кн. 6), "Муза новейших стихотворцев" (М., 1814), "Пантеон русской поэзии..." (СПб., 1814–1815. Ч. 1–2), "Отечественный памятник" (М., 1817–1818. Кн. 1–3), "Карманная библиотека аонид" (СПб., 1821), "Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год" (М.), "Денница" (М., 1830).

МУХАНОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1799–1854) – литератор, историк; декабрист. Из старинного дворянского рода. Воспитывался дома, в Московском университете, затем в Московском учебном заведении для колонновожатых; штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка; адъютант Н.Н. Раевского-старшего. Член Союза благоденствия (1818), "знал о существовании Южного и Северного общества, но членом ни одного из них, видимо, не был, участвовал в совещаниях

московских членов после восстания на Сенатской площади" (Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 123). После известия о поражении восстания 14 декабря призвал московских декабристов к решительным действиям – "ехать в Петербург и убить его" (т.е. царя Николая I. – *Якушкин И.Д.* Записки, статьи и письма. М., 1951. С. 59). Друг А.О. Корниловича, близкий знакомый К.Ф. Рылеева, посвятившего ему свою думу "Смерть Ермака" (1821); находился в приятельских отношениях с Пушкиным, Грибоедовым, Вяземским. В 1822 г. вместе с П.Н. Араповым составил либретто к опере Алябьева "Лунная ночь, или Домовые". Познакомился с Погодиным весной 1824 г. Узнав о предстоящей поездке Погодина в Петербург (декабрь 1825 г.), "посоветовал ему не сближаться с петербургскими литераторами" (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 282). Комиссией по делу декабристов осужден по IV разряду – к 12 годам каторги; срок сокращен до 8 лет; отбывал ее в Чите. По свидетельству Михаила Бестужева, в Читинском остроге читал лекции по русской истории и стал организатором литературных вечеров, намеревался выпустить в свет альманах, составленный из произведений декабристов (см. его письмо к П.А. Вяземскому от 12 июля 1829 г. в кн.: *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 187). С конца 1832 г. – на поселении. Публиковал статьи по военным и историческим вопросам, а также очерки в "Сыне Отечества", "Северном архиве", "Московском телеграфе". В "Урании" представлен очерком "Светлая неделя".

НЕВЕДОМСКИЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1791–1853) – поэт. Автор басен (сб. "Пантеон русских баснописцев". СПб., 1845) и подражаний "гусарской лирике" Д.В. Давыдова. Адресат эпиграммы Петра Колошина ("Неведомский поэт, не ведомый никем..."), приписываемой Пушкину (см.: Звенья. Сб. материалов и документов. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 162). Известны также его "ученые статьи", как определил их В.Г. Белинский

(см.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 544), печатавшиеся в старом "Современнике". С.П. Жихарев сравнивал его басню "Калека и скороходы" с баснями Д.И. Хвостова (*Жихарев С.П.* Записки современника: В 2 т. М.; Л., 1934. Т. 2. С. 248–249).

НЕЧАЕВ СТЕПАН ДМИТРИЕВИЧ (1792–1860) – поэт, писатель, историк и археолог; декабрист. Из дворянской семьи. Воспитывался дома, сдал экзамен при Московском университете. В службу вступил актуариусом в Коллегию иностранных дел (1817). В 1812 г. принимал участие в формировании ополчения во Владимире и Арзамасе. Почетный смотритель Скопинского уездного училища (1814), директор училищ Тульской губернии (1817–1823), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, кн. Д.В. Голицыне (1824). Член Союза благоденствия (1818). Был близко знаком с А. Бестужевым, Рылеевым и Кюхельбекером, привлекал московских литераторов к участию в "Полярной звезде". Находясь в Туле, он развил активную деятельность, вербуя в тайное общество новых членов. См.: *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96). К следствию не привлекался. Член Общества любителей российской словесности при Московском университете (1820). В круг его общения входили: А. Тургенев, Вяземский, Баратынский, Грибоедов, Полевой, "классики" (И.М. Снегирев, М.Т. Каченовский, И.И. Давыдов) и московские карамзинисты с сильной "архаической" ориентацией (М.Н. Макаров, Н.Д. Иванчин-Писарев, М.А. Дмитриев). С Погодиным познакомился весной 1823 г. (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 212). Живя в Петербурге, постоянно переписывался с ним (письма его к Погодину – *РГБ*. Ф. 231. Р. II. К № 22). Печатался в "Русском вестнике" (1816–1817), "Благонамеренном" (1820, 1823), "Сыне отечества" (1821), "Вестнике Европы" (1816–1826), "Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете" (1818–1824), "Дамском журнале" (1823–1825),

"Московском телеграфе" (1825–1826) и альманахах – "Новые аониды" (М., 1823), "Мнемозина" (М., 1824, 1825), "Полярная звезда на 1825 год", "Эвтерпа" (М., 1828), "Листки граций" (М., 1829), "Эрато" (М., 1829), "Жасмин и роза..." М., 1830), "Венера" (М., 1831), "Эвтерпа" (2-е изд. М., 1836). Один из участников постоянной рубрики "Вестника Европы" – "Мысли и замечания" (1819–1824), где он осуждал деспотизм, крепостное право, сословные привилегии. С 1827 г. переехал на службу в Петербург, занимал важные государственные должности и с конца 1830-х годов редко выступал в печати. Впоследствии жил в Москве.

НОРОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (1797 или 1798–1870) – поэт и переводчик. Из старинного дворянского рода. Младший брат писателя и переводчика Авраама С. Норова. Воспитывался в Московском университетском благородном пансионе. По окончании вступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел, где оказался в среде других "архивных юношей": Д.В. и А.В. Веневитиновых, И.В. и П.В. Киреевских, В.Ф. Одоевского, С.А. Соболевского, С.П. Шевырева, особенно сдружился с А.И. Кошелевым, другом детства и троюродным братом. С 1822 г. Ал. Норов – член Общества друзей Раича, позднее – участник Общества любомудрия (см.: *Кошелев А.И.* Записки. Berlin, 1884. С. 11; *Колюпанов Н.П.* Биография А.И. Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 2. С. 74; *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 128–129). Писал оригинальные стихотворения и вольные переводы из французских поэтов (Ламартин, Мильвуа, Парни). С 1819 г. член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в 1833 г. избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Печатался в журналах: "Благонамеренный", "Вестник Европы", "Новости литературы". В "Урании" поместил стихотворение "Храм (Из Ламартина)". Участвовал также в другом московском альманахе – "Северная лира на 1827 год".

Список стихотворений и переводов Ал. Норова приведен в

статье М.Д. Эльзона «Кем переведено "Философическое письмо"?» (Русская литература. 1982. № 1. С. 168–176). По мнению автора этой статьи, Ал. Норов в 1836 г. перевел "Философическое письмо" П.Я. Чаадаева, помещенное в № 15 "Телескопа".

ОДОЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ (1803 или 1804–1869) – писатель, ученый, журналист, литературный и музыкальный критик. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона, где обучался вместе с Д.П. Ознобишиным, С.П. Шевыревым, В.П. Титовым. С 1823 г. член Общества друзей Раича. Вместе с Д.В. Веневитиновым основал философский кружок Общество любомудрия (1823–1825). Вместе с В.К. Кюхельбекером издавал в Москве альманах "Мнемозина" (1823–1824), в котором приняли участие, кроме самих издателей, также Пушкин, Вяземский, Д. Давыдов, Грибоедов, Баратынский, Раич, Шевырев, Титов.

В 1826 г. Одоевский переехал в Петербург, служил в Комитете иностранной цензуры Министерства внутренних дел. Камер-юнкер, с 1836 г. камергер. Помощник директора Публичной библиотеки и директор Румянцевского музея. Хозяин литературно-музыкального салона. Печатался в журналах "Сын отечества", "Вестник Европы", "Московский вестник", "Московский телеграф", "Московский наблюдатель", "Современник", "Отечественные записки", "Литературная газета"; в альманахах: "Каллиопа" (1820), "Мнемозина", "Избранные сочинения в прозе и в стихах" (М., 1825), "Северные цветы" (СПб., 1831, 1832), "Альциона" (СПб., 1833), "Комета Белы" (СПб., 1833), "Новоселье" (СПб., 1833, 1834. Ч. 1, 2), "Денница" (М., 1834), "Утренняя заря" (СПб., 1840, 1841) и др. Совместно с А.П. Заблоцким издавал в Петербурге журнал для народного чтения – "Сельское чтение" (1843–1844. Кн. 1–4). В "Урании" он поместил прозаический этюд "Заветная книга". Участвовал также в другом московском альманахе – "Северная лира на 1827 год". С 1862 г. он снова жил в Москве.

Как писатель, Одоевский известен сборником "Пестрые

сказки" (1844), рядом повестей и философским романом "Русские ночи" (1844). О нем см.: *Маймин Е.А.* Владимир Одоевский и его роман "Русские ночи" // *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л.,1975. С. 247–276.

ОЗНОБИШИН ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (1804–1877) – поэт и переводчик с восточных и западноевропейских языков, лингвист, собиратель фольклора. Псевдоним: Делибюрадер (видоизмененное Дел-е берадар – в переводе с фарси означает: сердце брата). Из старинной дворянской семьи. Воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, по окончании которого служил в Московском почтамте цензором французских повременных изданий (1824–1828). Член Общества друзей С.Е. Раича, где исполнял обязанности секретаря. Вместе с Раичем издал "Северную лиру на 1827 год" (М.). В 1823–1824 гг. познакомился с В.К. Кюхельбекером (см. письмо Ознобишина к В.Ф. Одоевскому – *ИРЛИ*. Ф. 213. Оп. 100. Л. 2). Переводил произведения Низами, Саади, Хафиза, Нахшаби, Ибн-Руми, Абу Новаса и других поэтов Востока. Переводы восточных авторов оказали влияние на оригинальное творчество Ознобишина, обогатив его ориентальными темами, приемами и образами (см.: *Гольц Т.М.* К истории русской иранистики 20–30-х годов XIX в.: Д.П. Ознобишин-Делибюрадер // Народы Азии и Африки. 1976. № 3. С. 325–333; *Она же.* Дмитрий Петрович Ознобишин // Ознобишин Д.П. Стихотворения. М., 1992. С. 5–26). На протяжении всей жизни поддерживал отношения с бывшими участниками Общества друзей, посвятил стихотворения Раичу, Шевыреву, Погодину, Д. Веневитинову, В. Одоевскому. Письма его к Погодину, Н.В. Путяте, В.И. Оболенскому хранятся в *РГАЛИ* и *РГБ*. С 1833 г. Ознобишин был почетным попечителем Корсунского уездного училища, позднее – почетным попечителем Симбирской гимназии. В 1861 г. у себя в имении открыл школу для крестьян. Активно участвовал в проведении крестьянской реформы 1861 г. в Симбирской губернии; благоустраивал быт своих крестьян. Печатался в альманахах: "Каллиопа" (М.,1820), "Избранные

сочинения и переводы в прозе и в стихах" (М.,1825. Ч. 3), "Северные цветы" на 1826 и на 1827 гг., "Звездочка" (СПб., 1826), "Невский альманах на 1827 год" (СПб., 1826), "Альбом северных муз" (СПб., 1828), "Невский альманах на 1829 год" (СПб., 1828), "Опыт русской анфологии..." (СПб., 1828), "Эвтерпа..." (М., 1828 и 1831), "Эрато, приношение прекрасному полу..." (М., 1829), "Денница" (М., 1830), "Роза граций..." (М., 1830), "Венера..." (М., 1831. Ч. 4), "Сиротка..." (М., 1831), "Весенние цветы..." (М., 1835), "Утренняя заря..." (СПб., 1843), "Складчина" (СПб., 1874) и др. Печатался в журналах: "Вестник Европы" (М., 1821, 1822), "Соревнователь прросвещения..." (СПб., 1823), "Московский вестник" (1827, 1829, 1830), "Сын отечества" (СПб., 1826, 1827, 1829, 1830, 1850–1852), "Русский зритель" (М., 1828), "Галатея" (М., 1829 и 1830, 1839–1840), "Телескоп" (М., 1831 и 1834), "Молва" (М., 1832–1834), "Литературные прибавления к Русскому Инвалиду" (СПб., 1832 и 1834), "Московский наблюдатель" (1835, 1836, 1837), "Отечественные записки" (СПб., 1839–1842), "Современник" (СПб., 1839 и 1847), "Москвитянин" (1841, 1845, 1846, 1854 и 1855), "Литературная библиотека" (СПб., 1867), "Журнал Министерства народного просвещения" (СПб., 1868), "Нива" (СПб., 1875 и 1877).

В "Урании" представлен восточной повестью "Спор" и пятью стихотворениями.

ПЛАТОН (ЛЕВШИН, 1737–1812) – митрополит Московский. Родился в Московской губернии в семье сельского причетника. Образование получил в Московской славяно-греко-латинской академии, свободно владел латинским, греческим и французским языками; пополнил образование чтением исторических книг; рано прославился в качестве проповедника. В 1761 г., приняв монашество, назначен ректором Троицкой семинарии. В 1763 г., при посещении Екатериной II Троице-Сергиевой лавры, обратил на себя ее внимание проповедью "О благочестии" и был назначен законоучителем к наследнику престола. В 1766 г. назначен архимандритом Троицкой лавры, в

1768 – членом синода, в 1770 – архиепископом Тверским. В 1775 г. переведен на архиепископскую кафедру в Москву, которую занимал в течение 37 лет. Его "Краткий катехизис для детей" (1776), "Начальное учение человеком хотящим учитися книгам" (1776), "Катехизис в беседах, предложенных народу" (1775), "Православное учение веры" (1765) до появления "Катехизисов" митрополита Московского Филарета были единственными учебниками и курсами богословия на русском языке. Им составлена "Краткая российская церковная история", "Житие св. Сергия Радонежского". Под его наблюдением московская синодальная типография издала списки русских летописей, приведен был в порядок архив старой московской консистории. Интерес представляют около 500 проповедей Платона, его письма, одно из которых напечатано в "Урании", его автобиография, изданная лишь с большими пропусками – ввиду частых признаний об отношении к двору и придворным. Платон отличался независимостью суждений и, например, спрошенный о Новикове, привлеченном к ответственности, сказал, что желал бы побольше видеть таких христиан. См. о нем: *Снегирев И.* Жизнь Московского митрополита Платона. М.,1857; *Барсов А.* Очерк жизни митрополита Платона. М., 1891.

ПОГОДИН МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1800–1875) – историк, писатель, журналист. Учился в Московском университете, с 1821 г. – учитель географии в Университетском благородном пансионе, где воспитывалось большинство участников Общества друзей. С 1825 г. – преподаватель университета, с 1833 г. – профессор, с 1841 – академик. Еще в студенческие годы познакомился с Ф.И. Тютчевым, через него сблизился с С.Е. Раичем. В 1822 г. вел с ним переговоры о создании литературного общества. С 1823 г. – член Общества друзей Раича. 12 апреля 1823 г. Погодин прочитал в этом Обществе свой перевод из Тита Ливия "Софонизба", замечания на мнения Карамзина о "Начале Русского государства", о характере Ивана Грозного. Там же читал свой перевод "Рене" Шатобриана. Осенью 1823 г. привлек в Общество друзей В.П. Андросова и

А.М. Кубарева. В 1826 г. собрал альманах "Урания", где сам он участвовал двумя повестями ("Нищий" и "Как аукнется, так и откликнется"), а также – предположительно – стихотворным переводом из Гете: "Тишина на море и счастливое плавание".

В 1827–1830 гг. Погодин – редактор журнала "Московский вестник", в 1841–1856 гг. – журнала "Москвитянин", где печатались также произведения бывших участников Общества друзей: Тютчева, Раича, Ознобишина, В.Ф. Одоевского, Шевырева. Дружеские отношения с ними Погодин поддерживал на протяжении всей жизни. После смерти Раича заботился о материальном обеспечении его семьи. Тютчев посвятил Погодину два стихотворения – "Михаилу Петровичу Погодину" ("Стихов моих вот список безобразный...", 1868 и "Враг отрицательности узкой...", 1871).

С конца 1830-х годов Погодин – известный славянофил. Кроме "Урании", печатался в альманахах: "Денница" (М., 1830), "Северные цветы на 1832 год" (СПб.), "Сиротка" (М., 1831), "Комета Белы" (СПб., 1833), "Новоселье" (СПб., 1833, ч. 1), "Русская беседа" (СПб., 1842. Т. 3), "Молодик" (Харьков, 1843. Ч. 1–2), "Московский ученый и литературный сборник на 1847 год", "Киевлянин" (М., 1850. Кн. 3), "На Новый год" (М., 1850), "Северная звезда" (СПб., 1872), "Складчина" (СПб., 1874).

Погодин был также издателем сборника "Утро" (1859, 1866, 1868. Ч. 1–3). Участвовал он и в следующем московском альманахе – "Северная лира на 1827 год".

ПОЛЕЖАЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (1804, по другим сведениям 1805–1838) – поэт. Внебрачный сын пензенского помещика Л.Н. Струйского и его крепостной девушки А.И. Федоровой, выданной вскоре замуж за саранского мещанина И.И. Полежаева. В 1816 г. юноша был помещен Л.Н. Струйским в частный пансион при Московской губернской гимназии, а в 1820 г. поступил вольнослушателем в Московский университет на словесное отделение. Впервые выступил в печати в 1825 г. в "Вестнике Европы" со стихотворением "Непостоянство" и переводом из Макферсонова Оссиана "Морни и тень

Кормала". В 1825–1826 гг. написал сатирическую поэму "Сашка" автобиографического характера – своеобразную пародию на первую главу "Евгения Онегина", в которой подвергались отрицанию политические и моральные устои и нормы современного общества. Один из списков ходившей по рукам поэмы попал в руки императора Николая I, прибывшего в Москву на коронацию. Только что окончившего университет поэта по "высочайшему повелению" определили унтер-офицером в Бутырский пехотный полк. В июне 1827 г. Полежаев самовольно оставил полк. За самовольную отлучку он, возвратившись, предстал перед военным судом как дезертир, был разжалован в солдаты и лишен дворянского звания, приобретенного по окончании университета. Через два месяца после суда его допрашивали по делу о тайном обществе братьев Критских: в декабре 1828 г. Полежаева освободили из-под ареста, а в феврале 1829 г. в составе Московского пехотного полка направили на Кавказ, где поэт провел около четырех лет, участвовал в военных действиях и только на смертном одре мог узнать о производстве в прапорщики. Тема пленения и тюрьмы выдвигается в его стихотворениях на первое место: "Цепи" (1826), "Осужденный" (1828?), "Песнь пленного ирокезца" (1828), "Песнь погибающего пловца" (1828?), "Табак" (1828). Указывалось на связь "Песни погибающего пловца" со стихотворением С.Е. Раича "Друзьям" (Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 115); см.: *Полежаев А.И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1987. С. 513). По своим литературным устремлениям и вкусам (интерес к иноязычной поэзии, в том числе восточной, к фольклору, к русской народной песне) близок к Обществу друзей Раича. Был знаком с Погодиным и Раичем. Среди друзей Полежаева – поэты Л.А. Якубович и А.Г. Ротчев.

Отдельными изданиями вышли "Стихотворения" (М., 1832), «"Эрпели" и "Чир-Юрт": две поэмы А. Полежаева» (М., 1832), "Кальян: Стихотворения" (М., 1833; 1836; 1838). Печатался в журналах "Вестник Европы" (1825–1826), "Галатея" (1829–1830, 1839), "Московский телеграф" (1829), "Телескоп" (1831, 1832,

1836), "Московский наблюдатель" (1838), "Отечественные записки" (1840), а также в альманахах: "Эвтерпа..." (М., 1828, 1836), "Эрато..." (М., 1829, 1831), "Жасмин и роза..." (М., 1830), "Комета" (М., 1830), "Венера..." (М., 1831), "Северное сияние" (М., 1831), "Лира граций" (М., 1832) и др.

В "Урании" представлен пространным стихотворным переводом "Человек. К Байрону (Из Ламартина)".

ПОТЕМКИН ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1739–1791) – князь, государственный деятель. Из мелкопоместных дворян Смоленской губернии. В молодости служил в конной гвардии. Участие в перевороте 28 июня 1762 г. обратило на него внимание Екатерины II. В 1763 г. стал помощником обер-прокурора синода.

С 1769 г. Потемкин участвовал в русско-турецких войнах, отличился в ряде сражений и одержал ряд побед. С 1771 г. генерал-адъютант, временщик, самая влиятельная фигура второй половины царствования Екатерины II. Он провел необходимые реформы в армии, усовершенствовав многое в солдатской жизни. В качестве генерал-губернатора Новороссийского края развил бурную деятельность для его колонизации и развития, основал города Екатеринослав, Херсон и др. и российский военный флот на Черном море, овладел Крымом (1783); основал севастопольскую гавань, за что получил к своей фамилии прибавление: Таврический.

Последние годы жизни Потемкин провел в Яссах в окружении роскоши и почета.

Один из образованнейших людей России, "с генералами он говорил о богословии, с архиереями о войне", – писал о нем в специальной статье князь де-Линь в 1788 г. (Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т. II. С. 99.)

Литературные способности Потемкина проявились в его переписке, деловой и интимной, с императрицей Екатериной II. Тайное их венчание состоялось в храме Св. Сампсония Странноприимца в Петербурге 8 июня 1774 г.

Переписка эта впервые в полном виде опубликована

В.С. Лопатиным в кн.: Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. М., 1997 (серия "Литературные памятники"). В "Урании" помещено письмо Потемкина к митрополиту Московскому Платону, доставленное Погодину И.М. Снегиревым, сообщившим, что письмо относится к году смерти Потемкина.

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (1799–1837) – поэт, прозаик, драматург, критик, журналист. 18 июня 1825 г. Погодин заручился обещанием Вяземского привлечь Пушкина письмом к участию в альманахе "Урания". Письмо было написано 16–18 октября 1825 г. (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Л., 1937–1949. Т. 13. С. 238–239). На письмо Вяземского Пушкин ответил лишь в начале декабря (не позднее 2 декабря, почтовый штемпель 3 декабря; см. там же. С. 245–246). Приложены стихи: "Совет", "Соловей и Кукушка", "Движение", "Дружба", "Мадригал" – всего 5 стихотворений в автографах. Личное знакомство с Погодиным состоялось 11 сентября 1826 г. у Веневитиновых. При ближайшем участии Пушкина был организован и издавался "Московский вестник" (1827–1830). Погодин общался с поэтом в Москве в 1826–1829 и 1831 гг. и в Петербурге – в 1827, 1831.

Отношение поэта к современным ему альманахам было противоречиво. Пренебрежительные отзывы об альманахах и "альманашниках" нередки в его произведениях и письмах (см., например, 〈Альманашник〉). "Меж ветхих песен альманаха" поместил он в "Евгении Онегине" жалкие куплеты Трике (Там же. Т. 6. С. 109). 29 ноября 1826 г. он вынужден был просить Погодина письмом из Пскова как можно скорее остановить в московской цензуре все, что носит его имя, – "такова воля высшего начальства..." (Там же. Т. 13. С. 307). С.А. Соболевскому он писал 1 декабря: "...из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, журнальщиков и прочих щепетильных литературщиков" (Там же. С. 312). Однако, отзываясь на просьбы Вяземского, Погодина и др., Пушкин принял участие в ряде альманахов, в том числе и

в "Урании"; написал сочувственную рецензию на "Северную лиру" (Там же. Т. 11. С. 48). П.В. Нащокину он писал 22 октября 1831 г.: "...не знаю, не затею ли чего-нибудь литературного, журнала, альманака или тому подобного" (Там же. Т. 14. С. 237). И в том же письме сообщал, что издает новый выпуск альманаха "Северные цветы" – для братьев покойного А.А. Дельвига.

Пушкин поощрял литературные труды М.П. Погодина, в особенности его опыты народной исторической драмы. Летом 1831 г. поэт хлопотал о выпуске книги Погодина "Марфа, Посадница Новгородская" (М., 1830), задержанной в цензуре (поступила в продажу лишь в конце 1831 г.). 26 марта 1831 г. поэт писал П.А. Плетневу: «Мне сказывали, что Жуковский очень доволен "Марфой Посадницей", если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно позволение напечатать всю драму, произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать...» (Там же. С. 158). В 1836 г. Пушкин предложил Погодину сотрудничать в "Современнике", но напечатал лишь небольшую часть присланного им материала.

РАИЧ (Амфитеатров) СЕМЕН ЕГОРОВИЧ (1792–1855) – поэт, переводчик античной и итальянской поэзии. Издатель альманахов "Новые аониды" (М., 1823), "Северная лира на 1827 год" и журнала "Галатея" (М., 1829–1830 и 1839–1840). Воспитанник Московского университета, магистр словесных наук. До 1821 г. был членом Союза благоденствия. Входил в литературное Общество громкого смеха (см.: *Грумм-Гржимайло А.Г., Сорокин В.В* "Общество громкого смеха" // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 146–149). Основатель и председатель Общества друзей (1822–1825). Наставник и учитель Ф.И. Тютчева и А.Н. Муравьева. В 1827–1831 гг. вел занятия по практическим упражнениям в российской словесности в Московском

университетском благородном пансионе, где среди его учеников был Лермонтов. В "Галатее" активно печатались бывшие участники Общества друзей: Тютчев, Шевырев, Ознобишин. С бывшими участниками Общества друзей – Тютчевым, Погодиным, Шевыревым, Ознобишиным, М. Дмитриевым, В. Оболенским, А. Муравьевым – Раич поддерживал дружеские связи. Тютчев, Шевырев, Ознобишин, М. Дмитриев посвящали ему свои стихотворения.

Печатался в альманахах: "Мнемозина" (М., 1824. Ч. 2), "Полярная звезда" (СПб., 1825), "Северная лира на 1827 год", "Северные цветы" (СПб., 1826), "Литературный музеум" (М., 1827), "Альбом северных муз" (СПб., 1828), "Денница" (М., 1831), "Весенние цветы..." (М., 1835), "Утренняя заря..." (СПб., 1839), "Одесский альманах" на 1839 и на 1840 гг.; а также в журналах: "Московский телеграф", "Русский зритель" (М.), "Московский вестник", "Галатея" (М.), "Атеней" (М.), "Телескоп" (М.), "Московский наблюдатель", "Сын отечества" (СПб.), "Москвитянин" и др. В "Урании" ему принадлежат лирические стихотворения "Грусть на пиру", "Прощальная песнь в кругу друзей", "Перекати-поле", две главы перевода из "Освобожденного Иерусалима" Т. Тассо и "Проводы Алины" – подражание песни Метастазио.

РОТЧЕВ АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ (1806 или 1807–1873) – поэт, переводчик, писатель. Сын скульптора. В 20-е годы с перерывами учился на нравственно-политическом отделении Московского университета, где сблизился с кругом А.И. Полежаева и с оппозиционными студенческими кружками братьев Критских и Шишковых. Послание А.А. Шишкова "К Ротчеву" (1827) проникнуто декабристскими настроениями. Политические аллюзии и иносказания характерны и для творчества Ротчева. В 1825 г. он перевел стихами и издал в Москве "Мнимого рогоносца" Мольера. С 1827 г. находился под надзором полиции. В 1828 г. отдельной книжкой вышли ротчевские "Подражания Корану", печатавшиеся в журналах с 1826 г. В 1830 г. переехал в Петербург, где служил в Дирекции

императорских театров переводчиком. Автор переводов и переделок из Шиллера, Шекспира, Гюго.

В 30-е годы поэтическая деятельность Ротчева завершается. С 1835 г. он перешел на службу в Российско-Американскую компанию. Управлял поселком "Росс" в Калифорнии до того времени, когда эта колония была уступлена Северо-Американским штатам. В своих статьях и проектах, поданных в разные ведомства, Ротчев доказывал невыгоду этой уступки. Помещал статьи и очерки о своих путешествиях в "Библиотеке для чтения" (1835), "Сыне отечества" (1838), "Отечественных записках" (1852. Т. 62; 1854. № 2 и 5).

Книга Ротчева "Правда об Англии и сказания о расширении владений ея во всех частях света" (СПб., 1858) имела большой успех и выдержала несколько изданий. В 50-х годах в Лондоне посещал А.И. Герцена (см.: Летопись жизни и творчества А.И. Герцена, 1851–1858. М., 1976. Кн. 2. С. 122).

В "Урании" Ротчеву принадлежит стихотворение "Песнь грека" (Подражание Байрону из "Дон-Жуана"), кроме того, он сотрудничал в альманахах "Северная лира" (М., 1827), "Северные цветы" на 1827, 1829 и 1830 гг. и в журналах "Московский телеграф", "Атеней". Много печатался в "Галатее" Раича, куда через него попали и стихи опального А.И. Полежаева. В 1829 г. принял участие в полемике Раича с "Московским телеграфом" и перестал печататься в "Галатее".

САНГЛЕН ДЕ ЯКОВ ИВАНОВИЧ (1776–1864) – историк, писатель, военный советник. Родился в Москве в семье выходца из Франции. Учился в Ревеле, затем в Германии. Служил переводчиком при адмирале Спиридове. В 1804–1807 гг. читал немецкую литературу и преподавал тактику в Московском университете. С.П. Жихарев, его ученик, писал о нем: "...он человек хорошего тона и очень веселый в обществе, великий затейник на всякие игры и умеет занять молодых дам и девиц; все его любят и все ему рады. Я не видывал человека, который бы так ловко соединял педагогику с общежитием" (*Жихарев С.П* Записки современника: В 2-х т. М.; Л., 1934. Т. 1.

С. 202). В 1807 г. назначен в военную коллегию: тайный наблюдатель за образом мыслей офицеров; по гражданскому ведомству служил в министерстве полиции, директор канцелярии и начальник тайной полиции. Был главной пружиной в интриге против М.М. Сперанского в 1812 г. С 1812 г. – директор контрразведки. Ф.Ф. Вигель говорит о "наглости, подлости и проворстве" Санглена: "...сколь ни страшен был он, никто не хотел ни говорить с ним, ни кланяться ему" (*Вигель Ф.Ф.* Записки. В 2-х т. М., 1928. Т. 1. С. 318). Ему вторит Н.И. Греч: "...он (т.е. Санглен) имел искусство ошеломить, озадачить кого угодно своею смелостью и самонадеянностью. Он взялся устроить высшую тайную полицию, набрал шпионов, завел доносы... и некоторое время умел пускать пыль в глаза до того, что иногда ездил с докладами прямо к государю... и служил ему соглядатаем" (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 336–337). С 1816 г. – в отставке; жил в подмосковной деревне. В 1805–1806 гг. вместе с Рейнгардтом издавал в Москве журнал "Аврора".

Кроме статей в "Трудах московского общества истории..." и в "Москвитянине", напечатал: "О военном искусстве древних и новых народов" (1808), "Краткое обозрение военной истории XVIII в., с опровержением мнения Гибера о Петре Великом" (1809), "О истинном величии человека" (1814), "О начале и падении мифологического мира и богослужения древних греков" (1815), "Рыцарская клятва при гробе (русский роман из времен меченосцев)" (М., 1832); "Шиллер, Вольтер и Руссо" (М., 1843) и мн. др. Его "Жизнь и мнения нового Тристрама" вышли в Москве отдельной книгой в 1829 г.

Санглен был знаком с М.П. Погодиным (см. его письма к Погодину 1840-х – нач. 1860-х годов – *РГБ*. Ф. 231. Р. II. К № 29). Его рассказы о службе при министре полиции А.Д. Балашеве Погодин напечатал в "Русском Архиве" 1871 г.

СНЕГИРЕВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (1793–1868) – фольклорист, этнограф, археолог. Сын ординарного профессора Московского университета М.М. Снегирева. Воспитанник

Московского университета; ординарный профессор латинской словесности университета; цензор (1828–1855). Знаток московских древностей и русской народной словесности. Автор трудов: "Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках" (М., 1831–1834. Вып. 1–4), удостоенного решением Императорской Академии наук Демидовской премии; "Русские простонародные праздники и суеверные обряды" (М., 1837–1839. Вып. 1–14), "Троицкая Лавра" (М., 1842), "О лубочных картинках русского народа" (М., 1844 и 1861), "Русские народные пословицы и притчи" (М., 1848). "Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества" (М., 1848–1854), "Москва: Подробное историческое и археологическое описание города" (М., 1865. Т. 1). Составил историко-археологическое описание почти всех московских и подмосковных монастырей и церквей; автор многих биографий, в том числе архимандрита Августина и митрополита Платона.

Снегирев активно участвовал в юбилейных изданиях Московского университета, в трудах его научных обществ. В 20-е годы общался с Мерзляковым, И.И. Давыдовым, М.Т. Каченовским, С.Д. Нечаевым, К.Ф. Калайдовичем, П.М. Строевым, М.А. Дмитриевым (см.: *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. Т. 1: 1822–1852. С. 26, 55, 56, 67, 108, 133, 149). В 1822 г. сблизился с Погодиным (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 161). Был в дружеских отношениях со многими известными писателями и поэтами. Помогал И.И. Лажечникову в собирании материала для его сочинений. Оказал благотворное влияние на П.В. Киреевского, пробудив у него интерес к народной поэзии (*Гаврилова Г.Н., Соймонов А.Д.* П.В. Киреевский и собранные им песни // *ЛН.* Т. 79. М., 1968. С. 19). Впоследствии Снегирев стал участником собрания песен Киреевского и цензором его первого сборника, подготовленного к печати, но не вышедшего в свет. Состоял в переписке с Я. Гриммом, посылал ему свои сочинения в Берлин.

Осторожный цензор, Снегирев в конце своей жизни все же был отстранен от этой должности за написанный им и

опубликованный в "Московских ведомостях" "Очерк истории типографии Московского университета", где рассказал о Н.И. Новикове (*Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 149–150). И.А. Гончаров, учившийся у Снегирева, писал о нем: "...вкрадчивый, тонкий, но в то же время циничный, бесцеремонный, с нами (студентами) добродушный..." (Цит. по: *Буслаев Ф.И.* Иван Михайлович Снегирев и дневник его воспоминаний с 1821 по 1865 год. СПб., 1871. С. 186).

В "Урании" ему принадлежит лингво-стилистический этюд "Синонимы". Он же доставил Погодину письмо Г.А. Потемкина к митрополиту Платону.

СОЛОВЬЕВ ФЕДОР Н. – малоизвестный поэт и прозаик первой половины XIX в. Сведения о нем крайне скудны. Н.П. Смирнов-Сокольский в кн. "Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв." (М., 1965) не раскрывает даже его инициалов (см. с. 118, 139–140, 165, 326, 573). Издавал альманах "Метеор", состоящий только из его произведений, о которых рецензент дельвиговской "Литературной газеты" (1830. Т. III. С. 76) писал: "Шесть прозаических статей, из числа коих две повести довольно замечательны, хотя рассказаны слогом вялым. Стихотворения все носят на себе одну общую печать посредственности".

Печатался в альманахах: "Зимцерла" (М., 1829), "Комета" (М., 1830), "Северное сияние" (М., 1831; посвящен семейству Ф. Соловьева), "Цинтия" (М., 1831).

По-видимому, Ф. Соловьев был близок к кругам московского студенчества, знал некоторых профессоров университета и пользовался покровительством М.П. Погодина. В "Урании" напечатаны две его стихотворные "Надписи к портрету". Первая из них вошла в книгу "Русская эпиграмма" (М., 1990. С. 109).

СТРОЕВ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ (1796–1876) – археограф и историк. Сын московского торговца. Воспитанник

Московского университета (1813–1816). Его "Краткая Российская история для начинающих" (1813) служила учебником до 1830-х годов. В 1815 г. издавал журнал "Современный наблюдатель российской словесности", в котором подверг резкой критике "Россияду" М.М. Хераскова. Его статьи в "Сыне отечества" 1814 и 1815 гг. обратили на него внимание государственного канцлера, графа Н.П. Румянцева. В 1816 г., не окончив курса, Строев поступил в Архив Министерства иностранных дел, принял участие в издании "Собрания государственных грамот и договоров". Деятельность Строева в кружке Румянцева (1816–1826), объезды подмосковных монастырей для отыскания древних рукописей в 1817–1820 гг. обогатили науку ценнейшими документами. В 1823 г. он предложил Обществу истории и древностей российских грандиозный план археографического обследования России. В 1828–1832 гг. на средства Академии наук он осуществил свой замысел в ходе специальной археографической экспедиции. По архивным материалам Строев выпустил ряд ценнейших исторических сочинений. Автор книги "Ключ к Истории государства Российского Н.М. Карамзина" (М., 1836. Ч. 1–2) и др. сочинений. С Погодиным познакомился в ноябре 1820 г. (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1. С. 156–157). Был знаком с Пушкиным: общался с декабристами – А.А. Бестужевым, Ф.Н. Глинкой, П.А. Мухановым, К.Ф. Рылеевым. Составил исторические примечания к "Думам" Рылеева.

В "Урании" Строев напечатал свой прозаический этюд "Отечественная старина".

ТЮТЧЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1803–1873) – поэт. Из дворянской семьи. Первоначальное образование получил под руководством С.Е. Раича. Член Общества друзей. В 14 лет вошел в Общество любителей российской словесности. В печати выступил впервые в 1819 г. с вольным переложением из Горация. В 1819–1821 гг. учился на словесном отделении Московского университета. По окончании поступил в Коллегию иностранных дел. Служил в русских дипломатических

миссиях в Мюнхене (1822–1837) и Турине (1837–1839). Присланные им оттуда стихотворения печатались в альманахах: "Новые аониды" (М., 1823), "Денница" (М., 1830, 1831, 1834), "Северная лира на 1827 год", "Сиротка" (М., 1831), "Весенние цветы..." (М., 1835); в журналах: "Русский зритель", "Галатея", "Атеней", "Телескоп". В 1836 г. наиболее значительную подборку стихотворений Тютчева, "присланных из Германии", в журнале "Современник" поместил Пушкин.

В "Урании" Тютчев представлен тремя стихотворениями ("К Нисе", "Песнь скандинавских воинов" и "Проблеск"). Это одно из первых выступлений поэта в печати, за десятилетие до знаменитой пушкинской подборки.

ШЕВЫРЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ (1806–1864) – поэт, критик, историк и теоретик литературы. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона, где был членом литературного общества, основанного В.А. Жуковским. С 1822 г. – участник Общества друзей С.Е. Раича, а с 1823 г. – Общества любомудрия. С любомудрами его сближал интерес к немецкой романтической эстетике. Вместе с В.П. Титовым и Н.А. Мельгуновым в 1826 г. Шевырев перевел книгу В.Г. Ваккенродера и Л. Тика "Об искусстве и художниках...". Шевырев – один из организаторов и активный участник журнала "Московский вестник" (1827–1830), где он печатал свои оригинальные и переводные стихотворения, критические статьи и рецензии. Первым начал борьбу с Булгариным и редактируемой им газетой "Северная пчела". Из немецкой философии он усвоил взгляд на литературный процесс как на процесс исторический (см.: *Манн Ю.* Молодой Шевырев // Манн Ю. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969. С. 149–190.) С 1829 по 1832 г. был в Италии, опубликовал рассуждение "О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение" (1831). С 1832 по 1857 г. преподавал историю русской литературы в Московском университете. Шевырев – автор исследований: "История поэзии" (1835), "Теория поэзии" (1836). С 1841 по 1845 г. он активный сот-

рудник журнала "Москвитянин", где пропагандировал формулу "православие, самодержавие и народность", выступая сторонником "официальной народности". Поддерживал отношения с бывшими членами Общества друзей – С.Е. Раичем, М.П. Погодиным, В.Ф. Одоевским, Д.П. Ознобишиным.

Шевырев печатался в альманахах: "Каллиопа" (М., 1820. Ч. IV), "Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах" (М., 1825. Ч. 3), "Мнемозина" (М., 1825. Ч. 4), "Северные цветы на 1826 год" (СПб.), "Северная лира на 1827 год", "Альбом северных муз" (СПб., 1828), "Подснежник" (СПб., 1829), "Денница" (М., 1830, 1831, 1834), "Радуга" (М., 1830), "Роза граций" (М., 1830), "Венера..." (М., 1831. Ч. 1, 2), "Северные цветы на 1831 год" (СПб., 1830), "Сиротка" (М., 1831), "Эвтерпа..." (М., 1831), "Альциона" (СПб., 1832, 1833), "Комета Белы" (СПб., 1833), "Песни, романсы и куплеты..." (М., 1833), "Весенние цветы..." (М., 1835), "Русская беседа" (СПб., 1841. Т. 2), "Молодик на 1843 год" (Харьков. Ч. 1) и др. В "Урании" он поместил четыре своих стихотворения: "Мой идеал", "Я есмь", "К Агатону" и "Новый Эпименид".

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Альбом Пушкинской выставки	Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве 29 мая–13 июня 1899 г.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки	Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, май, 1899. М., 1899
БУАН	Библиотека Украинской академии наук
ГЛМ	Государственный Литературный музей, Москва
ЛН	Литературное наследство
ОЛРС	Общество любителей российской словесности
ПД(ИРЛИ)	Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом). Рукописный отдел, Санкт-Петербург
ПиП	Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова. Ч. 1–2. М., 1825–1826
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГБ	Российская государственная библиотека, Москва
РНБ	Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

УРАНИЯ. КАРМАННАЯ КНИЖКА НА 1826 ГОД ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬНИЦ И ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

УРАНИЯ

Карманная книжка
на 1826 год
для любительниц
и любителей
русской словесности

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Литературные памятники"

Заведующая редакцией
"Наука–культура" *А.И. Кучинская*

Редактор *Е.Л. Никифорова*

Художник *Б.И. Астафьев*

Художественный редактор *Г.М Коровина*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *Н.Л. Голубцова,*
А В. Морозова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 23.09.98

Формат 70 × 90 1/32. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 13,45. Усл.кр.-отт. 14,8. Уч.-изд.л. 14,2

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 121

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзая ул., 90

Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ
И МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ.
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

52 л.

Издание энциклопедического типа по программе "Свод памятников истории и культуры России" включает научно-справочные статьи обо всех сохранившихся на территории Брянской области памятниках архитектуры, градостроительства, монументально-декоративного и садово-паркового искусства, вводный обзор истории развития здесь художественной культуры и справочный аппарат. Это максимально полная публикация национального культурного наследия на данной территории; имеет большое научное и просветительское значение. В книге более 1000 иллюстраций.

Для архитекторов, градостроителей, реставраторов, искусствоведов, музейных работников, экскурсоводов и краеведов, сотрудников органов охраны памятников и всех интересующихся отечественной культурой.

В.Н. Топоров

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ДРАМА ШУДРАКИ "ГЛИНЯНАЯ ПОВОЗКА".

Приглашение к медленному чтению.

26 л.

Книга – первое в России монографическое исследование знаменитой драмы древнеиндийского автора Шудраки, жившего в середине I тыс. н.э. Рассмотрены проблемы авторства, текста и его источников, места пьесы в контексте индийской литературы. Предложен анализ структуры текста на разных уровнях. Много внимания уделено миру изображаемого (город, быт, занятия, досуг, развлечения, природа) и его реконструкции на основе пьесы. Особое место занимают разделы, посвященные знаковому пространству текста: языку, мифу, искусству, сравнению, метафоре как универсальному приему изображения.

Для индологов, востоковедов, специалистов по литературе и искусству, историков, широкого круга читателей, интересующихся проблемами мировой культуры.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ:

Е.П. Ювалова

ЧЕШСКАЯ ГОТИКА ЭПОХИ РАСЦВЕТА

25 л.

Монография посвящена блестящему периоду в истории чешского искусства (вторая половина XIV – начало XV в.), когда оно заняло одно из ведущих мест в Европе. Рассматриваются архитектурные ансамбли, произведения скульптуры, настенной, станковой и книжной живописи. Прослеживаются перипетии двояконаправленного процесса – формирования национальной художественной школы и общеевропейских принципов поздней готики.

Для искусствоведов.

МНОГОГРАННЫЙ МИР КАНДИНСКОГО

17 л.

В сборник вошли статьи, посвященные основным проблемам творчества и художественного наследия В.В. Кандинского (1866–1944). Публикуемые материалы были представлены ранее в виде докладов на Международной конференции, состоявшейся в Государственной Третьяковской галерее в декабре 1994 г. Историки искусства, философы, психологи, театроведы, музыковеды с разных позиций анализируют многочисленные грани творчества великого мастера.

Для искусствоведов, широкого круга читателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ
"АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга–почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга–почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга–почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга–почтой")
142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга–почтой")
443022 Самара, проспект Ленина, 2 (Книга–почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

---

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90;
тел. (095)334-98-59*
